

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2017 г., том 24, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Журавлев В.В., Соколовский И.Р. 60 лет всероссийскому научному журналу «Гуманитарные науки в Сибири»	5
--	---

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мининков Н.А. Атаман Ермак Тимофеевич и события XVI в. в исторической памяти донского казачества	11
Дмитриев А.В. Взаимоотношения военнослужащих регулярной армии с гражданскими властями и населением Сибири во второй половине XVIII в.	16
Плотникова М.М. Составы городских дум Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в.	21
Ананьев Д.А. Русско-аборигенные отношения в Сибири и на Дальнем Востоке (1820-е гг. – начало XX в.) в англоязычной и немецкоязычной историографии)	28
Шмаков В.С. Трансформация жизненных стратегий сельских локальных сообществ на рубеже XX–XXI в.	34

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Лбова Е.М. Книжная культура русской диаспоры 1900–1914 гг. во Франции	39
Лизунова И.В. Книжная индустрия Сибири: динамика, лидеры, векторы развития рубежа XX–XXI вв.	47
Метельков А.С. «Новая волна» литературно-художественных журналов Сибири 1990-х гг. в книжно-культурном пространстве России	57

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Зверев В.А. Воспроизводство населения в Азиатской России: историческая динамика конца XIX – начала XX в.	63
Исупов В.А. Как рассчитывали численность населения в годы Второй мировой войны	69
Бурматов А.А. Эволюция смертности населения Западной Сибири в 1950–1970-е гг.	75
Дашинамжилов О.Б. Смертность городского населения Западной Сибири в 1959–1970 гг.	82
Адам Шульц. Определение удельного веса субпопуляций в исследованиях разницы в продолжительности жизни: практический подход	88

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зайц Н. К вопросу о переводческой деятельности Максима Грека в России	95
Серов В.В. К названию монетного двора, чеканившего «сибирскую» монету	100
Рыкова В.В., Мандрина Л.А. Сибирь и династия Романовых: анализ материалов из баз данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН	104
Долгополова Е.В. Формирование судейского корпуса в первые послевоенные годы (на примере судов Ленинграда).	110
Ванчикова Ц.П., Матханова Н.П. Местное самоуправление у бурят в XIX – начале XX в. в документах государственного архива Республики Бурятия.	115
Долгушин Д.В. Рец. на: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в советской России. Октябрь 1917–1918 гг.: сб. док. / отв. редактор – протоиерей В.Н. Воробьев, отв. составитель Л.Б. Милакова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 944 с.	117
Журова Л.И., Комлева Е.В., Шипилов И.А. «Актуальные проблемы отечественной истории, археографии и источниковедения». III Всероссийская научная конференция, посвященная памяти академика Николая Николаевича Покровского (12–14 октября, г. Новосибирск)	119
Куперштох Н.А. V Сибирский исторический форум (г. Красноярск, 25–26 октября 2017 г.).	122
Шелегина О.Н. Важное событие в музейном мире России	124

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 29.12.17. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,7. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ № 292.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2017, vol. 24, N 4

CONTENTS

Zhuravlev V.V., Sokolovskiy I.R. The 60th anniversary of the Journal «Gumanitarnye nauki v Sibiri»	5
---	---

NATIONAL HISTORY

Mininkov N.A. Ataman Ermak Timofeevich and the Events of the 16 th century in the Historical Memory of the Don Cossacks	11
Dmitriev A.V. The relations between regular army servicemen, civil authorities and population in Siberia in the 2 nd half of 18 th century . . .	16
Plotnikova M.M. The composition of the city dumas of East Siberia in the late XVIII – early XIX centuries.	21
Ananyev D.A. Russo-Aboriginal Relations in Siberia and Far East (1820s – Early XX Century) in the English- and German-Language Historiography	28
Shmakov V.S. The transformation of Life Strategies of Rural Local Communities at the Turn of XX–XXI Centuries	34

BOOK CULTURE

Lbova E.M. Book culture of Russian diaspora in France in 1900–1914	39
Lizunova I.V. Book industry of Siberia: Dynamics, the leaders, the vectors at the turn of XX–XXI Century	47
Metelkov A. S. «New wave» of literary and art magazines of Siberia in the 1990s in the book-cultural space of Russia	57

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Zverev V.A. Reproduction of the Population in Asiatic Russia: historical dynamics of the late 19 th – early 20 th century	63
Isupov V.A. How Was Population Size Calculated during World War II	69
Burmatov A.A. Evolution of mortality in Western Siberia in 1950–1970	75
Dashinamzhilov O.B. Mortality of the urban population of Western Siberia in 1959s–1970s	82
Adam Szulc. Weighting sub-populations in longevity inequality research: a practical approach	88

REPORTS, ACADEMIC LIFE

Zajc N. On the Question of Translation Activities of Maximus the Greek in Russia	95
Serov V.V. On the name of a mint coining Siberian money	100
Rykova V.V., Mandrinina L.A. Siberia and the Romanovs' dynasty: materials analysis from databases generated by SPSTL SB RAS	104
Dolgopolova E.V. Formation of the Judicial Staff in the first postwar years (by example of Leningrad courts).	110
Vanchikova Ts.P., Matkhanova N.P. Local Self-Government of the Buryats in the XIX - Early XX centuries in Documents of the State Archives of the Republic of Buryatia	115
Dolgushin D.V. Rec. ad op.: Separation of the Church from the state, and school in Soviet Russia. October 1917 - 1918: collection of documents / ed. Archpriest Vladimir Vorobiev ; comp. L.B. Milyakova. Moscow: PSTU publ., 2016. 944 p.	117
Zhurova L.I., Komleva E.V., Shipilov I.A. “Actual problems of Russian history, archeography and source study” III All-Russian scientific conference dedicated to the memory of Academician Nikolai Nikolaevich Pokrovsky, October 12-14, Novosibirsk.	119
Kupershtokh N.A. V Siberian Historical Forum (Krasnoyarsk, October 25-26, 2017)	122
Shelegina O.N. A significant event in the museum world of Russia	124

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

DOI: 10.15372/HSS20170401

УДК 070 (571)(051)(091)

В.В. ЖУРАВЛЕВ, И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

60 ЛЕТ ВСЕРОССИЙСКОМУ НАУЧНОМУ ЖУРНАЛУ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В декабре 2017 г. исполняется 60 лет с момента основания всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири». В статье рассматривается история становления и переименований журнала. С 1957 г. журнал назывался «Известия СО АН СССР». В 1963 г. единые «Известия СО АН СССР» разделяются на несколько специализированных серий, гуманитарии получают отдельное издание – Серию общественных наук «Известий СО АН СССР». В 1983 г. журнал был переименован в «Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии, философии», современное название «Гуманитарные науки в Сибири» журнал получил в 1994 г. В статье восстанавливаются имена редакторов журнала: 1957–1967 гг. – С.Л. Соболев, в 1967 г. – Г.А. Пруденский, 1967–1981 гг. – А.П. Окладников, 1982–1991 гг. – А.П. Деревянко, 1991–1998 гг. – Р.С. Васильевский, 1998–2003 гг. – В.Е. Ларичев, с 2003 г. – В.А. Ильиных. Анализируется редакционная политика (программы 1963 и 1984 гг.), изучается публикационная активность, рассматривается современное состояние журнала, прослеживается и освещение его деятельности в научной прессе.

Ключевые слова: Сибирь, история исторической науки, журнал, редактор, А.П. Окладников, Н.Н. Покровский, В.А. Ламин, Известия СО АН СССР.

V.V. ZHURAVLEV, I.R. SOKOLOVSKIY

THE 60TH ANNIVERSARY OF THE JOURNAL «GUMANITARNYE NAUKI V SIBIRI»

Novosibirsk National Research State University,
1 Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

December 2017 marks the 60th anniversary of the creation of the journal “Gumanitarnye nauki v Sibiri”, a periodical of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, which publishes papers on archaeography, source studies and history of Russia, first of all its Siberian region.

The journal “Gumanitarnye nauki v Sibiri” traces its origins back to the Journal of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences called “Izvestiya SO AN SSSR” which, in turn, had a predecessor “Izvestia Vostochnykh filialov AN SSSR”. The last one was found by the decree of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR, November 12, 1956. The journal was issued monthly in 1957, and published works of researchers from six branches of the Academy of Sciences.

Вадим Викторович Журавлев – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: vvzh@mail.ru.

Иван Ростиславович Соколовский – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sokolowski@yandex.ru.

Vadim V. Zhuravlev – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS, associate professor, Novosibirsk National Research State University.

Ivan R. Sokolovskiy – Candidate of Historical Sciences., Researcher, Institute of History SB RAS.

On December 13, 1957, Scientific Council of the SO AN SSSR appointed Academician S.L. Sobolev as the editor of the journal. In 1983, the journal was renamed "Izvestiya SO AN SSSR. Seria istorii, filologii i filosofii", in 1992 the journal was named "Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk. Seria: istoriya, filologiya i filosofiya". The journal got its modern title "Gumanitarnye nauki v Sibiri" in 1994.

N.D. Zolnikova writes that in publications on the pages of the journal N.N. Pokrovsky and his students used "approaches characteristic for the historical anthropology: attention to everyday life, peculiarities of behavior of both individuals and their groups, identification of participants' attitudes towards the events, etc."

The journal chief editors were S.L. Sobolev (1957–1967), G.A. Prudensky (1967), A.P. Okladnikov (1967–1981), A.P. Derevyanko (1982–1991), R. S. Vasilievsky (1991–1998), V.E. Larichev (1998–2003), V.A. Ilinykh since 2003.

The journal is published by publishing house of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. S.P. Mkrtchan headed the journal editorial department for many years. At present its head is V.I. Smirnova.

Key words: Siberia, historical science history, journal, editor; A.P. Okladnikov, N.N. Pokrovsky, V.A. Lamin, Izvestiya SO AN SSSR.

В декабре 2017 г. исполняется 60 лет с момента создания всероссийского научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири», учредители – Сибирское отделение РАН и Институт истории СО РАН. В нем публикуются статьи по археологии, источниковедению, археологии, этнографии, этнологии, этносоциологии, антропологии, истории России, методам исторических исследований. В центре внимания авторов – прежде всего проблемы истории сибирского региона [1, с. 629]. Кроме того, привлекаются материалы обзорного и информационного характера, освещающие итоги научных конференций, основные проблемы научных дискуссий, а также отражающие другие аспекты научной жизни: рецензии, персоналии, заметки и т.п. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Журнал размещен в НЭБ и включен в базу данных РИНЦ. Журнал также включен в международные базы данных: Ulrich's, EBSCO, CrossRef, в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.».

Журнал «Гуманитарные науки в Сибири» преобразован из журнала Сибирского отделения АН СССР «Известия СО АН СССР», у которого, в свою очередь, был предшественник – «Известия восточных филиалов АН СССР». Последний был создан распоряжением Президиума Академии наук СССР от 12 ноября 1956 г. Журнал выходил ежемесячно на протяжении одного года – 1957 г., на его страницах публиковались статьи научных работников шести филиалов Академии наук: Башкирского, Уральского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Якутского и Дальневосточного.

Возглавляли работу периодического издания главный редактор – заместитель председателя Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР, д-р техн. наук А.И. Горбанев и заместитель главного редактора – председатель Президиума Западно-Сибирского филиала АН СССР, канд. техн. наук, проф. Т.Ф. Горбачев. Деятельность редакции была организована в Новосибирске при Президиуме Западно-Сибирского филиала Академии наук. Несмотря на то, что в числе тематических областей журнала были упомянуты на-

ряду с другими областями знания и гуманитарные науки, публикаций гуманитарного профиля ни в одном из двенадцати номеров журнала не было [2, с. 49–54; 3, с. 155].

После принятия 18 мая 1957 г. Советом министров СССР постановления о создании Сибирского отделения АН СССР с центром в Новосибирске этому отделению переподчинялись все структуры, ранее действовавшие в составе Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Якутского и Дальневосточного филиалов Академии наук [4, с. 13]. К числу таких структур относился и журнал «Известия восточных филиалов АН СССР». На его основе было создано новое издание — журнал «Известия СО АН СССР» [5, с. 77–82]. 13 декабря 1957 г. Ученый совет СО АН СССР утвердил редактором журнала академика С.Л. Соболева и поручил ему организовать работу издания [4, с. 19].

В течение первых пяти лет своей работы новый журнал публиковал статьи по семи областям научных исследований, в том числе по экономике. Известно, что институционализированные гуманитарные исследования в Новосибирском научном центре зародились именно в лоне экономических наук.

В 1963 г. в истории журнала наступил новый этап, он стал издаваться в виде специализированных серий. Впервые гуманитарии Сибири получили собственное периодическое издание – Серию общественных наук «Известий СО АН СССР».

В первом номере за 1963 г. редакционная коллегия нового издания объявила свою программу: «Экономисты должны глубоко исследовать экономические закономерности коммунистического строительства, разрабатывать практические экономические проблемы, всесторонне учитывать региональные особенности развития народного хозяйства в Сибири и на Дальнем Востоке. Почетную задачу решают сибирские историки, создающие пятитомную историю Сибири. Большое значение имеют работы филологов, исследующих вопросы языкознания народностей Сибири и Дальнего Востока». Стилистика хрущевского периода хорошо видна из «манифеста» журнала: «Изучение жизни, практики, преодоление остатков догматического, талмудистского отношения к теории – таково общее требование к научным работам в любой области общественных наук». Редколлегия сообщала будущим авторам и читателям журнала о широком поле

его деятельности: «„Известия Сибирского отделения АН СССР“ (серия общественных наук) будут публиковать научные работы, представляющие изложение результатов исследований, основанных на первичных данных, на массовых наблюдениях практики и их теоретическом обобщении. Наряду с научными работами в каждом из выпусков предусматривается помещать краткие сообщения о научных конференциях и совещаниях, хронику научной жизни, критико-библиографические статьи и заметки по Сибири и Дальнему Востоку [6, с. 3].

Таким образом, программа редколлегии была направлена на объединение гуманитарных сил Сибири и Дальнего Востока, предусматривалось не только освещение научных открытий, но и информирование о научной жизни (конференциях, совещаниях, симпозиумах, новых журналах и книгах). В описании тематических полей, в понятиях «первичные данные» и «массовые наблюдения практики» видно, что дух журнала еще во многом определяли экономисты и социологи.

Выдвижение на первый план исторической проблематики произошло двадцать лет спустя – 1983 г. журнал был переименован в «Серия истории, филологии, философии» [5, с. 77–82]. Об этом в № 3 за 1984 г. редколлегия сообщала своим читателям: «Настоящим выпуском открывается новая в специализированном семействе журналов “Известия Сибирского отделения Академии наук СССР” серия – истории, филологии и философии». Подчеркивалось, что это событие представляет собой «своеобразное признание весомости результатов научных разработок, которые осуществлялись на протяжении последних десятилетий сибирскими историками, археологами, этнографами, филологами, философами и социологами». Цель журнала – освещение возможно более широкого круга гуманитарных проблем, связанных с анализом прошлого, настоящего и будущего Сибири».

В отличие от текста 1963 г., который уместился на половине журнальной страницы, текст «От редколлегии» в февральском номере 1984 г. рисует яркую картину достигнутых результатов и намечает серьезную программу на перспективу. Для той эпохи это был довольно оригинальный текст; так, только после описания достижений коллектива историков Сибири и Дальнего Востока помещена ссылка на руководящие документы КПСС, но не открывает его. Важнейшим результатом их труда названа многотомная «История Сибири», успевшая к тому времени получить Государственную премию СССР в области науки и техники (1973). Значимым событием, как отметила редколлегия журнала, стал выход в свет первых томов «Истории крестьянства Сибири» и «Истории рабочего класса Сибири». Сибирские гуманитарии активно участвовали и в программе СО АН СССР «Сибирь».

Журналу ставилась задача оперативно информировать «о результатах исследований сибирских ученых»,

«осуществлять четкое согласование, своевременную координацию усилий в разработке наиболее оптимального варианта долгосрочных планов научно-исследовательских программ представителей академической и вузовской науки Сибири». Предпринятый анализ показал, что в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения сложился к тому времени сильный исследовательский коллектив. Фактически каждый абзац редакционной статьи отражал научные интересы той или иной группы историков института. Согласно существовавшей в то время иерархии научно-исследовательских задач исторической науки, приоритет отдавался изучению истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири, второе место по значимости занимали проблемы истории рабочего класса и крестьянства. Интересно, что предполагалось анализировать не только «количественный и качественный рост рабочего класса», но и связанные с ним демографические проблемы. Крестьянство изучалось как доколхозное, так и колхозное. Акцент делался на изучение послевоенной деревни, особенно на процесс освоения целинных и залежных земель. На третьем месте стояли вопросы изучения советской культуры, причем предполагалось, что авторы будущих исследований станут использовать в ее изучении системный подход. Редколлегия намеревалась помещать также статьи по истории дооктябрьского периода, при этом отдельно выделялись работы по истории академических экспедиций XVIII в., традиционно важной для советских историков была также тематика политической ссылки. Отмечалось, что постоянно будут публиковаться работы по истории «русской книжной традиции в Сибири», подготовленные сотрудниками активно работающей школы д-ра ист. наук (в дальнейшем академика РАН) Н.Н. Покровского.

Интересно, что в программном заявлении редакции журнала, которое должно было охватить все гуманитарные дисциплины, история уже первенствовала и по тематике, и по объему. После полутора страниц, отведенных историческим исследованиям Сибири, редакция переходит к изложению программы археологических исследований, которые в тот момент велись весьма широко. Затем освещаются задачи этнографии (в основном народов Сибири), темы исследований языков народов Сибири, литературоведения (истории как русской литературы Сибири, так и коренных народов, в том числе младописьменной литературы). Завершают эту декларацию проблемы философии и социологии, причем на передний план выносятся проблемы методологии науки эпохи научно-технической революции, а не довлеющие в то время идеологические задачи.

Редколлегия анонсировала три рубрики журнала: статьи, сообщения и заметки. Статьи должны были освещать наиболее значимые либо остро дискуссионные проблемы. Предусматривался выпуск отдельных тематических номеров. Заметки призваны были кратко и емко сообщать об открытиях, событиях, помещались и персоналии. Научная хроника должна была содержать информацию о координации работы уче-

ных, о научных форумах (как анонсы конференций, так и отчеты о них), сообщать о защищаемых диссертациях и публикуемых работах, в том числе за рубежом [7, с. 3–7]. В последующие десятилетия журналу в целом удалось успешно реализовать эту масштабную программу.

Распад Советского Союза и вызванная им реорганизация Академии наук СССР в Российскую академию наук отразились в смене названия журнала. Со второго номера 1992 г. журнал стал именоваться «Известия Сибирского отделения РАН. Серия: История, филология и философия». Причем это переименование не сопровождалось какими-либо разъяснениями со стороны редколлегии журнала. Зато атмосфера тех лет рельефно выступает в обращении «Дорогие коллеги, друзья!», опубликованном на последней странице этого номера: «Вы хорошо знаете, как многократно подорожала жизнь. Каждый из вас ежедневно испытывает это на себе. Поэтому и наш журнал, как и большинство изданий в стране, оказался в тяжелом положении. <...> Мы обращаемся к друзьям нашего журнала, авторам, которые на протяжении многих лет публиковали (и, мы надеемся, будут публиковать) свои статьи, с просьбой о финансовой поддержке журнала» [8].

Современное название «Гуманитарные науки в Сибири» журнал получил в 1994 г. [9]. В 1994–2009 гг. журнал продолжал публиковать материалы по археологии, демографии и этнографии народов Сибири, филологии и философии. В 2010 г. профиль журнала изменен на преимущественно исторический¹, продолжалось освещение проблем и таких наук, как археология, этнография, этнология, этносоциология, историческая демография.

В 1998 г. газета «Наука в Сибири» охарактеризовала журнал следующим образом: «В журнале печатаются результаты оригинальных научных исследований и обзорные статьи по наиболее актуальным проблемам гуманитарных наук; публикуются материалы археологических, этнографических, фольклорных, археографических экспедиций, социологических обследований и опросов; осуществляется публикация ранее не введенных в научный оборот архивных документов; дается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах»².

Если сравнить эту характеристику с программами журнала, провозглашенными в 1963 и 1984 гг., то увидим, что произошла дальнейшая специализация журнала, внимание стало уделяться не только научным открытиям, но и дальнейшему формированию источниковой базы исследований по истории Сибири, выявлению и публикации исторических документов, совершенствованию методов исторических исследований.

¹ Смирнова В.И. Всероссийский научный журнал «Гуманитарные науки в Сибири». ISSN: 0869–8651 // Издательство Сибирского отделения Российской академии наук. URL: <http://www.sibran.ru/journals/gnvsib/> (дата обращения: 01.10.2017).

² Академическая периодика Сибири // Наука в Сибири. 1998. 25 сент. № 35–36 (2171–2172).

Научная пресса регулярно отмечала успехи журнала, который является изданием, довольно популярным в научных кругах. В 2010 г. академик В.И. Молодин писал об успехах журнала в распространении его электронной версии: «Постепенно набирает темпы продажа электронных версий наших журналов. Успеха в этом добились „ЭКО“, „Археология, этнография и антропология Евразии“, „Гуманитарные науки в Сибири“, „Наука из первых рук“»³.

Четыре года спустя эта же тенденция отмечалась в отчете СО РАН: «Значительно увеличили продажи электронных версий в 2014 году гуманитарии. Так, доходы от продажи журнала „Археология, этнография и антропология“ возросли почти в 1,5 раза (со 155 тыс. рублей до 236 тыс. рублей), журнала „Гуманитарные науки в Сибири“ в 6 раз (с 12 тыс. рублей до 75 тыс. рублей). Успешность продаж электронных версий этих журналов связывается в первую очередь с тем, что распространение версий ведется несколькими компаниями, ни одна компания не имеет эксклюзивных прав, а многолетние контакты с East View перешли в новое качество»⁴.

В разные годы с журналом сотрудничали ведущие российские ученые-сибиреведы: историки и археологи А.П. Деревянко, В.В. Алексеев, В.И. Молодин, Б.В. Базаров, Л.М. Горюшкин, В.А. Ламин, А.П. Окладников, Н.Н. Покровский, филолог Е.К. Ромодановская и многие другие, а также известные зарубежные ученые П. Джозефсон, Д. Андерсон, Ф. Литвак, Э. Глендиннинг, Дж. Кхана и др.

Журнал активно публикует рецензии на научные работы. В 1962 г. именно на страницах издания была опубликована первая рецензия на книгу недавно возникшего коллектива новосибирских историков «Сибирь XVII–XVIII вв.». Вып. 1 – результат важного подготовительного этапа к написанию многотомной «Истории Сибири» [10]. Журнал публиковал также материалы по истории Сибирского отделения РАН и является ценным источником информации о научной деятельности многих ведущих ученых-сибиреведов⁵.

В значительной степени вокруг журнала, а также ежегодника «Археология и источниковедение Сибири» формировалась научная школа академика Н.Н. Покровского. Анализ опубликованных в данном журнале научных работ исследователей, принадлежащих к «новосибирской археографической школе»⁶, выпол-

³ Молодин В.И. Научно-издательская деятельность СО РАН – некоторые итоги и перспективы развития // Наука в Сибири. 2010. 18 марта. № 11 (2746).

⁴ Доклады на Общем собрании Сибирского отделения РАН 20 марта 2015 года. 5: Научно-издательская деятельность // Сибирское отделение Российской академии наук. URL: http://www.nsc.ru/win/sbras/rep/rep2014/tom2/t2_05.pdf (дата обращения: 01.10.2017).

⁵ Курбангалеева И.В. Наука Сибири: 40 лет СО РАН. 1957–1997 // ГПНТБ СО РАН – Центральная библиотека Новосибирского Академгородка. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/cards/soran40.ssi> (дата обращения: 01.10.2017).

⁶ Археографическое открытие Сибири // Новосибирская государственная областная научная библиотека. URL: <http://ngonb.ru/>

нен в статье Н.Д. Зольниковой. По ее заключению, в публикациях на страницах журнала нашли отражение «подходы, характерные для исторической антропологии: внимание к повседневности, особенностям поведения как отдельных людей, так и их групп, выявление отношения к происходящему участников событий и т.д.», также она отмечала важность публикаций журнала для реконструкции процесса развития научных традиций школы Н.Н. Покровского его учениками: «При этом естественным было обратиться к статьям журнала „Гуманитарные науки в Сибири“, поскольку ученые Института истории СО РАН, в котором работал Николай Николаевич и его ученики, имеют возможность оперативно публиковать результаты своих изысканий на страницах данного издания» [11, с. 128–138].

Огромную роль в истории журнала, его становлении и развитии сыграли его ответственные редакторы. В разные годы ими были: в 1957–1967 гг. – академик АН СССР С.Л. Соболев; в 1967 г. – чл.-корр. АН СССР Г.А. Пруденский (ответственный редактор серии); [12]; в 1967–1981 гг. – академик АН СССР А.П. Окладников (ответственный редактор серии); в 1982–1991 гг. – академик АН СССР А.П. Деревянко (ответственный редактор серии); в 1991–1998 гг. – д-р ист. наук Р.С. Васильевский (ответственный редактор серии); в 1998–2003 гг. – д-р ист. наук В.Е. Ларичев [9]; с 2003 г. – д-р ист. наук В.А. Ильиных.

Однако работа над журналом не исчерпывается трудом главного редактора и усилиями членов редколлегии, особенно научных экспертов, которые читают, отбирают и рецензируют статьи, получаемые журналом. Важен еще труд издательства (редакторов, корректоров, верстальщиков, художников, работников типографии). Сначала журнал издавался Сибирским отделением Издательства «Наука», с 1994 г. – Издательством СО РАН⁷. Долгие годы журнал редактировала С.П. Мкртчян. В 2002 г. «за большой вклад в издательскую деятельность, создание, становление и развитие научного журнала „Гуманитарные науки в Сибири“» она была награждена Почетной грамотой Президиума СО РАН⁸. С 2002 г. заведующей редакцией научного журнала «Гуманитарные науки в Сибири» работает В.И. Смирнова, награждена Почетной грамотой РАН (в 2007 г.)⁹.

activities/projects/arkheograficheskoe-otkrytie-sibiri/ (дата обращения: 01.10.2017). Истина превыше всего... Лидеру Сибирской археографической школы академику Н.Н. Покровскому – 70 лет // Наука в Сибири. 2000. 23 июня. № 25 (2261).

⁷ Базылева Е.А., Юдина И.Г., Штырова Н.В. Календарь памятных дат СО РАН. Создание издательства Сибирского отделения РАН // Отделение ГПНТБ СО РАН – Центральная библиотека Новосибирского Академгородка. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/calendar/events/sibran.ssi> (дата обращения: 01.10.2017).

⁸ Новости. Награды отделения // Наука в Сибири. 2002. 1 марта. № 9 (2345).

⁹ Всероссийский научный журнал «Гуманитарные науки в Сибири» // Институт истории СО РАН. URL: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (дата обращения: 01.10.2017).

Журнал неизменно входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (создан в 2001 г.). Электронные варианты статей доступны в базе данных РИНЦ, на сайте Института истории СО РАН в открытом доступе, а также на отдельном англоязычном сайте журнала¹⁰. Бумажные версии журнала получают ведущие библиотеки страны (РГБ, РНБ, ГПНТБ, Администрации Президента РФ и др.) и зарубежные исследовательские центры (университеты США, Великобритании, Китая, Японии, Израиля, Болгарии и др.).

Сегодня, как и на протяжении всей своей шестидесятилетней истории, журнал «Гуманитарные науки в Сибири» развивается, трансформируясь вместе с российской исторической наукой. Он стал неотъемлемой и органической ее частью. Сохранить и приумножить в новых условиях его славные традиции, объединяющую роль и ценные результаты – важный вызов, стоящий перед многоликим сообществом читателей, авторов, редакторов, рецензентов и издателей журнала, всех тех, кто обеспечивает его движение через десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Куперштох Н.А.* Институт истории СО РАН // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 629.
2. *Лисовская Н.С.* Научные издания сибирских филиалов Академии наук (1946–1950-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 3. С. 49–54.
3. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Сибири и Дальнего Востока 1789–1980 гг. Новосибирск, 1989. 640 с.
4. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг. / Отв. ред. В. Л. Макаров. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1982. 336 с.
5. *Лисовская Н.С.* Академические журналы Сибири: история создания // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 77–82.
6. Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия обществ. наук. 1963. № 1, вып. 1.
7. От редколлегии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1984. № 3 (378), вып. 1. С. 3–7.
8. Известия Сибирского отделения РАН. Серия истории, филологии и философии. 1992. Вып. 2.
9. Гуманитарные науки в Сибири 1994. № 1.
10. *Устюгов Н.В.* Сибирь XVII–XVIII вв. Рец. на кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. I. 258 с. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия обществ. наук. 1964. № 1 (378), вып. 1. С. 111–114.
11. *Зольникова Н.Д.* Исследования новосибирской археографической школы на страницах журнала «Гуманитарные науки в Сибири» // Уральский исторический вестник. № 4 (49). 2015. С. 128–138.
12. Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия обществ. наук. 1967. № 1, вып. 1.

REFERENCES

1. *Kupershtokh N.A.* Institute of History SB RAS. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 1, p. 629. (In Russ.)
2. *Lisovskaya N.S.* Scientific publications of Siberian branches of the Academy of Sciences (1946–1950s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2015, vol. 22, no. 3, pp. 49–54. (In Russ.)

¹⁰ hssiberia.info (дата обращения: 01.10.2017).

3. Union catalog of periodical and continuing editions of Siberia and the Far East of 1789–1980. Novosibirsk, 1989, 640 p. (In Russ.)
4. Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. The Chronicle. 1957–1982. Ed. V.L. Makarov. Novosibirsk: Nauka, Sib. otdnie, 1982, 336 p. (In Russ.)
5. *Lisovskaya N.S.* Academic journals of Siberia: history of creation. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no. 4, pp. 77–82. (In Russ.)
6. *Izvestiya SO AN SSSR. Seria: obshchestvennykh nauk*. 1963, no. 1, iss. 1. (In Russ.)
7. *Izvestiya SO AN SSSR. Seria istorii, filologii i filosofii*, 1984, no. 3, iss. 1. (In Russ.)
8. *Izvestiya SO RAN. Seria istorii, filologii i filosofii*. 1992, iss. 2. (In Russ.)
9. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1994, no. 1. (In Russ.)
10. *Ustyugov N.V.* Siberia in XVII–XVIII centuries. (Book rev. of “Siberia of the Feudal Period”, iss. 1. Novosibirsk, 1962, 258 p.). *Izvestiya SO AN SSSR. Seria obshchestvennykh nauk*. 1964, no. 1, iss. 1, pp. 111–114. (In Russ.)
11. *Zolnikova N.D.* Studies of the Novosibirsk archeographic school on the pages of the journal «Gumanitarnye nauki v Sibiri». *Uralskii istoricheskii vestnik*. 2015, no. 4, pp. 128–138. (In Russ.)
12. *Izvestiya SOA N SSSR. Seria obshchestvennykh nauk*. 1967, no. 1, iss. 1. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 16.10.2017*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20170402

УДК 94(47).043+94(47).066"15/17"

Н.А. МИНИНКОВ

АТАМАН ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ И СОБЫТИЯ XVI в. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений (Ростов-на-Дону)
РФ, 344022, Ростов-на-Дону, ул. М. Горького 247, кв.15

В исторической памяти донского казачества события и личности XVI в. играли системообразующую роль. Среди наиболее значимых исторических персонажей в ней – Ермак и Иван Грозный. С ними донские казаки связывали свое появление на Дону и обосновывали право на Донскую землю, поскольку подчеркивали, что Дон был пожалован их предкам Грозным царем за казанскую службу и за участие во взятии Казани под предводительством атамана Ермака. Ссылка на Ермака служила для казаков аргументом для сохранения порядка службы без присяги перед московским правительством, а в конце XVIII в. – права на жительство на Дону перед властями Российской империи. Она также служила аргументом в борьбе за сохранение сословных прав в XIX – начале XX в. и прав на землю. Память о Ермаке использовало в это время правительство.

Ключевые слова: историческая память, места исторической памяти, донское казачество, Ермак, Иван Грозный, А.И. Ригельман, Е.П. Савельев, массовое движение на Дону 1792–1794 гг., П.П. Сахаров, Новочеркасск.

N.A. MININKOV

ATAMAN ERMAK TIMOFEEVICH AND THE EVENTS OF THE 16th CENTURY IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE DON COSSACKS

South Federal University, Institute of History and International Relations
(Rostov-na-Donu)
15, 247 M. Gorky street, Rostov-na-Donu, 344022, Russia

The article objective is the structure analysis of Don Cossacks' historical memory, where events and personalities of the XVI century occupy a system-forming place. Among the most important historical figures are Ataman Ermak and Tzar Ivan the Terrible, whose images became the key points of Don Cossacks' historical memory. These persons are linked with the Cossacks' mentality, in which the idea of the right to the "Don river" and the Don land plays the decisive role. In the Cossacks' consciousness this right stemmed from awarding the Don to the Cossacks' ancestors for "the Kazan service" to Ivan the Terrible, when they allegedly participated in the capture of Kazan under Ermak leadership. The Cossacks believed in the existence of a special charter of Ivan the Terrible according to which their ancestors were granted the Don. This corresponded to the idea of the land rewarding for service, which applies to the most important principle of vassalage and is remuneration for the service to overlord. The Cossacks

Николай Александрович Мининков – д-р ист. наук, проф., Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений (Ростов-на-Дону), e-mail: namininkov@sfedu.ru.

Nilolay A. Mininkov – Doctor of Historical Sciences, professor, South Federal University, Institute of History and International Relations (Rostov-na-Donu).

referred to the image of Ermak on many occasions. By referring to Ermak they justified their refusal to take oath to Tzar Mikhail Romanov, as well as to resettle to the Caucasian line on demand of the authorities in the XVIII century. In the XIX – early XX centuries the references to Ermak and awarding the Don by Ivan the Terrible to the Cossacks for the Kazan service became the argument in the struggle for the preservation of the Cossacks' special rights to the land as well as other class laws. Central and local authorities maintained a cult of Ermak among the Cossacks. This was revealed in the founding a new village Ermakovskaya Stanitsa, in naming one of the Don regiments in honor of Ermak, in installing the monument to Ermak in Novochoerkassk, and in distribution of his images. Worshipping Ivan the Terrible in the Cossacks' historical memory had no official support as a whole. However it was reflected in the historical science and science-popular literature devoted to the Don. After the Revolution and Civil War, with the Cossacks' abolition, the traditional historical memory about Ermak started to fade and to acquire the features of book memory.

Key words: historical memory, key points of historical memory, Don Cossacks, Ermak, Ivan the Terrible, A. I. Rigelman, E. P. Saveliyev, mass movement on the Don in 1792–1794, P. P. Sakharov, Novochoerkassk.

Проблематика исторической памяти является для отечественной историографии относительно новой. Возникновение ее определялось процессами в исторической науке, происходившими на рубеже XIX – XX вв., в результате которых историческая память стала рассматриваться как не менее значимый объект исследования, чем факты, события, явления и процессы реальности из прошлого. Стало заметно стремление к исследованию структуры и конкретных проявлений исторической памяти на национальном уровне. Такие проявления выдающийся французский историк П. Нора определял как места памяти. Он поставил большую и исключительно сложную задачу их так называемой инвентаризации, сформировал авторский коллектив историков-соотечественников, который провел исследование такого рода применительно к французской исторической памяти. Аналогичные исследования ведутся немецкими историками. За последние годы исследования по аналогичной проблематике все чаще появляются в российской историографии.

Между тем сложность всякого этнического и полиэтнического сообщества, в том числе российского, предполагает, что наряду с общей, национальной исторической памятью могут быть ее локальные варианты. «Память порождается той социальной группой, которую она сплавливает, ... существует столько же памятей, сколько и социальных групп» [1, с. 20], – подчеркивал П. Нора. При этом локальные варианты, в том числе исторической памяти казачества, содержат в себе ядро национальной исторической памяти, которое преломляется через региональные культурно-исторические особенности. Поэтому для населения региона, его этносоциальные групп характерны также собственные исторические мифологемы, которые ложатся в основание этой исторической памяти. Сама по себе историческая память – исключительно сложное по своей природе культурно-психологическое явление. Психологические ее основы определяются ментальностью общества, или его коллективными бессознательными началами, но как явление культуры она имеет рациональные основания и может быть оформлена в определенном интеллектуальном продукте. В свою очередь, ментальность сообщества определяется образом его жизни, на основе которого возникает определенная система ценностей этого сообщества.

Основополагающие ценности донского казачества соответствовали существованию его как воин-

ского сообщества и включали в себя его вольность и независимое положение по отношению к московской власти, они напрямую были связаны с образом его жизни. С поражения восстания Степана Разина, когда в 1671 г. войско Донское вынуждено было принять присягу на верность царю Алексею Михайловичу, вольность казаков была государством резко ограничена, начался процесс инкорпорации Дона в политическую систему государства. После поражения донских старообрядцев в ходе массового движения 1686–1689 гг. [2; 3] и Булавинского восстания, после того как царь стал утверждать донских атаманов, после перевода в 1721 г. войска Донского в подчинение Военной коллегии [4] донская казачья вольность окончательно ушла в прошлое. Соответственно произошла эволюция системы ценностей, вольность в качестве ценности уходит в прошлое, первостепенное место в качестве ценностей занимают верность и служба царю, наиболее отличившиеся в боях казаки получали неформальное звание «царских слуг» [5, с. 82].

Но при всех этих изменениях в основе ментальности казачества лежало глубокое представление о праве их на Дон и Донскую землю. На таком представлении они при необходимости основывали свои ответы московским властям более раннего времени, а затем новым поселенцам на Дону, не относившимся к казачеству, а таких постепенно на протяжении XVIII – начала XX в. становилось все больше. При необходимости они могли вспомнить о своем праве на Дон и перед властями Российской империи. Вместе с тем общее представление на ментальном уровне должно было получить рациональное, осмысленное выражение в виде системы положений, основывавшихся на доказательной базе. Здесь нашла свое проявление рациональная сторона исторической памяти донского казачества. В ней сложилась версия, принятая многими поколениями донских казаков и просуществовавшая фактически до завершения существования казачества как сословия.

Для исторической памяти донского казачества события и личности XVI в. играют системообразующую роль. Это не случайно. Как и для всякого этноса или социума, представление о собственном генезисе составляет краеугольный камень его исторического сознания. К представлению о генезисе может быть отнесено прежде всего утверждение в массовом сознании его представителей понятия о приобретении сво-

ей территории и утверждении на ней. Донские казаки в массе своей были уверены, что их территория, «река Дон», была получена ими от Ивана Грозного. Первым из историков на это указал строитель крепости святого Димитрия Ростовского, инженер, генерал-майор А.И. Ригельман, писавший историю войска Донского в период своей службы на Дону в 1774–1778 гг. [6, с. 362]. Он привел известное предание донских казаков о пожаловании им Дона царем Иваном Васильевичем за участие во взятии Казани.

По словам Ригельмана, царь им «Дон пожаловал, и грамотою утвердить изволил, с тем, что кто буде дерзнет сих Донских Козаков с мест их сбивать, да тот будет проклят во веки веков». Ригельман писал о мерах властей, направленных на закрепление среди казаков идеи пожалования им Дона Иваном Грозным. Он указывал, что «с оной же грамоты во все станицы войска Донского даны, для сведения Козацкого, списки, которые читаются при собрании в день Покрова Святой Богородицы после обедни».

По-видимому, он и сам верил в существование такой грамоты, хотя, конечно же, не видел ее, поскольку ее существование является историческим мифом. Ригельман полагал, что тем самым произошло то, что донские казаки «добровольно поддались России в 1549 году, почти с таким же договором, как Украинские Козаки потом поддались же Польше» [7, с. 19]. Свое знание этой версии генерал-историк соединял с имевшимися у него историческими знаниями. Ему было известно, что по универсалу 1572 г. король Сигизмунд II Август учредил казачий реестр на Украине, и по такой же модели, как полагал он, строились отношения между Россией и донскими казаками при Иване Грозном.

Еще одним историком, который приводил версию о пожаловании Дона казакам за казанскую службу Иваном Грозным, был донской казак и новочеркасский чиновник Е.П. Савельев. В своем труде, создававшемся в начале прошлого века, он писал, что, согласно преданию, Иван Грозный «пожаловал» казакам Дон «со всеми его реками и подтеклинками», а их «казанская служба» была причиной этого пожалования. Савельев далее указывал, что, согласно преданию, после подавления Булавинского восстания Петр I будто бы отобрал у войска Донского эту грамоту и пообещал заменить ее новой. Но, по преданию, новая грамота войску Донскому с аналогичным содержанием, как он отмечал, так и не была выдана [8, с. 224]. Сам Савельев эту версию едва ли считал достоверной. Она явно противоречила его концепции взаимоотношений между донскими казаками и московскими властями, согласно которой казаки верно служили России и монархии, а русские власти постоянно стремились подчинить вольный Дон и казаков [9, с. 141, 145].

Таким образом, свое проживание на Дону донские казаки связывали с помощью России в борьбе с Казанью и ее присоединении. Отсюда пошло распространение в их исторической памяти культа Ивана Грозного, будто бы пожаловавшего им Дон. Не в мень-

шей мере среди донских казаков было распространено почитание атамана Ермака, образ которого шел рядом с образом Ивана Грозного. Выдающийся донской историк В.Д. Сухоруков приводил донскую казачью историческую песню о Ермаке. В песне Ермак показан воровским атаманом, который «гулял» «по синю морю по Хвалынскому». Но в песне затем Ермак завоевал Сибирь и принес царю «буйную головушку», а вместе с ней и «царство Сибирское». Это высоко оценил Иван Грозный. Согласно песне, он сказал атаману: «за твою-то ли службу мне за верную, и я жалую тебе, Ермак, славной тихой Дон». В песне царь назвал Ермака «войсковой донской атаманушка» [10, с. 533], что являлось совершенно очевидным историческим мифом.

Царь и Ермак являются героями другой донской казачьей исторической песни, записанной в 1875 г. академиком Е.А. Ознобишиным в Цымлянкой станице. В ней Ермак призывал казаков пойти и послужить «царю белому во Казань-город». За это, говорил атаман, «Авось нас царь и пожалует: И будем просить славный Тихий Дон с потоками и с белой Маночью». Вариант этой же песни был записан в 1866 г. в станице Усть-Быстринской. В нем Ермак с несколькими сотнями казаков взял Казань и «избавил ... войско царское от урона». За это «царь пожаловал Ермака князем», «наградил медалью именною», но, главное, «подарил Ермаку славный тихий Дон со всеми его речками и проточками». После этого, по словам песни, «возговорит Ермак донским казакам: пойдемте, братцы, на тихий Дон покаемся, неженатые все поженимся» [10, с. 530]. Покаяние упомянуто не случайно. Среди донских казаков была широко распространена версия о прежней, «разбойной» истории казачества, которая имела определенную историческую основу, связанную с разбоем казаков на Волге и Каспийском море. По содержанию песня также совершенно мифологична. В донском казачьем фольклоре образы Ивана Грозного и Ермака тесно переплетаются, а Дон предстает как царское пожалование земель за службу, или как осуществление средневекового феодального принципа вассальной поземельной дачи за службу сюзерену.

По историческим представлениям казаков, Иван Грозный и атаман Ермак стояли не только у истоков существования казачества на Дону и утверждения права казаков на Дон и Донскую землю, но и положили начало сложившемуся в последующем порядке вольной службы казачества царю, также вполне средневековому и соответствующему принципам сюзеренитета – вассалитета. Когда в 1632 г. правительство царя Михаила Романова потребовало от войска Донского принесения присяги на верность царю, казаки в своей отписке в Москву выразили свой отказ от нее и дали при этом исключительно четкое историческое обоснование. «При бывших государех старые отоманы и казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованьем. В которая время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу отоманы казаки выходили з Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терка, (и) отоман Сусар Федоров и многие отоманы козаки яму,

государю, под Казанью служили не за крестным целованьем», — писали казаки.

Приведенный отрывок из отписки отражает не только историческую мифологию об Иване Грозном, распространенную на Дону. Он также соответствует политической цели войска Донского, заключавшейся в стремлении сохранить свою независимость и такой порядок службы царю, который бы не затрагивал основ этой независимости. В историческом обосновании, которое давали казаки, важное место отведено Ермаку. В отписке говорится: «При царе Иване выходили отоманы козаки. Ермак Тимофеев Сибирь взял и прислал к Москве государю с языки. И царь Иван и тех отоманов козаков, которые к Москве присланы, не велел к кресту приводить. А Ермаку и вперед указал быти на своей государеве службе отоманом козаком в Сибири не за крестным целованьем» [10, с. 470].

Таким образом, не только Иван Грозный, но и Ермак выступал хранителем традиции, согласно которой донские казаки служили царю без присяги. Эта часть отписки также содержит историческую мифологию. Вопрос о приведении к крестному целованию казаков атамана Ермака, завоевавших Сибирское царство, вообще не стоял. Приведение к присяге казаков, служивших в гарнизонах сибирских городов, будет происходить в более позднее время. Но в данном случае для обоснования отказа от крестного целованья войску Донскому Ермак был необходим как исторический пример.

Мифологическую в своей основе версию о пожаловании донцам за казанскую службу реки Дон и Донской земли казаки разных станиц высказывали в период массового движения на Дону 1792–1794 гг., когда они выступали против грубейших нарушений начальством традиций переселения казаков во время создания новой укрепленной линии по Кубани и на Северном Кавказе. В ответ на требования войсковых властей составлять списки станичников на переселения с семьями в станицах нередко заявляли, что еще «блаженной и вечнодостоинной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предъков их жаловал неперменным жителством на Дону»¹ [11]. В данном случае в сознании казаков царь стоял на страже их права проживания на Дону. Он, таким образом, выступал их защитником. Такой исторический образ царя полностью соответствовал их стремлению добиться отмены распоряжения о массовом переселении с семьями на линию.

Известно, что отношения между исторической наукой и массовым историческим сознанием, основанным на памяти народа, носят очень сложный и противоречивый характер. Упрощенное и в основе своей просветительское представление об отношении между историей как наукой и исторической памятью широких слоев населения, основанной на мифологическом восприятии прошлого, когда благодаря достижениям

науки исторические мифы уходили в прошлое, преодолено [11, с. 93]. Этому способствовал весь опыт взаимоотношения науки и исторической памяти в новейшее время. Реальные взаимоотношения оказываются значительно сложнее.

Историческая память народа вполне способна оказывать свое обратное воздействие на сознание историка-исследователя. Таким исследователем истории донского казачества выступал в начале XX в. П.П. Сахаров — сын донского священника неказачьего происхождения, окончивший в 1911 г. историческое отделение Харьковского университета и являвшийся учеником Д.И. Багалая. Под его руководством Сахаров написал интересное исследование по вопросу о происхождении казачества на Дону, в котором сделал вывод о связи его не с разбоями, но с промыслово-трудовой деятельностью уходившего на Дон русско-украинского населения. Выводы ученого имели солидную источниковую базу. Вместе с тем в оценке Ивана Грозного, в царствование которого происходили эти процессы, он явно допускал идеализацию под воздействием мифа о царе в массовом сознании казачества. В своей студенческой работе, получившей медаль университета, он писал об Иване Грозном: «Сильный народной любовью, окруженный ореолом славы завоевателя двух царств, молодой, энергичный и несомненно талантливый Иван IV отлично пользовался в 1550-х годах и многочисленным кадром (так!) опытных воевод, создавшимся за две войны, и народным подъемом, и драгоценными для степной войны качествами своего частью набранного с Поля полуказацкого войска, превосходившего татар “огненным боем”»².

Со временем П.П. Сахаров освобождался от влияния на него исторического мифа. В своей поздней неопубликованной работе об историографии похода Ермака, рукопись которой была сдана им в музей в 1961 г., он резко выступал против идеализации Ивана Грозного, столь ярко проявившейся в работах советских историков после Великой Отечественной войны. По его словам, в статье Г. Красинского о походе Ермака, опубликованной в «Вопросах истории» в 1947 г., слишком проявлялась «приверженность отжившему теперь культу личности Ивана IV, так превозносимого в 1940-х годах»³.

Еще один яркий пример воздействия на историческую науку народной исторической памяти проявился в отрывке из очерка об Области войска Донского в труде «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Его автор, географ М.С. Семенов, писал, что якобы было «установлено, что в 70-х годах

² Сахаров П.П. Заселение Донского края, в связи с условиями местного быта, по печатным и архивным материалам. Рукопись // Ростовский областной музей краеведения (РОМК). Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/9. Л. 10.

³ Сахаров П.П. Уралец Ермак Тимофеевич и его атаманы-вогари в новейшей послевоенной советской историографии (новейшая советская историография о начальном завоевании Сибири, по преданиям-сказаниям поздних летописей и по современным событиям грамотам-документам) // РОМК. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/32. Л. 3.

¹ Российский архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 9 об., 14, 28, 39 об. и др.

XVI в. Ермак был избран старшиной от Кагальницкой станицы (под Ростовом) и поставлен для охраны границы от Астрахани до р. Дона, но сам примкнул к разбойничьим шайкам на Волге» [12, с. 866]. В рассказе отражен один из вариантов версии о Ермаке как о донском казаке. Такая версия была очень популярной среди казаков. Эту же версию высказывал в 1898 г. донской просветитель и первый библиотекарь Новочеркасской библиотеки Ф.К. Траилин, писавший, что в станице Кагальницкой «одно время состоял атаманом Ермак Тимофеевич, впоследствии – завоеватель Сибири»⁴.

Почитание Ермака на Дону проявлялось в существовании его изображений. В станичных избах, где производился по нормам обычного права станичный суд, «в старину висел портрет Ермака» [12, с. 193]. Центральные и войсковые власти также делали немало для утверждения в исторической памяти казачества образа Ермака. В 1876 г., когда на войсковых запасных землях в пределах Первого Донского округа была образована новая станица, она была названа Ермаковской, и туда был назначен атаман⁵. Когда же в начале XX в. донским полкам давались имена почетных «шефов» или личностей, связанных с военной историей казачества, Третий Донской казачий полк получил имя Ермака Тимофеева. В 1904 г. недалеко от войскового Воскресенского собора в Новочеркасске был возведен памятник Ермаку работы академика В.А. Беклемишева. Совершенно правомерно войсковые власти решили не указывать в надписи на памятнике, что Ермак – донской казак, поскольку хорошо осознавали, что доказательств этому в источниках нет, и ограничились надписью: «Ермаку – донцы», несмотря на то, что для значительной части донцов принадлежность этого атамана к донскому казачеству была несомненной. Культ Ермака присутствовал в исторической памяти донского казачества.

После революции и Гражданской войны, с упразднением казачьего сословия, традиционная историческая память о Ермаке стала на Дону стираться и приобретать черты книжной памяти, что составляет тему особого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
2. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. 335 с.
3. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 277 с.

4. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.

5. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года, декабря 31 дня, Евлампия Кательникова. Новочеркасск, 1886. 63 с.

6. Аваков П.А. Труды и дни Александра Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. ст. СПб.: Алетей, 2010. С. 351–374.

7. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Ростиздат, 1992. 220 с.

8. Савельев Е.П. Средняя история казачества. Новочеркасск, 1915. 25 с.

9. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. 228 с.

10. Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 696 с.

11. Гадамер Г.Г. Миф и разум // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 92–99.

12. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и акад. В.И. Ламанского. СПб.: Изд. А.Ф. Дервиена, 1910. Т. 14: Новороссия и Крым. 983 с.

REFERENCES

1. Nora P. The problems of the historical memory places. *Frantsiya-pamyat*. Saint Petersburg, 1999, pp. 17–50. (In Russ.)
2. Drushinin V.G. Schism on the Don in the late XVIII century. Saint Petersburg, 1889, 335 p. (In Russ.)
3. Sen' D.V. Don and North-West Caucasus Cossacks in relations to the Muslim states of the Black Sea region (the second half of the XVII – early XVIII centuries). Rostov-on-Don, 2009, 277 p. (In Russ.)
4. Pronstein A.P. The Don land in the XVIII century. Rostov-on-Don, 1961, 375 p. (In Russ.)
5. Historical data of the Don Army about the Verkhne-Kurmoyarskaya village composed of legends of old-timers and own notes of Evlampiy Katelnikov, 1818, December 31. Novocherkassk, 1886, 63 p. (In Russ.)
6. Avakov P.A. Works and days of Alexander Ivanovich Rigelman (1714–1789). *V teni velikikh: obrazy i sud'by*. Saint Petersburg, 2010, pp. 351–374. (In Russ.)
7. Rigelman A.I. The history of Don Cossacks. Rostov-on-Don, 1992, 220 p. (In Russ.)
8. Savelyev E.P. The Cossacks average history. Novocherkassk, 1915, 25 p. (In Russ.)
9. Kornienko B.S. The right Don: Cossacks and nationalism ideology (1909–1914). Saint Petersburg, 2013, 228 p. (In Russ.)
10. Historical songs of the XIII–XVI centuries. Moscow; Leningrad, 1960, 696 p. (In Russ.)
11. Gadamer G.G. Myth and mind. *Gadamer G.G. Aktual'nost' prekrasnogo*. Moscow, 1991, pp. 92–99. (In Russ.)
12. Russia. A complete geographical description of our fatherland. Table and road book. Ed. P.P. Semenov-Tian-Shansky and general guidance of P.P. Semenov-Tian-Shansky and Acad. V.I. Lamansky. Saint Petersburg, 1910, vol. 14: Novorossia and Crimea, 983 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.09.2017

⁴ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Ф. 486. Л. 11.

⁵ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1308а. Л. 18 и др.

DOI: 10.15372/HSS20170403
УДК 947.065/066(571)

А.В. ДМИТРИЕВ

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ
С ГРАЖДАНСКИМИ ВЛАСТЯМИ И НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена анализу повседневной жизни и бытового поведения военнослужащих частей русской армии в Сибири в XVIII в. На архивных материалах рассмотрены характерные эпизоды из сферы взаимоотношений военнослужащих с гражданскими властями и населением. Установлено, что их взаимоотношения могли принимать различные формы – от сотрудничества до конфликтов. Неразграниченность сфер военного и гражданского управления, а также постоянные затруднения при удовлетворении бытовых потребностей военнослужащих, связанные со спецификой условий жизни в Сибири, нередко приводили к превышению военными своих полномочий или передаче в их ведение дел, относившихся к компетенции гражданской администрации.

Ключевые слова: Русская армия, Сибирь, XVIII в., повседневная жизнь, военнослужащие, гражданские власти, население, конфликты.

A.V. DMITRIEV

**THE RELATIONS BETWEEN REGULAR ARMY SERVICEMEN,
CIVIL AUTHORITIES AND POPULATION IN SIBERIA
IN THE 2nd HALF OF 18th CENTURY**

Novosibirsk National Research State University,
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article is devoted to studying the mutual relations between regular army servicemen, civil authorities and population in Siberia in the second half of the XVIII century. Everyday life of people, who were at service in the Russian empire's army in the XVIII century, is not studied properly, although the contacts between military men and civilians took place constantly concerning a really wide range of issues: collection of taxes and fees, military troops' accommodation, maintenance of police order, etc. Based upon Siberian materials particularly, this problem is even more worthy of consideration. The research source base includes data of collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), Russian State Military Historical Archive (RGVIA) and State Historical Archive of Omsk Region (GIAOO).

The archive research led the author to the following conclusions. First, the military powers have been obliged inevitably to take some measures related to controlling the financial inflows' sphere. This could be explained with Siberia's extreme remoteness from the imperial centre and weakness of local civil authorities. The commandants of border fortresses and Siberian cities were responsible for collecting fees and preserving of money. Second, the military troops' accommodation inside the cities could turn into conflicts between the servicemen and local inhabitants, as well as local government officials. The state treasury was unable to provide permanent housing even for regular army's officers. This led to arbitrary actions and abuses by the military men, who preferred sometimes to solve their everyday problems by the use of excessive force. On the other hand, it should be noticed that the servicemen actions were strictly governed by the imperial laws and military regulations. The military command, in turn, tended to monitor enforcement of these laws and regulations.

Key words: Russian army, Siberia, XVIII century, everyday life, servicemen, civil authorities, population, conflicts.

Андрей Владимирович Дмитриев – канд. ист. наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: khaldeus@academ.org.

Andrey V. Dmitriev – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Novosibirsk National Research State University.

История регулярной армии Российской империи на протяжении XVIII в. до сих пор изучена далеко не полностью. Количественный и качественный состав вооруженных сил, государственная политика в сфере комплектования и материального обеспечения, по крайней мере, становились предметом исследования в ряде обобщающих работ [1; 2]. Но повседневной жизни и сфере быта лиц, несших службу в армейских частях, до сих пор практически не уделено внимания. А между тем именно изучение этих сфер дает возможность увидеть русскую армию XVIII в. «изнутри», через призму повторяющихся практически ежедневно ситуаций, связанных с исполнением военнослужащими своих обязанностей, круг которых был весьма широким, зачастую не ограничивался только военными «экзерцициями». Чрезвычайный интерес представляют взаимоотношения военнослужащих с гражданским населением в тех случаях, когда обе стороны непосредственно контактировали друг с другом – при отводе квартир, сборе податей и пр.

Единственной известной нам попыткой реконструировать картину «военно-служебной повседневности» является работа С.В. Карпушенко [3]. Правда, она относится скорее к популярному жанру, представляя собой ряд очерков, в которых описывается пребывание солдат и офицеров русской армии на постое и в лагерях, процедуры выплаты им денежного жалования, используемые формы одежды, нормы питания, особенности уклада семейной жизни и т. д. Ссылок на привлекаемые источники и литературу автор практически не приводит. Несколько публикаций посвящено взаимоотношениям военнослужащих с населением в тех регионах, где армейские части были дислоцированы на постоянных квартирах [4; 5]. Однако о порядке выплат рядовым и офицерам денежных сумм в ряде работ содержится лишь общие фразы, не связанные с какими-либо конкретными примерами [6; 7]. При этом все отмеченные выше аспекты изучались в основном на материалах европейской части страны.

Жизнь и быт военнослужащих, находившихся в Сибири, до сих пор не стала предметом научного исследования. Лишь в трудах А.А. Пережогина и С.В. Андрейчука, а также в одной из недавних работ Г.Ф. Быкони мы находим некоторые сведения, относящиеся к интересующим нас сюжетам [8; 9; 10]. Но и в этих публикациях они носят подчиненный характер, не являясь предметом специального анализа. Однако в архивных материалах из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО) нам все же встретились некоторые данные, характеризующие особенности повседневного несения службы на «сибирской окраине».

Следует заметить, что для Сибири в XVIII в. вообще была характерна высокая степень милитаризации аппарата государственного управления, так что военные имели достаточно возможностей, санкциониро-

ванных имперским законодательством, для вмешательства во многие сферы повседневной жизни региона. Однако даже данных им законом прав не всегда хватало для разрешения тех или иных проблем, что нередко вынуждало отступать от действующих норм. Проблема соотношения закона и практики оказывалась весьма актуальной, особенно с учетом того, что регулярная армия была тем государственным институтом, который при необходимости мог подавлять и замещать собой любые другие институты, располагая монополией на применение вооруженного насилия.

В условиях неразграниченности сфер военного и гражданского управления в имперском аппарате власти люди в мундирах оказывали непосредственное влияние на ход практически любых дел на местах, даже не относившихся напрямую к сфере их компетенции. Так, военным комендантам сибирских крепостей, помимо вопросов, связанных со строительством и поддержанием в порядке укреплений, зачастую приходилось принимать участие в организации контроля за деятельностью фискальных органов, относившихся формально к сфере гражданской администрации. Так, в середине 1770-х гг. сибирский губернатор Д.И. Чичерин договорился с командующим Сибирского корпуса, генерал-поручиком А. Скалоном, чтобы собираемые ежегодно в Омской крепости налоги и откупа за продажу казенного вина принимала в приход и содержала в арсенале, «не смешивая с другими с чинами за надлежащим караулом», тамошняя комендантская канцелярия, при этом только сообщая сведения о поступавших сборах Тарской воеводской канцелярии, которая должна была распоряжаться этими деньгами по ведомственной принадлежности¹.

Из письма губернатора Чичерина преемнику Скалона генерал-майору Н. Огареву (1777 г.) также выясняется, что в других крепостях Иртышской линии (Ямышевской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской) не только питейные сборы, но и прочие канцелярские и подушные деньги уже состояли в ведении именно комендантских канцелярий, «которые приход и расход оным и свидетельство по наличию казны, а затем и отправление рапортов и ведомостей в вышние правительствы производят»². Исключение составляла только денежная казна таможенного сбора, остававшаяся в ведении назначаемых по линии гражданского ведомства комиссаров. Чичерин известил Огарева о своем согласии дать крепостным комендантам полномочия для хранения накапливающихся в таможенных денежных сумм: «Таможенной во всех крепостях сбор подвергнуть под стражу гаспод камендантов... относить в арсенал и тамо принимать под стражу и печать каменданскую купно с таможенным камисаром»³. Данные факты свидетельствуют о том, что в пограничных городах и крепостях Сибири военным комендантам

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 112, 112 об.

² Там же. Л. 112 об.

³ Там же. Л. 113.

предоставлялись значительные полномочия даже в тех сферах (прежде всего, связанных с государственными финансами), которые должны были относиться к компетенции органов гражданского управления.

Видимо, не редкостью были случаи, когда военные командиры, даже не имея на то специальных полномочий, начинали вмешиваться в сферы деятельности, относившиеся к компетенции гражданской администрации. В качестве примера можно привести действия подполковника И. Сверчкова в должности коменданта г. Кузнецка в 1772 г. Он получил эту должность в связи с расформированием полевых полков Сибирского корпуса во второй половине 1771 г., когда состоявшие в упомянутых полках штаб-офицеры, не назначавшиеся командирами легких команд и батальонов, определялись комендантами пограничных крепостей и крупных городов Западной и Южной Сибири. Командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И.А. Деколонг отправил Сверчкова в Кузнецк и придал ему для расквартирования в городе 3-ю роту Бийского гарнизонного пограничного батальона⁴. Прибыв в город уже в мае 1772 г., Сверчков развернул бурную деятельность, потребовав, в частности, от здешней воеводской канцелярии предоставить ему ведомости с данными, включающими 15 пунктов.

Список этих пунктов содержал не только, к примеру, «опись артиллерии с ее принадлежностями... о крепосных цейхаузах, сколько во оных каких именно есть вещей» и прочие данные о городском военном гарнизоне, но также, например, «о полиции, кто при оной есть определенной для исправления той должности... о пожарных инструментах, сколько оных и какие по званию... имянный список всем жителям в городе, какого б звания оныя ни были, с названием улиц, кто в которой дом свой имеет... сколько именно есть купечества, и все ль оныя живут в городе или есть из оных по деревням... список, сколько есть ссыльных колодников вечно или на урочные годы, и на каком доволствии содержатся»⁵. Как видно из этого документа, комендант не только обязан был заботиться о крепостных сооружениях и воинских припасах, но также считал себя вправе надзирать и за полицией с караулами, и за противопожарной безопасностью, и фактически за всеми жителями города, о каждом из которых требовал подробных сведений.

Кузнецкий воевода отправил полный список сведений, который запросил комендант Сверчков, в Тобольск, где губернатор Д.И. Чичерин, рассмотрев перечень, наложил свои резолюции по каждому пункту. С большинством из них он согласился, но по двум последним пунктам Чичерин отнюдь не одобрил рвения коменданта, наложив о купечестве ироническую резолюцию «што ему до того дела?», а о колодниках указал, что «и до того дела нет, ибо ежели и есть, то оныя

в ведомстве канцелярии воеводской состоят»⁶. Таким образом, губернатор все же достаточно точно определил границы полномочий военного коменданта Кузнецка, запретив ему вмешиваться в те дела, которые не относились к сфере его компетенции.

Касаясь взаимоотношений военнослужащих с гражданским населением, нельзя не отметить одного любопытного дела, в разбирательство которого вынужден был вмешаться сам корпусной командир И. фон Шпрингер в 1768 г. Речь идет о пребывании в г. Енисейске направленного туда из расположения Колыванского полевого драгунского полка «для приему и привозу на полк сапожного подряду» поручика Дубровина с командой драгун, которые обвинялись в причиненных городским обывателям «разных обидах и нападках». Все началось с того, что драгун Иван Мингалев 27 ноября 1767 г. приставал на улице к вдове казака Черкашенинова Марии, а также, призвав себе в помощь двоих драгун из команды капитана Е. де Гарриги – Михаила Токарева и Ивана Ложникова, пытался сорвать с женщины шубу. За нее вступились двое посадских, после чего драгуны завязали с ними драку, причем Мингалев пытался ударить одного из них по голове обнаженной шпагой⁷.

Поручику Дубровину донес о происшедшем вахмистр Груздев, однако тот, вопреки уставу, не пожелал допрашивать своего подчиненного, а также самолично явился в полицию доказывать, что его подчиненный не виноват в случившемся, причем «с озарту приказывал двери и окна выбивать и случившихся во оной служителей сквернословил и угрожал». Затаив обиду на чиновников, Дубровин буквально через несколько дней известил их, «что он для предосторожности команды ево при государевых лошedah обретающагося караула по силе и должности воинского артикула в ночное время будет отправлять дозор, о чем бы для сведения и рогаточным караулам объявить»⁸. В результате на протяжении следующих дней Дубровин со своей командой буквально затерроризировал горожан, хватая попадавших ему в ночное время на улицах людей и сажая их под караул.

Как констатировал разбиравший это дело корпусной обер-аудитор А. Самарин, «вместо того, чтоб пустые страхи от граждан себе воображать, гораздо б сходнее было, если бы он свою малочисленную команду, коей не более было, как видно из дела, толко семь человек, постарался строже содержать и лишняя затеи для увеличения своего тщеславия откинуть»⁹. Чиновники Енисейской провинциальной канцелярии, не имея возможности противодействовать ему силой, вынуждены были ограничиться вынесением резолюции, «чтоб за командою ево, Дубровина, крайне надсматривать, дабы от оной не причинилось обывателям какого от самовольства,

⁶ Там же. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 17–18.

⁷ Там же. Л. 20 об.

⁸ Там же. Л. 21–22.

⁹ Там же. Л. 22 об., 23.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 877. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2, 2 об.

ходя ночными временами, нападения и озорничества, и естли что найдется от той команды противное, рапортовать»¹⁰, однако понятно, что воплотить это намерение в жизнь у них все равно не было возможности.

Не лучше вел себя и находившийся тогда же в Енисейске ротный командир Колыванского полка и непосредственный начальник Дубровина капитан Е. де Гаррига. Последний попытался самовольно устроиться на постой в квартиру к купцу Шишкину, ворвался к нему в дом с несколькими драгунами, а когда хозяин дома пожаловался президенту Енисейского провинциального магистрата Дементьеву, и тот явился к месту происшествия, то его вместе с сопровождающими встретили побоями и матерной бранью драгуны, схватив при этом назначенного от магистрата квартирмейстера Агапитова. И хотя на следующий день капитан де Гаррига вместе с Дубровиным пришли в магистрат, чтобы помириться с президентом, однако в дальнейшем оба они оправдывали свои действия тем, что якобы на дворе у купца Шишкина собралось до полусотни мужиков с кольями, имевших намерение бить драгун.

Енисейская провинциальная канцелярия 9 декабря 1767 г. отправила составленный ее чиновниками экстракт о поступках капитана де Гарриги и поручика Дубровина в Сибирскую губернскую канцелярию, а также в канцелярию Колыванского полка его командиру – полковнику Ф. де Гарриге. Последний переправил материалы командиру бригады – генерал-майору П. Девицу в Омск, а тот, не пожелав сам выносить решение по делу, сообщил губернатору Д.И. Чичерину, что «хотя б и надлежало учинить исполнение, обидимых без удовольствия, а виновных без штрафа не оставить, однако ж должно ево конфермовать» самому командующему Сибирского корпуса генерал-поручику И. фон Шпрингеру.

Прибывший из Москвы в Омск в мае 1768 г. Шпрингер быстро разобрал дело вместе с обер-аудитором Самариным и вынес решение: поручика Дубровина разжаловать на треть года в прапорщики; капитана де Гарригу посадить под арест на неделю и сократить срок засчитываемой выслуги в нынешнем чине; драгуна Мингалева «высечь нещадно батоги», а других драгун «штрафовать тростми, и все сих наказаниям записать в журнал»¹¹. Военное командование не стало заботиться о чести мундира, а приняло сторону гражданских властей, вынеся наказания (пусть и довольно мягкие) военным служащим. По мнению Г.В. Калашникова, пребывание солдат и офицеров на постое по квартирам городских обывателей могло иметь как положительные для обеих сторон, так и негативные для горожан последствия [11]. В данном случае мы имеем дело как раз с отрицательными эффектами.

Одной из актуальных проблем для военнопослужащих русской армии на всем протяжении XVIII в. оста-

валась проблема «крыши над головой». Как известно, сразу после смерти Петра I система размещения войск в сельской местности на постой в крестьянских домах, согласно Плакату о сборе подушном, была отменена. Решением Верховного тайного совета армейские части выводились из деревень в города, где «салдаты будут жить особыми слободами в одном месте» [3, с. 22]. Это решение было впоследствии подтверждено – к концу правления Анны Иоанновны (в 1739 г.). Уже в середине XVIII в. в большинстве городов Российской империи были построены слободы, состоявшие из небольших деревянных домов, в которых квартировали рядовые военнопослужащие. Офицеры, если располагали достаточными средствами, пытались добиваться отвода им земельных участков для строительства собственных домов. Однако штаб-офицеры, особенно занимавшие должности полковых командиров и комендантов крепостей и городов, старались получить для себя казенные дома, чтобы не тратиться на обзаведение жильем. Так произошло и в Тобольске.

В 1752–1753 гг. бывший командир Сибирского гарнизонного драгунского полка Я. Павлуцкий, ставший к тому времени обер-комендантом в Тобольске в чине бригадира, просил Военную коллегию распорядиться о постройке для него в городе казенного дома по согласованию с Сибирской губернской канцелярией. При этом он ссылаясь на то, что «по силе указов в Петербурге, в Ревеле, в Пернове, в Выборге и в Казане обер-камендантские и камендантские дома имеются казенные»¹². Павлуцкий предлагал, чтобы губернская канцелярия только выделила средства на покупку земельного участка, а заготовку строительных материалов и их доставку готов был организовать силами подчиненных ему солдат. Для выплаты губернским чиновникам цены участка, а также «заработных денег» солдатам и казакам комендант просил «откуда коллегия за благо разсудит определить выдать денег до 300 рублей». Однако просьба Павлуцкого, переправленная из Военной коллегии в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, встретила резкое возражение со стороны последней, запрашиваемые средства канцелярия отказалась выделять.

Комендант Я. Павлуцкий в 1755 г. уже успел заготовить силами солдат и казаков нужное количество леса, однако, не получив денег на оплату постройки дома, вынужден был «по крайней необходимости, что уже и жить ему было негде... купить с крайним себе отягощением в Тобольску готовой обывательской дом ценою в 200 рублей, и за недовольным числом в оном покоев ис купленного ж им лесу построил вновь 4 светлицы с сенями, которые коштывали более 300 рублей»¹³. В 1758 г. он попытался продать этот перестроенный дом казне, оценивая его уже в 500 руб., однако сделка сорвалась. Хотя в 1760 г. генерал-фельдцейхмейстер, граф П.И. Шувалов дал согласие

¹⁰ РГАДА. Ф. 415. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 25 об. – 26 об.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 5, 5 об.

¹³ Там же. Л. 6 об. – 7 об.

на то, чтобы «удовольствоваться» деньгами Павлуцкого (к тому моменту уже вышедшего в отставку с чином генерал-майора), посчитав, что «тот дом и для будущих камендантов может быть потребен», но Сенат своим указом в 1761 г. предписал «Сибирской губернии в городе Табальске для житъя обер-комендантов дом в пристойном месте построить деревянной из тамошних сибирских подлежащих до Штатс-конторы доходов, а купленного генерал-майором Павлуцким дому в казенной не брать и денег не платить»¹⁴.

В целом рассмотренные выше эпизоды наталкивают на мысль, что даже несмотря на весьма подробную и детальную регламентацию повседневного поведения солдат и офицеров русской армии XVIII в. как при исполнении тех или иных служебных поручений, так и в бытовых условиях, соблюдать эти предписанные нормы на практике нередко было затруднительно. Это касается не только денежных расчетов с государственной казной, но и пределов компетенции и полномочий военных чинов во взаимоотношениях с органами гражданской администрации и городскими обывателями. В условиях чрезвычайной отдаленности сибирского региона и, как следствие, ослабления здесь контроля имперской власти за действиями подданных, такая тенденция неизбежно выливалась в разного рода злоупотребления, иногда с применением силы со стороны военных.

Вместе с тем мы вправе заключить, что военные играли видную роль в жизни тех городов и уездов империи, где были расквартированы армейские части. Объясняется этот эффект двумя существенными факторами: во-первых, дефицитом ответственных исполнителей на местном уровне государственного управления: в частности, военным комендантам приходилось нередко брать на себя функции, относившиеся к сфере компетенции гражданских чиновников; во-вторых, слабостью, иногда практически полным отсутствием специализированных структур, отвечающих за жизнеобеспечение вооруженных сил страны. Военнослужащим приходилось собственными силами обустроить свой быт, изыскивать необходимые для этого материальные ресурсы. В Сибири, с ее громадными расстояниями и очень низкой плотностью населения, последнее оказывалось особенно сложной задачей. В этих условиях военные неизбежно «заполняли собой» тот организационно-управленческий «вакуум», который постоянно возникал в восточной части империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в.: очерки. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
2. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М.: АСТ, 1995. 296 с.
3. Карпущенко С.В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М., 1999. С. 13–150.
4. Латин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 135–164.
5. Субботина (Яковлева) Л.Е. Натуральный постой в XVIII–XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 2 (46). С. 136–140.
6. Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1900. Вып. 1. 200 с.
7. Тиванов В.В. Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века). М.: ГФА, 1993. 254 с.
8. Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: АГУ, 2005. 262 с.
9. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
10. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск: КГПУ, 2007. 414 с.
11. Калашников Г.В. К вопросу о квартировании войск в городах России в первой половине XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в.: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–28 апреля 2002 г.). Тверь; Кашин; Калязин, 2002. Ч. 1. С. 152–162.

REFERENCES

1. Beskrovnyi L.G. Russian army and navy in the XVIII century (essays). Moscow: Voenizdat, 1958, 645 p. (In Russ.)
2. Leonov O. G., Ulyanov I. E. Russian infantry, 1698–1801: combat chronicle, organization, uniform, armament, equipment. Moscow: AST, 1995, 296 p. (In Russ.)
3. Karpushchenko S.V. The army weekdays: barrack, cereal, treasury, caftan. *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v.* Moscow, 1999, pp. 13–150. (In Russ.)
4. Latin V.V. The accommodation service in Russia. *Angliyskaya naberezhnaya, 4: ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov.* Saint Petersburg, 2000, pp. 135–164. (In Russ.)
5. Subbotina (Yakovleva) L. E. The natural accommodation in the XVIII-XIX centuries: from exemptions to civilized relations between the army and population. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki.* 2007, no. 2, pp. 136–140. (In Russ.)
6. Solovyev N. I. The historical essays on the Russian troops' organization and allowance in the first half of XVIII century (1700–1761). Saint Petersburg: Trenke & Fyusno Tip., 1900, iss. 1, 200 p. (In Russ.)
7. Tivanov V. V. The Finances of the Russian army (the XVIII – early XX centuries). Moscow: GFA, 1993, 254 p. (In Russ.)
8. Perezhogin A. A. The militarized system of managing the Kolivan-Voskresensk (Altay) Mining District (1747–1871). Barnaul: AGU, 2005, 262 p. (In Russ.)
9. Andreichuk S. V. Siberian corps in the military security system at the south of West Siberia (1745–1808): diss. thesis. Barnaul, 2010, 24 p. (In Russ.)
10. Bykonya G. F. The Cossacks and other service population of East Siberia in the XVIII – early XIX centuries (a demographic-estate aspect). Krasnoyarsk: KGPU, 2007, 414 p. (In Russ.)
11. Kalashnikov G. V. On the problem of troops' accommodation in Russian cities in the first half of the XVIII century. *Goroda Evropeyskoy Rossii kontsa XV – pervoy poloviny XIX v.: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (25–28 apr. 2002 g.).* Tver'; Kashin; Kalyazin, 2002, pt. 1, pp. 152–162. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.09.2017

¹⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12. Св. 72. Д. 2. Л. 9–10.

DOI: 10.15372/HSS20170404
УДК 352.071(571.5)(091)

М. М. ПЛОТНИКОВА

СОСТАВЫ ГОРОДСКИХ ДУМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

Иркутский государственный университет,
РФ, 664007, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 6

В центре внимания автора находятся составы городских дум Иркутска, Красноярска и Енисейска в конце XVIII – начале XIX вв., а также особенности их формирования. Был проведен анализ законодательства Российской империи указанного периода и компаративный анализ практики городского самоуправления в Иркутске, Красноярске и Енисейске. Автор обращает внимание на расхождения между законодательством и сложившейся практикой городского самоуправления сибирских городов. Сибирские городские думы сформировались по-разному. В губернском Иркутске получилась комбинация из предлагаемой законодателем шестигласной и общей дум. Красноярское градское общество не стало выбирать гласных в свою думу. При Красноярской думе состояли городской голова, два депутата к составлению городского обывательского списка, нотариус для протеста векселей, маклер, сборщик денег за перевоз и для сбора подушной и других повинностей. В Енисейске общая дума постепенно стала исполнительным органом, т.е. шестигласной думой.

В сибирских городах малочисленность «посадского населения» не позволила сформировать две полноценные думы, согласно законодательству, поэтому в итоге получилась одна, но с числом гласных больше шести.

Ключевые слова: городские думы, Иркутск, Красноярск, Енисейск, конец XVIII – начало XIX вв., компаративный анализ, практика городского самоуправления, особенности формирования городских дум.

M.M. PLOTNIKOVA

THE COMPOSITION OF THE CITY DUMAS OF EAST SIBERIA IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

Irkutsk State University,
6 Ulan-Batorskaya str., Irkutsk, 664082, Russia

Problems of modern urbanization stimulate an increased interest of researchers to the urban history. Studying local municipal practices represents the Russian Empire's history in its regional aspect. Siberia was the Russian Empire periphery in the late XVIII – early XIX centuries. The implementation of administrative and municipal reforms of Catherine II coincided with the time of its administrative-territorial development.

The article objective is to carry out comparative analysis of the municipal dumas' composition in Irkutsk, Krasnoyarsk and Yeniseisk in the late XVIII – early XIX centuries, which appeared due to « Charter to the Towns » of 1785. The author has studied the legislation of this period, the practice of municipal self-government of Irkutsk, Krasnoyarsk and Yeniseisk based on three Siberian archives. Most of archival materials have been introduced into scientific discourse for the first time. The comparative analysis is applied to study East and West Siberian cities.

In the Russian Empire Dumas were opened at different times after publishing the «Charter to the Towns». Irkutsk Duma was created in 1787, Yeniseisk Duma - in 1789, and Krasnoyarsk Duma – in 1804. The Duma reflected the cities' social structure (which were different in each city), the effect of various social groups on the local communities, and showed the level of urban development.

In Yeniseisk the service people along with merchants played an important role in the city, so they entered the general municipal Duma. In Krasnoyarsk the petty bourgeois became one of the leading social groups in the city, so they were candidates in the city mayors because merchants were few. In Irkutsk merchant class occupied a key position, and it was the mayor who selected six members of the Duma six-membered structure without contradicting legislation.

The small number of «urban population» did not allow forming two fully functional Dumas in the Siberian cities. So only one Duma was formed, but it had more than six deputies. The article emphasizes that in 1822 this practice was changed by M. M. Speransky's Siberian reform.

Key words: municipal dumas, Irkutsk, Krasnoyarsk, Yeniseysk, late XVIII – early XIX centuries, comparative analysis, practice of municipal self-government, specifics of municipal dumas' reforming.

Мария Михайловна Плотникова – канд. ист. наук, доцент, Иркутский государственный университет, e-mail: someforme@yandex.ru.
Maria Mikhailovna Plotnikova – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Irkutsk State University.

На территории Российской империи в силу ее огромной географической протяженности до введения Городового положения 1785 г. сосуществовало несколько форм городского самоуправления: в Малороссии и на юго-западе империи – магдебургское право, в Остзейском крае – муниципальный порядок городских учреждений Германии, в центральной части Российской империи города управлялись «на старых началах двойной магистратско-губернаторской системы» [1, с. 22]. Сибирь в это время была окраиной Российской империи, и проведение екатерининских административных и городских реформ совпало со временем ее территориально-административного устройства.

В русской дореволюционной историографии, посвященной изучению екатерининских дум, утвердилась точка зрения А.А. Кизеветтера, согласно которой «прекрасные идеи, рассыпанные по законодательным памятникам екатерининского царствования, оставили так мало ощутительных следов в практике жизненных отношений» [2, с. 102]. Современные исследователи, изучающие данный период, солидарны с ним. Например, Л.Ф. Писарькова полагает, что основные начала Жалованной грамоты городам остались в значительной степени бумажной декларацией [3, с. 48], а М. Лавринович считает, что «социальное законодательство екатерининской эпохи было, как и многие законодательные акты эпохи Просвещения, продуктом не столько реальности, сколько представлений о том, какой она должна быть» [4, с. 120].

Этот обозначенный разными исследователями разрыв между существовавшей в тот период практикой городов Российской империи и принятым законодательством нашел свое выражение в наличии разных форм городского самоуправления в конце XVIII – начале XIX вв. Автор использует метод моделирования и выделяет несколько моделей для описания разных форм самоуправления в практике восточносибирских городов в указанный период.

Благодаря Жалованной грамоте городам в 1785 г. появилась новая модель городского общественного управления – «градская дума». Однако наряду с ней в Восточной Сибири в конце XVIII в. существовали и другие модели: мещанский староста, подотчетный «градской думе» губернского города (Нижеудинск); городской голова, подотчетный коронной администрации (Красноярск); ратуша (Киренск); городской голова и магистрат, управляющий городским хозяйством (Верхнеудинск, Нерчинск) [5, с. 118].

После введения Городового положения 1785 г. только в трех городах Восточной Сибири были сформированы городские думы – в Иркутске, Красноярске и Енисейске. Думы этих городов и стали объектом исследования настоящей статьи. Практика городского самоуправления изучалась автором на основе материалов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Красноярского края (ГАКК), Государственного архива Томской области (ГАТО). Большинство документов из этих архивов, ка-

сающихся практики городского самоуправления, вводятся впервые в сибирскую историографию.

Отметим, что в ГАКК все сохранившиеся документы Енисейской градской думы конца XVIII в. объединены в одно дело, а летопись А.И. Кытманова, являющаяся главным источником по истории г. Енисейска, была опубликована только в конце 2016 г.¹ В ГАТО отсутствуют документы Енисейской градской думы, но сохранились некоторые ее рапорты, написанные для Томского губернского правительства в начале XIX в.

Одним из методов анализа деятельности городских дум Восточной Сибири был выбран сравнительный анализ, при помощи которого выявлялись индивидуальные черты городского самоуправления, особенности местной специфики и общие тенденции развития.

Тема городского самоуправления пользуется большой популярностью у сибирских исследователей, наблюдается некоторый исследовательский бум в урбанистике середины XIX – начала XX вв. Среди большинства этих работ необходимо отметить книгу «История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века» под редакцией М.В. Шиловского [6]. В ней обобщены результаты, достигнутые в изучении сибирского самоуправления в советский период, даны некоторые характеристики предыдущего периода, а также обозначено проблемное поле для будущего изучения указанной темы.

Современные региональные урбанисты не рассматривают деятельность ни Иркутской, ни Красноярской, ни Енисейской градских дум конца XVIII – начала XIX вв. Иркутский историк В.П. Шахеров в своих работах пишет в целом об организации городского самоуправления Байкальской Сибири в указанный период, не останавливаясь подробно на работе Иркутской градской думы [7; 8]. Особо отметим вклад красноярского исследователя Г.Ф. Быкони в публикацию документов, посвященных дореволюционной истории Красноярска, в том числе Красноярской городской думы [9]. Вместе с тем деятельность самой думы осталась вне сферы его интересов.

Строго говоря, изучением составов городских дум Сибири целенаправленно занималась только В.В. Рабцевич, написавшая книгу «Сибирский город в дореформенной системе управления» [10]. Эта работа содержит большое количество архивных данных о составе городских дум городов как Западной, так и Восточной Сибири. Однако и Красноярск, и Иркутск представлены в ней фрагментарно. Например, В.В. Рабцевич пишет, что «в Красноярске городской думы в 1795 г. еще не было, а в 1828 г. в ее присутствии не редко заседали лишь городской голова и два гласных» [10, с. 145]. Автор настоящей статьи расширяет представление о деятельности и составе Красно-

¹ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 год. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016.

ярской градской думы, начавшей свою работу только в 1804 г.

В.В. Буланков в своей кандидатской диссертации «Позднефеодальный сибирский город (население и хозяйство Енисейска 1724–1822 гг.)» [11], единственной на сегодняшний день комплексной работе, посвященной истории Енисейска данного периода, делал попытку реконструировать обывательскую книгу Енисейска конца XVIII в. Благодаря этому можно проанализировать социальный состав Енисейской градской думы.

Следует отметить книгу Г.Ф. Быкони, Е.В. Комлевой, А.И. Погребняк «Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.)» [12], в которой приведены биографические сведения не только о енисейском, но и красноярском купечестве. Биографический справочник иркутских исследователей А.В. Петрова и М.М. Плотниковой посвящен гласным Иркутской городской думы с 1787 по 2014 г. [13]. Информация из этих исследований использовалась для анализа городских дум Енисейска, Красноярска и Иркутска. Составы Иркутской городской думы с 1787 по 1819 г. и сведения, которые удалось собрать по гласным думы, были опубликованы в монографии автора данной статьи «Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.» [14].

В Москве и Санкт-Петербурге городские думы были созданы в январе 1786 г. А.А. Кизеветтер отмечает, что в губернских городах открытие градских дум состоялось не ранее 1787 г. Таким образом, даты основания дум оказались различными в разных городах Российской империи. В Иркутске торжественное открытие думы состоялось 1 января 1787 г. Купечество дало «великолепный обед для всех чинов города и граждан, а к вечеру был бал с маскарадом и пушечной пальбой»². В Енисейске градская дума была открыта в 1789 г., в Красноярске – в 1804 г.

Согласно Жалованной грамоте городам следовало выбрать две думы – общую и шестигласную. Шестигласная дума состояла из городского головы и шести депутатов, каждый из них должен был представлять по одному разряду городского населения – настоящих городских обывателей, именитых граждан, посадских, цеховых ремесленников, гильдейское купечество, иностранных и иногородних купцов. Дума была исполнительным городским учреждением, осуществляла заведывание и управление городским хозяйством, действовала постоянно, собиралась еженедельно.

Общая градская дума являлась собранием представителей от всех шести разрядов городского общества. Городские обыватели и посадские распределялись по территориальным городским участкам, гильдейские купцы голосовали по гильдиям, цеховые – по цехам, иностранные и иногородние гости – по нациям, именитые граждане – по семи названиям, перечисленным в Жалованной грамоте городам, независимо

от имущественного ценза, установленного для участия в собраниях градского общества. Таким образом, общее количество гласных в общей градской думе определяло количество полицейских частей в городе, количество организованных цехов и именитых граждан. Оно было разным в разных городах. Например, в Московской общей градской думе насчитывалось 79 чел. [15, с. 355], а в Иркутской – 20 чел.³

Подчеркнем, что законодателем изначально предполагалось, что в столицах и других городах империи будут разные формы городского самоуправления. Согласно Жалованной грамоте городам на собраниях городского общества могли присутствовать все члены городского общества, но право голоса и пассивное избирательное право имели только лица, достигшие 25-летнего возраста и обладавшие капиталом, проценты с которого составляли не менее 50 руб.⁴ Это означало, что выбирать и баллотироваться на выборные должности могли горожане, которые объявляли капитал не ниже 5000 руб. и платили ежегодный налог 1 % с объявленного капитала. Этому требованию соответствовали купцы 1-й и 2-й гильдий. Именно они должны были проводить выборы заседателей магистрата и словесного суда, старост и депутатов для составления городской обывательской книги. Интересно, что была сделана оговорка, что «где капиталов нет, там дозволяется и меньше капитал имеющим голос иметь и таковых же избирать».

Например, в губернском Иркутске в 1789 г. купцов 1-й и 2-й гильдии имелось всего 16 чел., которые согласно законодательству, могли выбирать и быть избранными, здесь купцы 3-й гильдии также избирались в гласные Иркутской градской думы. Кроме того, при выборах в Городовую магистрат, заседателей в губернский и словесный суды «полного числа из купцов за разездом по торгу и промыслу быть в тех кандидатах недостаточно, и что мещане находят в своем сорте людей достоинства имеющих и способных в каждом присутствии быть, потому и от них кандидаты представлены»⁵. В Красноярске также купцы 2-й и 3-й гильдий были городскими головами в силу того, что купцов 1-й гильдии не было в городе, а 2-й гильдии – только 3 чел. в 1795 г. [16, с. 52]. В городские головы Красноярска баллотировались даже мещане⁶. В Енисейске в 1793 г. также не было купцов 1-й гильдии, а купцов 2-й гильдии имелось 9 чел. [11, с. 250–251].

Сибирские городские думы формировались по-разному. В.В. Рабцевич отмечает, что «анализ состава городских органов 80–90-х гг. XVIII в. дает возможность представить тот разноряд, который царил

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 354 об.

⁴ Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. Иркутск: Отгис, 2008. С. 104.

⁵ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 27.

⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 40.

² Иркутская летопись // Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова. Иркутск, 1911. С. 116.

на местах в истолковании смысла Городового положения. Наряду с горожанами, признанными формально по записи в городской обывательской книге, в состав выборных органов были включены представители от дворян, новокрещенных и ясачных аборигенов, кое-где даже и государственных крестьян, т.е. фактически от всех горожан» [10, с. 142].

Несомненно, самым близким к модели городского самоуправления, предложенной «Жалованной грамотой городам, среди восточносибирских городов являлось иркутское самоуправление. В 1787 г. в губернском Иркутске было выбрано 20 гласных в общую «городовую» думу и шесть – в шестигласную. В думе должно быть представлено шесть разрядов населения: купцы, мещане, городские обыватели, именитые граждане, иногородние купцы и ремесленники. Поскольку в Иркутске не было именитых граждан, а иногородних купцов записалось всего 6 чел., в Иркутской городской думе оказались представлены только купцы, мещане и ремесленники, причем последних было большинство, согласно количеству цехов в городе. В Общей градской думе Иркутска в 1790–1792 гг. были представлены иконописный, серебряный, медный, резной, портной, сапожный, плотничный, каменный, лосиный, маркитанский (закуп скота), рыбопромышленный, кузнечный, шерстобитный и кожевенный цехи⁷.

Однако вскоре выяснилось, что многие гласные от ремесленных управ не способны были вести хозяйственные дела в думе по причине неграмотности. Уже в 1794 г. состоялись первые перевыборы, когда вместо одних гласных от цеховых были избраны другие. В 1798 г. от ремесленных управ было избрано уже всего четверо гласных, в 1819 г. – двое. С 1805 г. в Иркутской городской думе появился гласный от иногородних купцов. В 1819 г. в Иркутскую городскую думу были выбраны двое купцов, трое мещан, двое ремесленников и представитель от иногородних купцов, итого восемь гласных [17, с. 35]. Другими словами, практика городского самоуправления в губернском Иркутске сформировала своеобразный сибирский «симбиоз» из предлагаемой законодателем шестигласной и общей думы.

Отметим, что В.П. Шахеров в своих работах, в том числе в докторской диссертации, неоднократно писал, что при выборах в первую городскую думу г. Иркутска была допущена серьезная ошибка – вместо шести гласных было избрано 20: по два человека от купцов, настоящих обывателей и посадских, 14 представителей от цеховых (по одному от каждого цеха). В феврале 1787 г. состоялись перевыборы, и дума приступила к работе [7, с. 56].

На самом деле в феврале состоялись не перевыборы, а довыборы в Иркутскую шестигласную думу. Сначала в губернском Иркутске было избрано 20 гласных в Иркутскую общую городскую думу. 19 февраля 1787 г. в журнале Иркутской городской думы за под-

писью городского головы М.В. Сибирякова было записано: «вместо иногородних и именитых двух голосов, дабы от исполнения высочайшего предписания не удалится и по наименованию шестигласной то самое число голосов в заседании было наполнить из настоящих граждан и ремесленников по одному, и кто выбраны будут[,] тем в заседание в шестигласной думе в назначенные времена иногда сверх того нужна потребует быть»⁸. В этот же день состоялся выбор из гласных Общей городской думы в шестигласную на основе баллов. К наполнению шести голосов были выбраны двое от настоящих городских обывателей – Андрей Исаев и Петр Попов⁹. Таким образом, согласно архивным документам никаких перевыборов в 1787 г. не было. Выбранная в первый раз согласно Жалованной грамоте городам 1785 г. Иркутская городская дума в лице своего городского головы приняла решение – вместо именитых граждан и иногородних купцов в шестигласную думу выбрать еще по одному гласному из городских обывателей и ремесленников.

В конце XVIII в. городское самоуправление в Красноярске возглавлял городской голова, который писал отчеты о городских расходах и доходах губернатору и в Казенную палату, по «не открытию думы в Красноярске»¹⁰. Должность городского головы была введена еще в 1766 г. для подготовки городского наказа и выборов депутата в Комиссию для сочинения проекта нового уложения. Городские головы продолжали избираться и после закрытия Уложенной комиссии. Выборы проводились через два, а с 1775 г. через три года.

В 1803 г. сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов уведомил тобольского губернатора Б.А. Гермеса о предоставлении ему ведомости о доходах и расходах Красноярска по форме, предложенной министром внутренних дел В.П. Кочубеем¹¹. Тобольский губернатор предложил в свою очередь Красноярскому городскому магистрату и городскому голове составить ведомость о городских расходах и доходах за 1803 г. по данной форме. Бюрократическая по своему характеру, эта форма требовала много времени для заполнения и отличалась от отчета о городских расходах и доходах, представляемого городским головой. В апреле 1804 г. тобольский губернатор Б.А. Гермес обращался с этим предложением к Красноярскому городскому магистрату и городскому голове, а 27 июля 1804 г. томский гражданский губернатор обращался уже к Красноярской городской думе с предложением доставить ему ведомость о приходах и расходах города для составления штата полиции¹². Таким образом, Красноярская городская дума была открыта лишь в 1804 г.

Необходимо отметить, что в феврале 1804 г. Тобольская губерния «по великому пространству и неудобству в ее управлении от этого происходящем», была

⁸ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 2а. Л. 12 об.

⁹ Там же. Л. 14.

¹⁰ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 43.

¹² Там же. Л. 47.

⁷ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 74.

разделена на две, была учреждена Томская губерния. Она стала подчиняться распоряжению и наблюдению генерал-губернатора Тобольского и Иркутского, по поводу чего ему были даны особенные инструкции¹³. Красноярск, как и Енисейск, стал уездным городом Томской губернии. Вероятнее всего, это административное решение и определило открытие думы в Красноярске.

Обратим внимание на особенности городской думы в уездном Красноярске. Поскольку «красноярское мещанское общество оставалось большею частью расположенное жительство по округе»¹⁴, а купечество было малочисленным (в 1799 г. общая сумма объявленных капиталов составила всего 17 тыс. руб.) [9, с. 9], то красноярское городское общество не стало выбирать гласных в Красноярскую думу. Кроме городского головы выбирались два депутата к составлению городского обывательского списка, нотариус для протеста векселей, маклер, сборщик денег за перевоз и для сбора подушной и других повинностей¹⁵. С 1809 г. выбирался депутат в квартирную комиссию.

Таким образом, красноярское городское общество, состоящее из купцов и мещан, разделило обязанности гласных на составные части и для каждой из них выбрало ответственного. Такое решение позволяло избранным на эти службы не находиться постоянно при думе, а исполнять свои обязанности тогда, когда в этом была необходимость. Получился своеобразный промежуточный вариант – между тем, как было прописано в Жалованной грамоте городам, и тем, как это было приемлемо для городского общества Красноярска в начале XIX в. Подчеркнем еще одну особенность: поселенческое общество и еврейское общество избирали от себя кандидатов в десятиники, рассыльщики и караульные, а также к сбору всех повинностей¹⁶.

В 1789 г. в Енисейске была выбрана градская дума, состоящая из общей и шестигласной дум. Анализ ее состава затруднен тем, что сохранилось мало документов Енисейской градской думы. Выше уже говорилось о том, что в шестигласной думе должно быть представлено шесть разрядов населения: купцы, мещане, городские обыватели, именитые граждане, иногородние купцы и ремесленники. Благодаря летописи А.И. Кытманова¹⁷, в которой содержатся фамилии четырех первых составов гласных Енисейской думы, и немногим сохранившимся документам Енисейской городской думы в ГАКК, а также попытке В.В. Буланкова реконструировать обывательскую книгу Енисейска конца XVIII в., нам удалось установить, что в шестигласную думу Енисейска входили

ли купцы, мещане, ремесленники и «местные служилые».

В.В. Буланков считает, что «предками более половины енисейских старожиловских» купеческих семей были представители местных служилых, которые в XVII – начале XVIII вв. во многих сибирских городах играли значительную роль в торговле» [11, с. 60]. Именно такие местные служилые представляли городских обывателей в Енисейской шестигласной думе. В.В. Рабцевич отмечает, что через представителей от городских обывателей в думу попадали любые домовладельцы [10, с. 143]. Однако в губернском Иркутске и от городских обывателей избирали только купцов и мещан.

Исходя из практики Иркутской общей градской думы, где большинство составляли ремесленники, представлявшие цехи, существующие в городе, можно предположить, что в общей думе Енисейска был такой же принцип. Енисейская администрация подала в Тобольск в 1789 г. список ремесленников, которые были объединены в цехи столяров и резчиков, плотников, каменщиков и кирпичников, всего 111 чел. В Енисейске существовало еще 17 ремесленных специальностей, по которым не было установлено цехов или управ [11, с. 125]. Однако не ясно, только цехи входили в общую думу Енисейска или были еще представители от других ремесленников.

В отличие от восточносибирского губернского Иркутска, где городской голова решил, каких представителей нужно выбрать в думу, чтобы «не отойти» от законодательства, в западносибирских городах модель общей думы была предложена наместническим правлением. Западносибирский губернский Тобольск был разделен на пять частей и соответственно пять депутатов от «настоящих городских обывателей» должно быть представлено в общей думе. Кроме того, представители 20 цехов, имевшихся в городе, 5 представителей от мещан и 8 гласных от местных и иногородних купцов. Однако по приказу наместнического правления в октябре 1788 г. Тобольская общая дума была сформирована на началах равного представительства от каждого сословия домовладельцев: по два депутата от лиц духовного ведомства, отставных, а также служащих военных и штатских чиновников, от нижних чинов, ямщиков, новокрещенных татар и по два – от купцов, мещан и цеховых [10, с. 140].

В общей думе западносибирского уездного города Тары также заседали по одному депутату от духовенства, военных, чиновников, казаков, ямщиков, ясачных татар, бухарцев и по два представителя – от купцов, цеховых, мещан и государственных крестьян. Позже были еще введены старшины от ремесленных цехов [18, с. 98]. В губернском Томске первоначально сложился другой состав общей градской думы: в нее входили, кроме городского головы, еще 10 гласных¹⁸, четверо из них были представителями купцов, а ше-

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1908. Т. 28, № 21183.

¹⁴ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 29.

¹⁵ Там же. Л. 49–50.

¹⁶ Там же. Л. 68–69.

¹⁷ Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 год.

¹⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 3.

стеро – мещан¹⁹. Подчеркнем, такую интересную деталь – гласные подписывали документы следующим образом: «гласный от гильдейцев такой-то», «гласный от мещан такой-то», что очень облегчает исследовательскую работу. В 1792 г. в состав Томской общей думы уже вошли по два депутата от всех категорий жителей, зафиксированных в обывательской книге. В числе гласных оказались выборные от крестьян, бухарцев и татар, за что томская администрация получила выговор от наместнического правления, так как эти категории населения не относились к городским жителям [10, с. 140–141].

На основании анализа сохранившихся документов Енисейской думы²⁰ можно утверждать, что енисейский вариант общей думы был близок первоначальному томскому варианту. Разница состояла лишь в том, что общая Енисейская дума постепенно стала исполнительным органом, т.е. шестигласной думой. Например, в 1795 г. енисейский городничий Евсеев обращался именно к Енисейской градской общей думе²¹. Если бы в Енисейске существовали и шестигласная, и общая думы, городничий писал бы в исполнительный орган городского самоуправления, т.е. в шестигласную думу. В.В. Рабцевич также отмечает, что орган, называвший себя Енисейской общей думой, «фактически был думой шестигласной» [10, с. 139].

Итак, городские думы в Российской империи после издания Жалованной грамоты городам были открыты в разное время: сначала в столичных городах – Санкт-Петербурге и Москве, затем – в губернских и некоторых уездных городах. В Восточной Сибири были сформированы Иркутская градская дума в 1787 г., Енисейская градская дума в 1789 г. и Красноярская градская дума в 1804 г.

Состав думы отражал городскую социальную структуру, которая была разной в каждом городе, позволяя проследить влияние в городе той или иной социальной группы на местное сообщество, уровень городского развития. Например, в Енисейске служилые люди наряду с купцами играли не последнюю роль в городской жизни, поэтому они вошли в состав общей градской думы. В Красноярске мещане стали одной из ведущих социальных групп, что позволило им даже баллотироваться в городские головы, так как купцов здесь было немного. В Иркутске купечество занимало ключевые позиции, и именно городской голова решил, какой по составу будет шестигласная дума и чтобы этот состав не противоречил законодательству.

В сибирских городах малочисленность «посадского населения» не позволила сформировать две полноценные думы, поэтому в итоге была создана одна, но с числом гласных больше шести. Подчеркнем, что в 1822 г. эта практика была изменена реформой М.М. Сперанского, согласно которой в думы

сибирских городов необходимо было выбрать двух, трех или четырех гласных, смотря по размерам города и по назначению Главного управления.

Таким образом, реформа М.М. Сперанского отменила общие думы для сибирских городов и оптимизировала количество гласных городских дум. В Иркутске стали избирать пять гласных – по двое от купечества и мещан, один – от цеховых, в Красноярске – городская дума состояла из городского головы и двоих гласных, в Енисейске – из городского головы и троих гласных. В Сибири городское управление было реформировано благодаря реформе М. М. Сперанского в 1822 г., тогда как в других городах Российской империи, за исключением Санкт-Петербурга и Москвы, преобразования стали происходить позднее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дитятин И.И. Столетие С.-Петербургского городского общества 1775–1885 гг. / изд. по постановлению С.-Петербургской городской думы в память дня 21 апреля 1785 г. СПб.: Типография Шредера, 1885. 403 с.
2. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России в IX–XIX столетиях: исторический очерк. М.: Задруга, 1917. 120 с.
3. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 752 с.
4. Лавринович М. Создание социальных основ империи в XVIII веке: законодательные практики в отношении городского населения России и их западноевропейские источники // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 117–136.
5. Дамешек Л.М., Плотникова М.М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2015. № 394. С. 114–120.
6. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / К.А. Анкушева и др.; отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Сова, 2006. 352 с.
7. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.
8. Шахеров В.П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 256 с.
9. Быконя Г.Ф. Красноярск в первой половине XIX в. // *Город у Красного яра. Документы и материалы. Первая половина XIX века*. Красноярск, 1986. С. 5–22.
10. Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. 197 с.
11. Буланков В.В. Позднефеодальный сибирский город (население и хозяйство Енисейска 1724–1822 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998. 277 с.
12. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). / Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлева, А.И. Погребняк, отв. ред. Ю.Л. Александров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
13. Петров А.В., Плотникова М.М. Иркутская дума: городские головы, гласные и депутаты. 1787–2014: Биограф. справочник. Иркутск: Оттиск, 2014. 448 с.
14. Плотникова М.М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 191 с.
15. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М.: Типография Имп. Моск. ун-та, 1909. 473 с.
16. Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) / отв. ред. Д.Я. Резун. М.: Academia, 2006. 384 с.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 80. Л. 2, 19 об.

²⁰ ГАКК. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 1.

²¹ Там же. Л. 163.

17. Плотникова М.М. Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М. М. Сперанском // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 32–43.

18. Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р. Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX вв. Барнаул: Изд-во «Аз Бука». 2006. 188 с.

REFERENCES

1. Dityatin I.I. The century of St. Petersburg urban society 1775–1885. Saint Petersburg, 1885, 403 p. (In Russ.)
2. Kizevetter A.A. Local self-government in Russia in the IX–XIX centuries: a historical essay. Moscow, 1917, 120 p. (In Russ.)
3. Pisar'kova L.F. Urban reforms in Russia and Moscow Duma. Moscow, 2010, 752 p. (In Russ.)
4. Lavrinovich M. Building the Empire's social foundations in the XVIII century: practices of legislation related to urban population and their Western European roots. *Ab Imperio*. 2002, no. 3, pp. 117–136. (In Russ.)
5. Dameshek L.M., Plotnikova M.M. Local government models in East Siberia (the late XVIII – early XIX centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015, no. 394, pp. 114–120. (In Russ.)
6. History of public self-government in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk, 2006, 352 p. (In Russ.)
7. Shaherov V.P. Economics of a Siberian pre-reform city (based on materials of Baikal Siberia). Irkutsk, 2011, 256 p. (In Russ.)
8. Shaherov V.P. Socio-cultural processes in the urban environment of Baikal Siberia of the XVIII – early XIX centuries. Irkutsk, 2013, 256 p. (In Russ.)
9. Bykonya G.F. Krasnoyarsk in the first half of the XIX century. *Gorod u Krasnogo Yara. Dokumenty and materialy. Pervaya polovina XIX veka*. Krasnoyarsk, 1986, pp. 5–22. (In Russ.)
10. Rabtsevich V.V. A Siberian city in the pre-reform system of management. Novosibirsk, 1984, 197 p. (In Russ.)
11. Bulankov V.V. Late feudal Siberian city (population and economy of Yeniseisk in 1724–1822.): diss. Krasnoyarsk, 1998, 277 p. (In Russ.)
12. Bykonya G.F., Komleva E.V., Pogrebnyak A.I. Yenisey merchants in persons (the XVIII – early XX centuries). Novosibirsk, 2012, 316 p. (In Russ.)
13. Petrov A.V., Plotnikova M.M. Irkutsk: mayors and deputies, 1787–2014: biographical reference book. Irkutsk, 2014, 448 p. (In Russ.)
14. Plotnikova M.M. Forming the collective identity in East Siberian cities in the late XVIII – early XIX centuries. Irkutsk, 2014, 191 p. (In Russ.)
15. Kizevetter A.A. City statement of Ekaterina II of 1785. The historical commentary experience. Moscow, 1909, 473 p. (In Russ.)
16. Komleva E.V. Yeniseysk merchants (the last quarter of the XVIII – first half of the XIX centuries). Moscow, 2006, 384 p. (In Russ.)
17. Plotnikova M.M. Urban development of Irkutsk under the government of M. M. Speransky. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, vol. 7, Seriya Istoriya, pp. 32–43. (In Russ.)
18. Goncharov Yu.M., Ivonin A.R. Essays on the history of the City of Tara in the late XVI – early XX century. Barnaul, 2006, 188 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.09.2017

DOI: 10.15372/HSS20170405
УДК 930 (571) / "1820/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

**РУССКО-АБОРИГЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1820-е гг. – НАЧАЛО XX в.)
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье содержится обзор работ англоязычных и немецкоязычных исследователей, посвященных проблемам русско-аборигенных отношений в Сибири и на Дальнем Востоке в 1820-х гг. – начале XX в., когда управление сибирскими «инородцами» осуществлялось на основе специального законодательства, принятого в ходе сибирской реформы 1822 г. Установлено, что наибольшее внимание англо- и немецкоязычные исследователи уделяли выяснению причин и последствий принятия «Устава об управлении инородцев» 1822 г.; проблемам идентификации и самоидентификации, «национального» и «регионального сознания» «инородцев», их участию в общественно-политической жизни региона. Предпринята попытка определить общие закономерности развития русско-аборигенных отношений.

Ключевые слова: западная историография, Сибирь, «Устав об управлении инородцев» 1822 г., М.М. Сперанский, этническая идентичность.

D.A. ANANYEV

**RUSSO-ABORIGINAL RELATIONS IN SIBERIA AND FAR EAST
(1820s – EARLY XX CENTURY)
IN THE ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article aims to provide an overview of the English- and German-language studies on the history of Russo-aboriginal relations in the XIX – early XX centuries. In the West the most significant contribution to this research field was made by M. Raeff, Yu. Slezkine, A. Znamenski (USA), T. Armstrong, J. Forsyth, D. Collins (UK), A. Kappeler, E.-M. Stolberg (Germany) et al. Many foreign authors believe that the Siberian reform of M. M. Speransky (1822) opened a new phase in the history of relations between the indigenous and non-indigenous populations in Siberia. Western researchers focused on investigating reasons and effects of “The Statute of Alien Administration” (1822); processes of adaptation, acculturation and assimilation of indigenous and non-indigenous populations in Siberia and Far East; problems of identity and self-identity, national and regional consciousness of aboriginal population, its participation in the social and political life of the region. Based on the wide range of sources and field research findings the Western historians, anthropologists, ethnographers analyzed factors that determined various strategies for aboriginal people’s survival; tried to define general patterns of Russo-aboriginal relations in Siberia. Contemporary researchers come to conclusion that Russian colonization had mostly negative impacts on the life of Siberian aborigines. Whereas in the past scholars used to attribute the disastrous situation in which the aboriginal population found itself to contradictory policies of central and local authorities (M. Raeff, T. Armstrong), modern researchers argue that the Government bore the primary responsibility for the inefficient policy towards the “inorodtsy”. Some researchers (A. Znamenski, J. Forsyth, E.-M. Stolberg) emphasize the aborigines’ active role in interactions with Russians.

Key words: Western historiography, Siberia, “Statute of Alien Administration” of 1822, M. M. Speransky, ethnic identity.

*Статья выполнена в рамках Комплексной программы Сибирского отделения РАН, проект II.2/XII.190-1 «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности».

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com.

Denis A. Ananyev – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

В представлениях западных исследователей, история взаимоотношений пришлого и коренного населения в Сибири — одна из важнейших сторон процесса «русской восточной экспансии». Изучению проблем русско-аборигенных отношений в Северной Азии посвящена обширная историография на английском и немецком языках. Особое внимание зарубежные авторы уделяли периоду, охватывавшему вторую четверть XIX — начало XX в., когда управление сибирскими «инородцами» осуществлялось на основе специального законодательства, принятого в ходе Сибирской реформы 1822 г. Цель настоящей статьи — определить круг проблем, вызывавших наибольший интерес западных исследователей, и оценить их вклад в изучение истории русско-аборигенных отношений в Сибири в XIX — начале XX в.

Как считают многие зарубежные авторы, принятие в 1822 г. «Устава об управлении инородцев», разработанного М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым, положило начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Существенный вклад в изучение этой темы внес американский историк Марк Раев (1923–2008), автор монографии «Сибирь и реформы 1822 г.», опубликованной в 1956 г. в Ситле и получившей высокую оценку зарубежных и отечественных исследователей [1–3].

Развивая концепцию историков Калифорнийской школы (Дж. Ланцева и др.), М. Раев противопоставил патернализм правительственного курса в отношении «инородцев» действиям коррумпированного сибирского чиновничества. Политику М.М. Сперанского в отношении аборигенных этносов историк определил как «органичную русификацию», способствовавшую культурной и социально-экономической унификации населения Сибири и упрочению основ унитарного государства [1, р. 129–136].

В 1965 г. известный британский исследователь Т. Армстронг в своей работе «Русское заселение Севера» во многом воспроизвел выводы М. Раева [4, р. 117]. По словам Т. Армстронга, разрыв между либеральным отношением правительства и грабительскими действиями местных властей вызывал обеспокоенность М.М. Сперанского. Его реформы, воплощенные в Уставе 1822 г., имели целью улучшение участи коренного населения и ограничение возможностей для его эксплуатации. Автор реформы стремился к «органическому», не навязанному сверху включению инородцев в русское общество, без какого-либо принуждения. И цель, и способы ее достижения британский исследователь счел похвальными, отмечая, что в итоге Устав 1822 г. оставался в силе на протяжении почти целого века.

Западные исследователи 1950–1970-х гг. разделяли мнение, что авторы Устава 1822 г. намеревались гарантировать «инородцам» широкое самоуправление, дополнив традиционные элементы родоплеменного устройства новой системой учреждений («родовых управлений», «инородных управ» и «степных дум»). Позиция царского правительства в отношении сибирских инородцев расценивается большинством авто-

ров скорее как «политика невмешательства», которая имела как положительные, так и отрицательные стороны [5–8].

Современный немецкий историк А. Каппелер видит в Уставе 1822 г. сочетание политики прагматизма Московского государства по отношению к национальным меньшинствам с просветительскими целями и цивилизаторской миссией [9, с. 126]. Замысел реформаторов А. Каппелер, однако, подверг критике, поскольку вновь созданная правовая категория «инородцев», по его мнению, превращала часть нерусского населения империи в «граждан второго сорта».

Западной историографией был воспринят вывод советского историка М.М. Федорова [9–12], полагавшего, что образцом для законодательства М.М. Сперанского послужил Проект устава о сибирских инородцах, составленный в 1798 г. Документ предусматривал замену существовавшего беспорядка в юридической терминологии («иноземцы», «иноверцы», «ясачные люди») на единую категорию — «инородцы», а также имел своей конечной целью превращение «неоседлых» народов в «полноценных» (т. е. перешедших на оседлый образ жизни) граждан государства. Таким образом, по замечанию американского исследователя Дж.У. Слокума, «образ жизни» (оседлый или кочевой) начал оттеснять религию в качестве «существенного критерия различий» между русскими и нерусскими на восточных окраинах империи [11].

Американский историк Ю. Слезкин усматривает истоки противопоставления пришлого и аборигенного населения в сохранявших свое влияние теориях и идеях эпохи Просвещения. Следуя представлениям о трех возрастах человечества, М.М. Сперанский полагал, что каждое общество проходит через стадии детства, зрелости и старости и что «законодатель не может и не должен менять этот возраст, но он должен знать его точно и управлять каждым в соответствии с его собственным характером» [10, с. 102]. Вслед за советскими историками Ю. Слезкин подчеркивает роль, которую в подготовке Устава 1822 г. сыграл соратник М.М. Сперанского — декабрист Г.С. Батеньков, определивший соответствие трех основных географических зон Сибири («северной, средней и южной») трем типам экономического развития («возрастам»). По типу хозяйства народы Сибири были отнесены им к категориям «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Все сибирские аборигены формально объявлялись «инородцами». Оседлые в правовом отношении приравнивались к русским тех же сословий (как правило, к купцам и государственным крестьянам); кочевники и «бродячие» продолжали платить ясак.

Предполагалось, что «инородцы» будут постепенно, без принуждения со стороны властей, переходить из одной категории в другую («прогрессировать»), хотя, по мнению Ю. Слезкина, авторами реформы не предусматривалось окончательного превращения «инородцев» в «русских»: даже «оседлые» имели особый статус, поскольку освобождались от рекрутской повинности — «без указания на то, как эту

черту перейти, и можно ли перейти ее вообще» [10, с. 105]. У. Дж. Слокум уточняет, что после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. правительство постепенно начало урезать данную официальную привилегию (так, оседлые «инородцы» более не освобождались от военной службы). Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. «само понятие “русскость” все более и более осмыслялось в этнических категориях, затрудняя для любого “чужака” возможность стать русским» [11, с. 509].

Опираясь на работы отечественных авторов [13–15], западные историки пишут о многочисленных трудностях, связанных с практической реализацией положений Устава 1822 г. По словам Ю. Слезкина, «роды» не могли функционировать как постоянные административные единицы; новые крестьяне оказались не в состоянии платить налоги, кочевники отказывались платить ясак деньгами, надеясь избежать включения в категорию «оседлых» [10, с. 109]. В то же время попытки формально уравнивать статус оседлых инородцев со статусом русских крестьян встретили «жестокое бюрократическое сопротивление» [11, с. 510–511].

Наиболее последовательно политику самодержавия в отношении сибирских аборигенов критикует современный британский исследователь Дж. Форсайт. В частности, он цитирует труды «областников» и советских историков-марксистов, писавших о колониальной политике царизма [16]. Дж. Форсайт приводит свидетельства современников о том, что в XIX в. все сибирские аборигены, за исключением бурят, якутов и полунезависимых чукчей, достигли состояния «деморализации и полунизищенского состояния», страдая от эпидемий болезней, злоупотребления алкоголем, а также эксплуатации и ограбления со стороны русских торговцев и крестьян. Одним из наиболее вопиющих положений «конституции» 1822 г. исследователь называет объявление всей земли собственностью Российского государства, «которое великодушно позволило аборигенам использовать ее в соответствии со своими собственными правилами» [16, р. 154–160].

Общая же тенденция и направленность реформы 1822 г., по мнению британского исследователя, заключалась в том, чтобы побудить, а при необходимости заставить кочевые народы отказаться от своего традиционного образа жизни и осесть на земле в качестве крестьян. Итогом такого ограничения и в конечном счете запрета «на номадизм» (с целью высвобождения пахотной земли) стало разорение бывших кочевников.

Британский историк А. Вуд в своем обобщающем исследовании по истории Сибири, опубликованном в 2011 г., также подверг критике имперскую политику в отношении сибирских «инородцев» [17]. Преисполненный благих намерений реформатор, по мнению А. Вуда, в итоге сумел лишь создать колониальную систему управления, наполненную бюрократическими идеями и основанную на административном произволе. Она всецело ориентировалась на интересы имперского государства и игнорировала нужды, обычаи и практики аборигенного населения [17, р. 110–117].

Современный немецкий историк Д. Дальманн признает, что замысел реформаторов не был в полной мере воплощен в жизнь (хотя, в отличие от А. Вуда и Дж. Форсайта, полагает, что податное бремя для аборигенов в итоге существенно уменьшилось) и что Устав 1822 г. можно рассматривать как «проявление европейского чувства превосходства». Вместе с тем, по мнению исследователя, реформа все же коренным образом изменила положение аборигенных народов, признав за ними право на собственную систему управления, юрисдикцию и социальное устройство, что для начала XIX в. было совершенно беспрецедентным явлением. Де-юре сибирские этносы получили большую самостоятельность и больше прав, чем крепостные крестьяне в Европейской России [18, р. 150–169].

В свою очередь, немецкая исследовательница Э.-М. Столберг приходит к выводу, что на рубеже XIX–XX вв. самоуправление инородцев, предусмотренное реформой М.М. Сперанского, было подорвано притоком колонистов, начавшимся после крестьянской реформы 1861 г. [19, р. 283]. Местная администрация в лице губернаторов способствовала объединению систем управления русским и аборигенным населением, что было равнозначно русификации. По мнению исследовательницы, то обстоятельство, что крестьяне-инородцы, занятые земледелием, должны были управляться на основе принципов, действовавших в русской общине, не свидетельствовало о гибкости российского законодательства. Включение некогда кочевых народов в состав крестьянского сословия Э.-М. Столберг также связывает с идеей привлечения инородцев к военной службе, что, с точки зрения правительства, имело особое значение для восточных окраин, учитывая их слабую заселенность.

В западной историографии преобладает точка зрения, согласно которой к началу XX в. положение аборигенных этносов Сибири в целом ухудшилось. Хозяйственная деятельность русских (аграрная колонизация, осушение болот и вырубка лесов, строительство железной дороги и т.п.) разрушала естественный образ жизни и привычную среду обитания сибирских народов. Негативное влияние оказывали также занесенные болезни и социальные недуги (алкоголизм, рост преступности и пр.).

Многие наблюдатели, описывавшие ситуацию в Сибири на рубеже XIX–XX вв., предполагали, что указанные процессы неизбежно приведут к исчезновению большинства сибирских народов. Действительно, численность многих из них резко сократилась (в частности, у юкагиров, ительменов, коряков, некоторых групп кетов, ненцев и нганасанов). Вместе с тем западные исследователи (Т. Армстронг, Дж. Форсайт) подчеркивают, что, несмотря на болезни и бедность «инородцев», общая численность коренного населения Сибири продолжала расти вплоть до начала XX в., а исчезновение некоторых этносов зачастую объясняется поглощением их другими народами.

Культурному сближению пришлого и коренного населения должна была способствовать деятельность

православных миссий, итоги которой в западной исследовательской литературе оценивали О. Кобцев, Д. Коллинз, А. Знаменский и др. [20–22]. Для большинства авторов несомненна прочная связь между светскими и церковными властями в Сибири, но, в отличие от советских историков, они не считали христианское миссионерство орудием европейского колониализма. Исследователи отмечают, что, хотя во многих случаях христианизация носила поверхностный и формальный характер, усилия миссионеров оставили глубокий след в культуре аборигенных народов.

Впрочем, аккультурации и ассимиляции подверглось и пришлое население. Так, Т. Армстронг и В. Сандерланд, опираясь на многочисленные свидетельства современников, пишут о процессах «обынородчивания», когда русские, перенимая методы выживания в экстремальной среде, полностью воспринимали чужую культуру и переставали отличаться от коренного населения [23].

Проблемам этнической идентификации и самоидентификации сибирских этносов посвящены многочисленные работы зарубежных антропологов и этнографов. В начале XX в. изучение этнографии народов Сибири осуществлялось в рамках международных научных проектов – например, Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897–1902 гг. Изданные на Западе труды ее участников (В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона), а также С.М. Широкогорова, М. Чаплицкой, А. Хэллоуэлла и других составили, по определению П. Джордана, «фонд классических этнографических исследований», опубликованных на английском языке [24; 25].

С конца 1920-х гг. интерес западных ученых к сибирской этнографии оставался ограниченным из-за отсутствия возможностей для полевых исследований и прекращения научных контактов на прежнем уровне. Более активное изучение истории и современного состояния народов Сибири на Западе началось с конца 1980-х гг. В условиях возрождавшегося национализма — мощной политической силы, способствовавшей распаду СССР, возникло влиятельное исследовательское направление, связанное с изучением идентичности — в первую очередь, «этнической идентичности».

Так, М. Балцер в монографии, посвященной прошлому и настоящему остяков (ханты), пришла к выводу, что итогом русской колонизации, христианизации и индустриального развития стало разрушение привычной среды обитания аборигенов. По ее мнению, во избежание окончательного упадка и гибели коренного населения необходимо активно влиять на процесс формирования его «этнической идентичности», стремиться сохранить традиционную культуру, дав повод гордиться своей самобытностью [26]. В работе канадского антрополога Д. Андерсона рассматривается проблема «этнической идентичности» народов, проживающих в низовьях Енисея (ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.). В соответствии с принципами конструктивистского подхода он показывает, что этнографическая наука часто (в том числе в дореволюцион-

ный период) использовалась в качестве «первичного инструмента социальной власти», результатом применения которого явилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т.п. [27].

По мнению западных исследователей, на рубеже XIX–XX вв. процессы модернизации способствовали формированию регионального и национального самосознания у сибирских народов (в первую очередь, у наиболее многочисленных — якутов и бурятов), их активному участию в общественно-политической жизни региона в начале XX в. Постепенное выравнивание правового статуса коренного и пришлого населения сопровождалось перераспределением земель, традиционно находившихся в пользовании аборигенов. А. Каппелер указывает на «остро драматические противоречия между скотоводами-кочевниками и поддержанными российским правительством европейскими переселенцами в их борьбе за плодородные земли» в южных районах Степного края. Одним из итогов этого противостояния явилось среднеазиатское восстание, вспыхнувшее летом 1916 г. и затронувшее территорию юга Западной Сибири. Непосредственным поводом для беспорядков послужило повеление от 25 июня 1916 г. о призыве инородцев на тыловые работы, однако основной причиной восстания историк называет «общую систему российского колониального господства» [9, р. 260].

Дж. Форсайт сообщает о движении среди бурят, которых побудили к политической деятельности преобразования, начатые царским правительством (упразднение степных дум, введение волостной системы, изъятие земли у бурят и перераспределение ее среди русских переселенцев и др.). На собраниях бурят, состоявшихся в 1903 г. (в частности, в Чите), высказывались требования внутреннего самоуправления и открытия школ с преподаванием на бурят-монгольском языке. По заключению Дж. Форсайта, буряты являлись единственным народом на юге Сибири, достаточно многочисленным, чтобы удержать за собой свои земли и сохранить свою этническую идентичность, тем не менее даже им не удалось сдержать натиск русских.

Интерес западных исследователей вызывает и деятельность «Союза якутов», созданного в январе 1905 г. под руководством В.В. Никифорова. Лидеры движения требовали введения в Якутии земского самоуправления, представительства якутов в Государственной думе; передачи всей земли якутскому народу, прекращения полицейской опеки и предоставления якутам гражданских прав. Э.-М. Столберг характеризует движение якутов как «антиколониальное», однако вслед за российским историком Е.П. Антоновым замечает, что в случае с «Союзом якутов» речь шла не о националистическом объединении — организация лишь пыталась начать культурный диалог с российским обществом и боролась за равноправие якутов и русских [19, р. 283]. По мнению Дж. Форсайта, «события 1905–1906 гг. показали, что у якутов развивалось чув-

ство национальной идентичности, и этот процесс продолжался и в дальнейшем» [16, р. 164].

В движении «бурханистов», развернувшемся на Алтае накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., Дж. Форсайт усматривает организованное выражение «национального самосознания алтайских тюрок». Протестное движение возникло в 1905 г. и на другой стороне Кузнецкого Алатау – среди енисейских тюрок, основными формами протеста против русских властей стала неуплата налогов и вырубка деревьев в казенном лесу.

По мнению Дж. Форсайта, о пробуждении политического сознания народов Южной Сибири свидетельствовал съезд енисейских тюрок, состоявшийся в ноябре 1905 г. в Аскизе. Делегаты съезда приняли законопроект о национальной автономии (аналогичный тому, что был сформулирован на бурятской конференции в том же году), а также обсудили идею учреждения «Союза сибирских инородцев» для защиты интересов коренного населения. По верному замечанию британского исследователя, хотя «имперскому режиму» и удалось сдержать спонтанное антиколониальное движение, развернувшееся в начале XX в. на юге Сибири, этому движению суждено было набирать обороты, поскольку породившие его причины не были устранены.

Американский исследователь А. Знаменский замечает, что Дж. Форсайт в своем исследовании отодвинул на второй план культурное взаимодействие между аборигенами и русскими и сосредоточил основное внимание на сопротивлении и колониальном насилии, не выходя, таким образом, за рамки концепции «внутреннего колониализма» (популярной в США в 1960–1970-х гг. и применявшейся для изучения этноистории североамериканских индейцев) [28]. Вместе с тем, по мнению А. Знаменского, парадигма «внутреннего колониализма» не улавливала всей сложности межкультурного диалога между коренным и пришлым населением. Аборигены не воспринимали пассивно культурное и экономическое влияние со стороны пришлого населения. Скорее, они выборочно включали элементы чужой экономики и культуры в свой жизненный уклад.

Анализируя причины, позволявшие аборигенам играть более значимую роль в колониальных империях, западные исследователи, как правило, указывают на географическую изолированность и сохранение традиционного самообеспечивающегося хозяйства [29, р. 59]. В тех регионах, где колониальные силы незначительно нарушили или даже усилили традиционный хозяйственный уклад аборигенов, у последних появилось гораздо больше возможностей для политического и культурного диалога на равных.

Примером таких равноправных и сбалансированных отношений А. Знаменский называет этническую историю чукчей, рассматривая ее через призму концепции «культурной и политической “срединности”», сформулированной Р. Уайтом в 1991 г. Согласно этой концепции, «ситуация срединности» позволяет аборигенным группам создавать и сохранять свое куль-

турное пространство даже в условиях интенсивных контактов с пришлым населением. А. Знаменский показывает, что условия, описанные А. Ройс и Р. Уайтом, существовали в Северо-Восточной Сибири и позволили чукчам сохранить гегемонию и суверенный статус. Среди этих условий следует отметить географическую изолированность полуострова, отсутствие значимых ресурсов (из-за чего Россия не стремилась любой ценой подчинить данную территорию); самообеспечивающееся оленеводческое хозяйство, за счет которого выживали не только чукчи, но и русские; торговое соперничество между колониальными державами (Россией и США), усиливавшее посредническую роль чукчей [28].

Таким образом, наибольшее внимание англоязычные и немецкоязычные исследователи уделяли выяснению причин и последствий принятия «Устава об управлении инородцев» 1822 г., проблемам идентификации и самоидентификации, национального и регионального самосознания «инородцев», их участию в общественно-политической жизни региона. Большинство авторов приходят к выводу о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири. Но если раньше исследователи склонны были видеть главную причину бедственного положения коренного населения в разнонаправленности действий центральных и местных властей, то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении «инородцев» предстает прежде всего правительство. Вместе с тем в ряде работ (А. Знаменский, Дж. Форсайт, Э.-М. Столберг) подчеркивается активная роль аборигенных этносов во взаимодействии с русскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956. 210 p.
2. Shimkin D.B. Rec. ad op.: Marc Raeff. *Siberia and the Reforms of 1822* (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices) // *American Anthropologist*. 1958. Vol. 60, N 1. P. 190.
3. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. 339 с.
4. Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965. 224 p.
5. Conolly V. *Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements*. New York, 1975. 248 p.
6. Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов Севера в зарубежной историографии // Докл. межвуз. науч.-теор. конф. Петропавловск-Камчатский, 1995. Ч. 2. С. 3–25.
7. Dunn S., Dunn E. *The Peoples of Siberia and the Far East // Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*. Stanford, 1972.
8. Kolarz W. *Russia and Her Colonies*. London, 1953. 335 p.
9. Kanneder A. Россия – многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
10. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. 512 с.
11. Слокум Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 502–531.

12. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). Якутск, 1978. 287 с.
13. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVII – начало XX вв.). М., 1995. 220 с.
14. Шапков С.С. Исторические этюды. СПб., 1872.
15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 472 с.
16. Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992. 476 p.
17. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011. 320 p.
18. Dahlmann D. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009. 438 S.
19. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2009. 329 S.
20. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // *Sibirica* II. Lancaster University. 1986. N 2. P. 6–15.
21. Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // *Church, nation and state in Russia and Ukraine* / Ed. by G. Hosking. London, 1990. P. 96–207.
22. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London, 1999. 320 p.
23. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обыкновенное» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. С. 199–227.
24. Schweitzer P. Silence and Other Misunderstandings: Russian Anthropology, Western Hunter-Gatherer Debates and Siberian Peoples // *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance and Self-Determination* / Ed. P. Schweitzer, M. Bieseles and R.K. Hitchcock. New York, 2000. P. 29–51.
25. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction // *Landscape and Culture in Northern Eurasia* / Ed. by P. Jordan. Left Coast Press, 2010. P. 17–45.
26. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, 1999. 326 p.
27. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000. 270 p.
28. Znamenski A. «Vague Sense» of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's Status in Nineteenth Century Northeastern Siberia // *Arctic Anthropology*. 1999. Vol. 36, N. 1/2. P. 19–36.
29. Royce A. Ethnic Identity: Strategies of Diversity. Bloomington, 1982. 247 p.
1. Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956, 210 p.
2. Shimkin D.B. Rec. ad op.: Marc Raeff. Siberia and the Reforms of 1822 (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices). *American Anthropologist*, 1958, vol. 60, no. 1, p. 190.
3. Dameshek L.M., Dameshek I.M., Pertsova T.A. Siberian Reforms of M.M. Speransky, 1822: Experience of Administrative Regulation of Interests of Central and Local Authorities. Irkutsk, 2017, 229 p. (In Russ.)
4. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965, 224 p.
5. Conolly V. Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements. New York, 1975, 248 p.
6. Korchagin Yu.V. Policy of the Russian Autocracy and Traditional Societies of Northern Peoples in Western Historiography. *Doklady mezhevuz. nauch.-teor. konf. Petropavlovsk-Kamchatskiy*, 1995, pp. 3–25 (In Russ.)
7. Dunn S., Dunn E. The Peoples of Siberia and the Far East. *Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*. Stanford, 1972.
8. Kolarz W. Russia and Her Colonies. London, 1953, 335 p.
9. Kappeler A. Russia – a Multi-Ethnic Empire. Moscow, 2000, 344 p. (In Russ.)
10. Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and Small Peoples of the North. Moscow, 2017, 512 p. (In Russ.)
11. Slocum J.W. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii*. Moscow, 2005, pp. 502–531. (In Russ.)
12. Fyodorov M.M. Legal Status of the Peoples of Eastern Siberia (XVII – early XX century). Yakutsk, 1978, 220 p.
13. Konev A.Yu. Aboriginal Peoples of the North-Western Siberia in the Administrative System of the Russian Empire (XVII – early XX century). Moscow, 1995, 220 p.
14. Shashkov S.S. Historical Essays. St. Petersburg, 1872.
15. Yadrinsev N.M. Siberia as a Colony. St. Petersburg, 1882, 472 p.
16. Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992, 476 p.
17. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011, 320 p.
18. Dahlmann D. Siberia from the 16th Century to the Present. Paderborn, 2009, 438 S. (In Germ.)
19. Stolberg E.-M. Siberia: Russia's «Wild East». Myths and Social Reality in the XIX and XX Centuries. Stuttgart, 2009, 329 S. (In Germ.)
20. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // *Sibirica* II. – Lancaster University, 1986, no. 2, pp. 6–15.
21. Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky. *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. Ed. by G. Hosking. London, 1990, pp. 96–207.
22. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London, 1999, 320 p.
23. Sanderland W. Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow, 2005, pp. 199–227. (In Russ.)
24. Schweitzer P. Silence and Other Misunderstandings: Russian Anthropology, Western Hunter-Gatherer Debates and Siberian Peoples. *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance and Self-Determination*. Ed. P. Schweitzer, M. Bieseles and R.K. Hitchcock. New York, 2000, pp. 29–51.
25. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction. *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Ed. by P. Jordan. Left Coast Press, 2010, pp. 17–45.
26. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton, 1999, 326 p.
27. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000, 270 p.
28. Znamenski A. «Vague Sense» of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's Status in Nineteenth Century Northeastern Siberia. *Arctic Anthropology*. 1999, vol. 36, no. 1/2, pp. 19–36.
29. Royce A. Ethnic Identity: Strategies of Diversity. Bloomington, 1982, 247 p.

REFERENCES

Статья принята
редакцией 30.10.2017

DOI: 10.15372/HSS20170406
УДК 338.422 "1990/2017"

В.С. ШМАКОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ НА РУБЕЖЕ XX–XXI В.*

Институт философии и права СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье предпринята попытка анализа системы социально-экономической трансформации сельских локальных сообществ, который, по мнению автора, позволяет определить основные тенденции институциональных изменений, проследить рост влияния социальных и инновационных процессов на развитие сельских регионов. Реформы 1990-х гг. послужили институциональной основой социально-экономического обновления села. Либерализация, развитие рыночных отношений, формирование новых форм собственности привели к изменению уклада жизни сельского населения, возникновению системы социальных рисков для сельских локальных сообществ. Методология исследования сельских локальных сообществ основывается на применении модернизационной парадигмы, в данном случае – концепции «догоняющей модернизации».

Ключевые слова: сельские локальные сообщества, модернизация, трансформация, стратегии развития, социально-экономические практики, социальные риски.

V.S. SHMAKOV

THE TRANSFORMATION OF LIFE STRATEGIES OF RURAL LOCAL COMMUNITIES AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia

The analysis of the social-economic transformation system of rural local communities allows identifying main trends of institutional change. Economic reforms in the mid-1990s marked the beginning of the institutional change procedure. The study objective is to establish the characteristics of rural local community transformation in the context of institutional change. The research methodology is based on applying a modernization paradigm based on the concept of “catch-up modernization”. Main aspects of development of rural local communities include the state agrarian policy, mixed economy, human capital. Studying the dynamics of integrative structures of the modern rural society showed that changes in the state agrarian policy (including measures to improve the efficiency of agricultural production and restructuring the agricultural sector), stabilizing the institutional and socio-economic spheres of the Russian society led to evolutionary changes in adaptation practices of rural local communities. Mixed economy development in the socio-economic structure of the agrarian-industrial complex contributes to the emergence of a new innovative economic system – agricultural holdings. Their share in product production increases, and the role of small producers declines. These processes contribute to changing the social-economic behavior of rural local communities. The villagers’ activity of private farms is reduced. These transformations have resulted in rising labor productivity and gross domestic product, developing a wide market of agricultural products. The author has identified two main models of adaptation that play a decisive role in the modern countryside life, symbiosis of large-scale farms and small-scale production economics. This phenomenon prevailed in the 1990s – early 2000s. Innovation economy is presented by large farming and agricultural holdings integrated with financial capital.

Key words: rural local communities, modernization, transformation, development strategy, social-economic practices, social risks.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00605 «Социальные риски реструктуризации экономики сельских территорий: -глобальные вызовы и локальные ответы».

Владимир Сергеевич Шмаков – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, e-mail: vsshmakov@gmail.com.

Vladimir S. Shmakov – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS/

Исследование трансформации сельских локальных сообществ Российской Федерации позволяет определить основные тенденции социально-экономического развития села в условиях инновационных изменений, вызванных формированием государственной аграрной политики, развитием многоукладной экономики села и оказывающих существенное влияние на изменение стратегий социально-экономического поведения жителей села на локальном уровне. Предпринятый анализ позволит наметить перспективы их развития, выявить социальные риски.

Анализ процессов развития сельских локальных сообществ показывает, что разнообразные инновации, наблюдаемые в сельскохозяйственных регионах, можно интерпретировать как «локальные ответы», которые вырабатываются сообществом под влиянием изменения условий его жизнедеятельности. Можно отметить, что процесс модернизации общественной жизни имеет стихийный характер, члены сообщества вынуждены постоянно вырабатывать новые формы адаптации к меняющимся социально-экономическим и политическим реалиям. Преобладающей стратегией развития экономики России оказалось модернизационное развитие «догоняющего» типа. Реформы 1990-х гг. определили ход либеральных рыночных преобразований, которые по своей сути и по своему характеру являлись квазирыночными и квазидемократическими и оказали значительное влияние на формирование адаптационных реакций населения села.

По нашему мнению, социально-экономическое развитие сельских локальных сообществ определяется двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации обществ под влиянием глобализации; во-вторых, существенную роль играют процессы либерализации, развивающиеся рыночные отношения, многоукладная экономика. Эти метаморфозы обуславливают трансформацию жизненных стратегий жителей села. Теоретические и методологические проблемы, касающиеся качества и уровня жизни населения регионов России, отражены в трудах Л.И. Абалкина, А.Б. Аганбегяна, Ф.М. Бородкина, С.Ю. Глазьева, Б.М. Генкина, Б.В. Бойцова, А.И. Субетто и др. Мониторингу уровня и качества жизни населения на основе методов социологических исследований посвящены работы В.Н. Бокова, О.А. Мухановой, Е.Б. Фроловой. Оценки качества жизни, в том числе населения сельских территорий, отражены в исследованиях Т.А. Агаповой, Ф.Г. Арутюняна, В.А. Богдановского, Б.И. Герасимова, В.В. Дробышевой, П.П. Великий и М.Ю. Морехина изучают проблемы развития адаптивного потенциала сельского социума [1]. Н.П. Кузник и В.Л. Шабанов анализируют роль личного подсобного хозяйства в формировании доходов и в потреблении сельского населения в условиях переходной экономики [2]. З.И. Калугина занимается социологическим анализом трансформационных процессов, выделяя парадоксы аграрной реформы в России [3]. Г.М. Орлов и В.И. Уваров изучают проблемы развития российского села в условиях

реформ [4]. Е.Н. Сметанин рассматривает процессы адаптации населения периода приватизации и формирования новых форм собственности [5]. И.Г. Ушачев разбирает основные положения концепции аграрной политики России в начале 2000-х гг. [6].

Цель нашей статьи – определить особенности трансформации сельских локальных сообществ в условиях институциональных изменений. Мы полагаем, что изучение динамики социально-экономического развития сельских сообществ может способствовать активизации социального ресурса села, уточнению приоритетов и условий трансформации жизненных укладов жителей села. Выбирая сельские локальные сообщества в качестве объекта исследования, мы предполагаем, что сельское локальное сообщество современной России можно представить как открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему, в которой члены сообщества объединены общей территорией проживания, связаны экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями. Сообщество может выступать как субъект управления, определяющий и защищающий общие интересы. Деятельность данного сообщества направлена на сохранение, развитие и самосовершенствование в целях улучшения уровня и качества жизни своих членов.

Методологическая схема изучения структур и применяемых сельским сообществом социально-экономических практик, используемая нами при анализе развития социума, включает следующие составляющие:

- вековые традиции развития крестьянского образа жизни в российской деревне, выступающие своеобразной оппозицией разворачивающимся новым социально-экономическим процессам модернизации;
 - структуры, сформировавшиеся в советский период, обладающие определенной «системной жизнеспособностью»;
 - переходные структуры, создаваемые современным этапом модернизации [7].
- Выделим основные проблемы развития сельских локальных сообществ, как исторически сформировавшихся, так и сложившихся в процессе экономических реформ 1990-х гг.
- природно-климатические условия землепользования, сочетание экономических и биологических процессов, сезонность сельскохозяйственных работ;
 - многовековое отставание в развитии сельскохозяйственных территорий и социальной сферы села;
 - демографический фактор: прогрессирующий процесс старения сельского населения, усиленная миграция жителей села в поисках «лучшей жизни» и т.п.;
 - падение уровня профессионализма за счет разрушения системы подготовки и переподготовки кадров;
 - деградация социальной сферы села: инфраструктура, здравоохранения, образования, повлекшая за собой значительное ухудшение социальной жизни села.

Экономические реформы середины 1990-х гг. положили начало процедуре институциональных преобразований. Развивается система мер по изменению формальных и неформальных условий хозяйственной деятельности (включая приватизацию и земельную реформу), проводится политика поддержки предпринимательства, разрабатывается законодательная база рыночной экономики, формируется рынок труда и капитала и др. Все эти стороны институциональной трансформации, рыночные законы, приватизация, создание новых субъектов хозяйственной деятельности в равной степени важны для анализа развития сельских локальных сообществ.

Нестабильность внешней институциональной среды середины 1990-х – начала 2000-х гг. обусловила неустойчивый характер адаптационных стратегий сельского населения. Несогласованность целей, векторов и направлений реформ на уровне проводящих их элит, лабильность и слабость новых социально-экономических институтов, с одной стороны, вызвали у населения кризис доверия властям, а с другой – стали причиной ограничения возможностей жителей села при выработке эффективных адаптационных стратегий. В результате трансформаций формируется несколько типов социально-экономических отношений, сочетающих в себе черты натурализованного хозяйства и экономики, тесно связанной с черным рынком.

Эти отношения существенным образом зависят от государственной и региональной редистрибутивной политики, в существенной степени определяют систему адаптации населения села. Натуральный тип развития основывается на сочетании традиционных форм жизнеобеспечения со значительной зависимостью от государственных трансфертов. Переориентация всей социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства (ЛПХ), служащего целям простого воспроизводства, является наиболее типичной приспособительной реакцией. Личное подсобное хозяйство обеспечивает минимально приемлемый уровень жизни. Криминальный тип, основанный на широком распространении экономики «черного рынка», развивается в тех регионах, где имеются каналы сбыта сельскохозяйственной продукции. Деструктивный тип адаптации, характеризующийся прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией, в конечном счете заканчивается деструктуризацией локального сообщества [8, с. 69–70]. Натурализация хозяйства стала одной из самых значимых тенденций в развитии села и вызвала всплеск научных исследований в области социологии села [9]. Общепринятая интерпретация этого феномена сводилась к постулатам о возрождении российского крестьянства, с его традиционным образом жизни.

Предпринятый сравнительный анализ параметров развития личных подсобных хозяйств и оценка уровня их товарности позволили определить основную тенденцию этого процесса. Чем ниже прочие доходы (т.е. средства из других источников) населения, тем выше значимость ЛПХ. Наблюдаемая натурализация явля-

ется не возвращением к мифическим истокам, а вынужденной мерой, помогающей населению выжить. В течение всего периода 1990-х – начала 2000-х гг. натурализация являлась основной адаптационной стратегией и сопровождалась переориентацией невосребованных трудовых ресурсов на подсобные хозяйства. В большинстве случаев для ЛПХ характерна низкая товарность: полученная здесь продукция потребляется самим домохозяйством, лишь небольшая ее доля реализуется на рынке. Все наиболее острые, с точки зрения сельчан, проблемы связаны с их экономическим положением, включая безработицу, бедность, алкоголизм, т.е. являются комплексными причинами и в совокупности выступают интегральным показателем социокультурного неблагополучия.

Выделенные адаптационные стратегии сельских локальных сообществ можно определить как ориентацию на выживание, а не на развитие, и заключаются они в консервации всех основных социально-экономических процессов, определяющих систему жизнеобеспечения сельских локальных сообществ. Это приводит к снижению трудовых мотиваций, ослаблению товарности ЛПХ, падению демографических показателей, резкому сокращению уровня потребления и, естественно, к ухудшению качества и уровня жизни. Динамика развития села приобретает крайне неустойчивый характер, при этом инновационные рыночные структуры играют еще незначительную роль в социально-экономической сфере жизни села. Эти структуры являются достаточно разнородными: возрождаются архаические структуры ведения хозяйства, представленные ЛПХ; параллельно существуют структуры, оставшиеся от советского периода, – приватизированные колхозы и совхозы, получившие название «крупхозы»; вновь создаются структуры, представленные фермерами и зарождающимися агрохолдингами.

В условиях быстрых и кардинальных трансформаций все эти структуры оказываются тесно связанными. Система социально-экономических преобразований на селе закрепила на довольно длительный период процессы натурализации, ориентации на «черный рынок», поддерживая деструкционные элементы. Тем не менее сельские локальные сообщества сумели приспособиться к новым условиям, сохранить жизнеспособность и остаться активным объектом происходящих социально-экономических процессов. В современных условиях они пытаются вырабатывать новые адаптационные стратегии в ответ на изменения социально-экономической среды и конструировать социальные механизмы поддержания своей самоидентичности.

Анализ последствий реструктуризации экономической и социальной жизни села периода 1990–2000-х гг. позволил выделить основные социально-экономические структуры, генерирующие различные типы неформальных практик в российском селе: 1) домохозяйства, основу экономики которых составляют ЛПХ в условиях развитой сети социальной поддержки; 2) симбиотические структуры, основой которых являются экономические связи домохозяйств и крупхозов.

Эти типы неформальных связей поддерживаются локальными властными структурами, характеризуются включением экономических организаций в процессы управления сообществом.

Подводя итоги реформированию сельского хозяйства в этот период и переходу его на новые социально-экономические условия жизнедеятельности, следует отметить: во-первых, начинается последовательный процесс снижения значимости основных структур (симбиоз ЛПХ и крупхоза), генерирующих интегративные неформальные связи и отношения, которые сложились в условиях трансформационного кризиса, причем значение ЛПХ в общей структуре аграрного производства снижается; ресурсы симбиозных экономических форм (ЛПХ – крупхоз) практически исчерпаны; во-вторых, под влиянием имущественного расслоения (социальной дифференциации) ослабевает плотность сельских социальных сетей. Таким образом, идет процесс снижения значимости всех основных структур, генерирующих неформальные интегративные связи и отношения.

Проводимая государством в последующие годы аграрная политика вызывает существенные изменения процессов адаптации в российском селе. Системное реформирование государственной аграрной политики, начиная с середины 2000-х гг. (увеличение финансирования агросектора экономики, мероприятия по повышению эффективности сельскохозяйственных производств, структурная перестройка аграрной сферы), стабилизация институциональной и социально-экономической ситуации в российском обществе привели к эволюционным изменениям в адаптационных практиках сельских локальных сообществ. Динамичный рост аграрного производства и снижение значимости неформального сектора экономики свидетельствуют, что приспособительные (адаптивные) реакции сельских жителей (как мы отмечали выше) зависят от совокупности внешних и внутренних условий – вызовов и ответов сообщества с учетом имеющихся ресурсов. Практики самоорганизации, являясь результатом адаптационных реакций сельских сообществ на вызовы внешней среды, направлены на максимально эффективное использование скудных материальных ресурсов и опираются на сохранившиеся моральные ценности и коллективистские традиции.

При сохранении общих тенденций в проблемном поле (триада: безработица, бедность, пьянство) реакция сельских сообществ на возникающие проблемные ситуации, по нашему мнению, во многом будет определяться проводимой государственной и региональной аграрной политикой, доминированием тех или иных хозяйственных укладов на территории конкретных поселений, особенностями процесса интеграции различных социальных и институциональных акторов развития села. Изучение динамики интегративных структур современного сельского социума показало, что изменения государственной аграрной политики, включая мероприятия по повышению эффективности сельскохозяйственного производства и структурной перестройке

аграрной отрасли, стабилизация институциональной и социально-экономической сферы российского общества привели к эволюционным изменениям в адаптационных практиках сельских локальных сообществ. К основным факторам, влияющим на инновационное развитие и меняющим жизненный мир сельских локальных сообществ, можно отнести государственную и региональную аграрную политику, развитие крупных фермерских хозяйств и агрохолдингов, климатическую, географическую, экономическую и этническую специфику региона.

В целом следует отметить, что в агропромышленном комплексе Российской Федерации происходят количественные и качественные институциональные, социально-экономические и структурные преобразования. Развитие многоукладной экономики в социально-экономической структуре агропромышленного комплекса способствовало зарождению нового инновационного хозяйственного уклада, который представляют агрохолдинги. Доля агрохолдингов в производстве продукции увеличивается, а роль мелких производителей снижается, что приводит к изменению социально-экономического поведения жителей сельских локальных сообществ, снижению активности жителей села в личных хозяйствах. Если к позитивным аспектам данных процессов можно отнести модернизацию технологической и организационно-производственной сферы аграрного сектора, то в качестве негативных последствий нужно отметить продолжающиеся тенденции деградации человеческого и социального капитала российского села, что препятствует устойчивому развитию сельских территорий, усиливая социальные риски, связанные с ухудшением социально-экономического положения села. Отмеченные факторы социально-экономического развития сельских локальных сообществ позволяют говорить о двух основных моделях адаптации, играющих определяющую роль в жизни села.

1. Симбиоз экономики крупхозов и мелкотоварного производства. Этот фактор преобладал в середине 1990-х – начале 2000-х гг. В связи с уменьшением значения ЛПХ и концентрацией земель в руках крупных собственников и арендаторов доля крупхозов значительно сократилась, потенциально они уже не могут служить дистрибьютором для ЛПХ.

2. Инновационная экономика, представленная крупным фермерством и агрохолдингами, интегрированных с финансовым капиталом.

В российском аграрном комплексе можно выделить позитивные тенденции, свидетельствующие о начале нового этапа развития сельских локальных сообществ. Но видимые успехи агропромышленного комплекса не следует переоценивать. Социальные и экономические издержки жителей села еще достаточно велики, имеющиеся у них социально-экономический потенциал и человеческие ресурсы не беспредельны. Но сельские локальные сообщества продолжают выполнять свою миссию в обществе, обеспечивая его членов продуктами питания и сырьем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 55–64.
2. Кузник Н.П., Шабанов В.Л. Роль личного подсобного хозяйства в формировании доходов и в потреблении сельского населения в условиях переходной экономики. Саратов, 2002. 46 с.
3. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2001. 196 с.
4. Орлов Г.М., Уваров В.И. Село и российские реформы // Экономическая социология. 1997. № 5. С. 43–53.
5. Сметанин Е.Н. Адаптация населения к современной экономической ситуации // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 82–87.
6. Ушаев И.Г. Основные направления аграрной политики Российской Федерации // АПК: экономика, управление. 2005. № 6. С. 3–12.
7. Шмаков В.С. Процессы социальной модернизации на постсоветском пространстве: методология исследования // Северный регион: наука, образование, культура. 2006. № 1. С. 107–111.
8. Шмаков В.С. Акторы адаптации населения села // Северный регион: наука, образование, культура. 2008. № 1. С. 65–75.
9. Нечипоренко О.В. Сельские локальные сообщества изменяющейся России: инновации и традиции. Новосибирск. 2010. 302 с.

REFERENCES

1. Velikii P.P., Morekhina M.Yu. Adaptive potential of agricultural tourism. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004, no. 12, pp. 55–64. (In Russ.)
2. Kuznik N.P., Shabanov V.L. The role of the private sector in generating income and consumption of the rural population in transition economy. Saratov, 2002, 46 p. (In Russ.)
3. Kalugina Z.I. The agrarian reform paradoxes in Russia: sociological analysis of transformation processes. Novosibirsk, 2001, 196 p. (In Russ.)
4. Orlov G.M., Uvarov V.I. Countryside and Russian reforms. *Economicheskaya sotsiologiya*. 1997, no. 5, pp. 43–53. (In Russ.)
5. Smetanin E.N. The population's adaptation to the current economic situation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995, no. 4, pp. 82–87. (In Russ.)
6. Ushachev I.G. Main directions of the agrarian policy in the Russian Federation. *APK: ekonomika, upravlenie*. 2005, no. 6, pp. 3–12. (In Russ.)
7. Shmakov V.S. The processes of social modernization in the post-Soviet space: research methodology. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2006, no. 1, pp. 107–111. (In Russ.)
8. Shmakov V.S. Actors of the population adaptation. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2008, no. 1, pp. 65–75. (In Russ.)
9. Nechiporenko O.V. Rural local communities of changing Russia: innovation and tradition. Novosibirsk, 2010, 302 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.09.2017

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20170407

УДК 002.2 (44) (=161) (091) "1900/1914"

Е. М. ЛБОВА

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ 1900–1914 гг. ВО ФРАНЦИИ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье на основе многочисленных источников представлен краткий обзор истории становления системы книжной культуры русской диаспоры во Франции начала XX в.: рассмотрена история создания ряда общественных объединений, связанных с книжной культурой; на отдельных примерах охарактеризованы различные типы периодических изданий, деятельность издательских фирм, магазинов и библиотек. Установлено, что русская диаспора, состоявшая из представителей различных социальных групп, располагала широкими возможностями для воспроизведения и чтения литературы на родном языке. Свои издания и издательства были у политических, артистических и общественных организаций русского Парижа. В крупных городах создавались универсальные фирмы по производству и распространению книги, совмещавшие в себе функции типографии, книжного магазина и библиотеки.

Ключевые слова: книжное дело, русская диаспора, периодика, издательство, библиотека, Париж, Ницца.

Е. М. LBOVA

BOOK CULTURE OF RUSSIAN DIASPORA IN FRANCE IN 1900–1914

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15 Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russia

The book culture of the Russian emigrants in France in the early XX century remains a low-studied subject. The domestic historiography attempts to consider separate components of book culture. The main attention was paid to publishing activity of political parties or individuals, but these data don't allow creating the whole picture of the Russian book lore in France in 1900–1914. The main research objective is to complete the specified information lacunas. Various methods are used in the study. To describe the cultural environment, in which the Russian diaspora lived, and all stages of the Russian book lore development in France, both historical-cultural and historical-analytical methods are used. The system approach allows to study comprehensively the Russian book business development in France in the early XX century.

In 1900–1914 there was a considerable Russian diaspora in France consisting of various social groups, each of which needed literature published in its native language. Political, artistic and public organizations of the Russian Paris had editions and publishing houses. The universal firms producing and distributing books were created in large cities, combining functions of a printing house, a bookstore and a library.

In the early XX century the Russian book business abroad was focused on two types of Russian-speaking readers: these two lived in France and in the Russian Empire. The revolutionary organizations of anarchists, revolutionary socialists and social democrats most often addressed from pages of the magazines and newspapers to the second type of readers. They didn't publish the life chronicle of the Russian diaspora in Paris in their editions, unlike the news editions that focused on the Russian colony in Paris.

Forming a harmonious system of the Russian book publishing and book trading in France in 1900–1914 led to further successful development of book business of «the first wave» Russian emigration.

Key words: book business, Russian diaspora, periodicals, publisher, library, Paris, Nice.

Екатерина Михайловна Лбова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: kate.lbova@gmail.com.

Ekaterina M. Lbova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Исследование истории русского книжного дела во Франции 1900–1914 гг. позволяет понять причины, благодаря которым в 1920–е гг. в крупных европейских городах сформировалась особая культурная среда русской эмиграции. В научной литературе данный этап представлен фрагментарно. Комплексного исследования книжной культуры русской диаспоры¹ начала XX в. во Франции пока не проводилось. Отчасти это вызвано ограниченной источниковой базой. Среди документов фондов Русского заграничного исторического архива (РЗИА), хранящихся в ГАРФ, мало свидетельств, относящихся к исследуемому периоду². Частично сведения о русских издательствах, типографиях и их деятельности во Франции с 1900 по 1914 г. можно почерпнуть из указателей русской периодики [1; 2; 3]. Более обстоятельно исследована заграничная печать социал-демократов в монографиях советских историков [4; 5].

В современной историографии также имеются работы, детально освещающие историю русской журналистики за рубежом. К примеру, в учебном пособии под редакцией Г. В. Жиркова дан общий обзор русской политической периодики, выходившей в странах Западной Европы в XIX–XX вв. [6], но о литературно-художественных, общественных и специальных изданиях 1900–1914 гг. в книге практически не приведено никаких сведений. Ни в указателях, ни в монографиях нет подробной информации и о таком важнейшем компоненте системы книжной культуры, как книгораспространение. Этот пробел помогают восполнить источники и исследования смежных отраслей науки. Основным источником по теме являются газеты и журналы, выходившие в Париже с 1900 по 1914 г.: «Красное знамя» (Париж, 1906), «Парижский вестник» (Париж, 1910–1914) и т.д. Часть сведений можно почерпнуть из мемуарной литературы [7] и биографических исследований [8].

О разнообразии печатной продукции на русском языке во Франции 1900–1914 гг. можно судить по количественному и качественному составу русской диаспоры. Статистические данные о числе подданных Российской империи и их национальной принадлежности разнятся, но все же можно выстроить следующую динамику: к началу XX в. на территории страны насчитывалось около 15 тыс. выходцев из Российской империи. Вследствие «третьеиюньского переворота» к 1908 г. только в одном Париже оказалось уже более 25 тыс. «émigrés» – политических эмигрантов различных течений, живших весьма бедно в 13-м и 14-м округах, «с общей кассой взаимопомощи, магазинами, типографией» [9, с. 30]. В 1914 г., накануне Первой мировой войны, на территории Франции числи-

лось 35 016 русских подданных [10, с. 24] из которых примерно 6 тыс. проживали в Ницце³.

Русскоговорящая диаспора включала большое число еврейских коммерсантов и ремесленников. По подсчетам Е. Менегальдо, евреев в среде русской эмиграции во Франции в начале XX в. было большинство, около 75 % от общего числа [10, с. 24].

Значительную часть русской диаспоры, постоянно проживавшей во Франции в 1900–1914 гг., составляли представители политической оппозиции, ценившие «свободу, которую давала Французская Республика» [11, р. 30]. На ее территории можно было, не страшась полицейских преследований, беспрепятственно заниматься издательской деятельностью. Следующими по многочисленности можно считать группу студентов, обучавшихся гуманитарным и естественным наукам во многих крупных городах Франции (Тулузе, Лионе, Нанси, Монпелье), группу русских студентов Сорбонны, среди которых в разное время значились М. И. Цветаева, М. А. Волошин, Л. Н. Гумилев, О. Э. Менделыштам.

Париж начала XX в. был центром притяжения для русских художников, поэтов и писателей. Во французских артистических студиях брали уроки живописи Ю. П. Анненков и М. З. Шагал. Во французской столице русская диаспора естественным образом разделилась на две группы: политическая эмиграция, студенчество и художественная богема были сосредоточены на левом берегу Сены, в то время как представители имущих классов, дипломаты и купцы базировались на правом берегу. Эта особенность была свойственна русской колонии в любом крупном городе, не только в Париже, и обусловила существование двух независимых миров в рамках русскоговорящей диаспоры.

К 1914 г. тысячи выходцев из Российской империи учились, работали и проживали во Франции. Повсеместно, от Парижа до Ниццы, русскими эмигрантами создавались общества, кружки; издавались газеты, журналы, книги на русском языке; открывались библиотеки и книжные магазины.

Говоря об издательской деятельности русской эмиграции 1900–1914 гг. во Франции, следует отметить одну характерную черту: несмотря на существенное разнообразие печатных изданий, отдельные издательства как самостоятельные предприятия были редкостью. Связано это было с тем, что русскоязычная литература поступала во французские книжные магазины напрямую от русских фирм, что было выгодно экономически. Однако это не касалось особой категории литературы, выпуск которой в Российской империи был запрещен. Прежде всего, речь идет о политических и революционных газетах, журналах и брошюрах. Не случайно выпуск периодики во Франции в начале XX в. концентрировался в основном в руках трех крупных политических групп: анархистов, социалистов-ре-

¹ Под книжной культурой русской эмиграции мы подразумеваем цельную систему создания, распространения, функционирования и восприятия печатного слова в социуме российской эмиграции, отражающую взаимодействие и взаимовлияние «книги» и русской диаспоры на различных исторических этапах.

² Прим.: Ф. Р-6153. Профессиональный союз литературных работников из России, живущих за границей.

³ Русская колония в Ницце // Парижский вестник. 1913. 20 дек. № 51. С. 3.

волюционеров (эсеров) и социал-демократов. Находясь за границей, они пользовались правом свободно издавать пропагандистскую литературу с целью дальнейшей ее переправки в Российскую империю.

Всего с 1900 по 1914 г. в Париже выходило 65 периодических изданий⁴, из них примерно 30 принадлежало социалистам-революционерам и социал-демократам, 12 печатали анархисты.

Издания политической направленности мало рассказывали о жизни русской колонии, поскольку были ориентированы на критику внутренней политики Российской империи. Выходили исключительно на русском языке, без рекламы, с указанием цены в русской валюте. Обязательным условием было наличие лозунга и постоянных рубрик, обращенных к крестьянству или рабочему классу. Это хорошо видно на примере крестьянской газеты эсеров «Земля и воля» (Париж, 1907–1912). За все пять лет своего существования газета выходила в одном и том же формате, без иллюстраций и рекламных заметок (рис. 1).

Помимо «Земли и воли» в Париже до 1914 г. выпускалось не менее 15 названий печатных изданий эсеров (газеты, журналы, бюллетени, информационные листки), адресованных различным группам. Например, для пропаганды идей социалистов-революционеров в русской армии выходила «Солдатская газета» (Париж, 1906; с 1907 по 1914 г. – «За народ»). К рабочим обращались представители партии со страниц газет «Знамя труда» (Париж, 1907–1912), «Рабочий» (Париж, 1911–1912). Объединяло все группы эсеров издание Центрального комитета партии социалистов-революционеров – «Социалист-Революционер» (Париж, 1910–1912). Независимо от назначения печатного органа программные установки периодики социалистов-революционеров оставались общими: пропаганда террора как действенного метода революционной борьбы, публикация материалов, «разоблачающих» несовершенство монархической системы управления, а также полемика с другими партиями по основным идейным вопросам.

Не только эсеры обращали внимание на несовершенство русской монархии. Сторонники анархизма также критиковали политику Николая II. Во Франции появление первых изданий русских анархистов совпало с началом революции 1905–1907 гг. Под редакцией издательской группы «Анархия» выходили: «Буревестник» (Париж, 1906–1910); «Бунтарь» (Париж, 1906); «Анархист» (Париж, 1907–1909); «Хлеб и Воля» (Париж, 1908–1910) и др.

Политический и литературный журнал А. В. Амфитеатрова «Красное знамя» (Париж, 1906) вряд ли

4 Подсчитано автором по материалам: ГАРФ. Ф. Р-7030. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–5, 11–14, 42; Жирков Г. В. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 320 с.; Унбегаун Б. Русская периодическая печать в Париже до 1918 г. // Временник общества друзей русской книги. Париж, 1932. Т. III. С. 31–48.; Chaix P., Lange E., Ossorguine T. Périodiques en langue russe publiés en Europe de 1855 à 1917 // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1970. Vol. 11, N° 4. P. 629–709.

Рис. 1. Девятый номер газеты «Земля и воля»

можно назвать анархистским в полном смысле слова (рис. 2). Призывая к «отрицанию и разрушению наследия царизма»⁵, редактор все же предлагал альтернативное государственное устройство в виде Всероссийской федеративной республики, состоящей из «системы широчайших областных автономий определяемых территориально национальными границами народностей, входящих в состав государства»⁶. Достичь идеала, по мнению А. В. Амфитеатрова, можно было только методами революционной борьбы. Для того чтобы привлечь к «Красному знамени» больше внимания, издатель публиковал стихи и эссе именитых авторов, таких как А. И. Куприн, К. Д. Бальмонт, М. А. Волошин, М. Горький. Для этой же цели на страницах журнала помещались фотоиллюстрации произведений художников и скульпторов. В конце каждого номера печатались рекламные объявления и обзоры на вышедшую в эмиграции литературу. Важным отличием «Красного знамени» от другой партийной периодики была его ориентированность как на читателей в Российской империи, так и на представителей русской диаспоры во Франции. А. В. Амфитеатров занимался не только издательской деятельностью, но и книгораспространением. В 1906 г. под маркой «Красное Знамя» в Пари-

⁵ Амфитеатров А. От издателя // Красное знамя. 1906. Апрель. № 1. С. 12.

⁶ Там же. С. 9.

Рис. 2. Обложка первого номера журнала «Красное знамя»

же и Ницце открылись агентства «по продаже русских книг, выходящих за границы и в России»⁷.

Издательская деятельность партии социал-демократов, сосредоточенная прежде в Женеве и прерванная Первой русской революцией 1905–1907 гг., возрождается в 1908 г. в Париже. Организация располагала собственной типографией и библиотекой. Идеиное разделение внутри партии отразилось на периодике. В каждой из групп сложились свои представления о задачах рабочего класса и принципах революционной борьбы, причем за каждой из них было закреплено свое издание. Так, редактором «Рабочей газеты» (Париж, 1910–1912) выступал В. И. Ленин, во главе журнала «Голос социал-демократа» (Женева, Париж, 1908–1911) стоял Ю. О. Мартов. Обе группы объединяла газета «Социал-демократ» (Париж, Женева, 1908–1912).

История русской книги во Франции начала XX в. не ограничивается исключительно партийной периодикой. Как было сказано выше, русская диаспора включала в себя различные по интересам груп-

пы, каждая из которых нуждалась в печатном слове на родном языке. Некоторые выступали лишь в роли читателя, но во Франции проживали и представители таких профессий, которые стремились зафиксировать результаты своей работы на страницах собственных журналов.

К 1914 г. во французской столице существовало несколько артистических объединений русской диаспоры. Самым первым, в 1910 г., было создано Русское литературно-художественное общество – «культурный центр всей парижской колонии»⁸. В течение нескольких последующих лет общество постоянно находилось на грани исчезновения из-за недостатка финансовых средств, отсутствия постоянного помещения для проведения собраний и частой смены членов правления. Несмотря на все неудачи, в 1911 г. Общество заявило о себе во французской артистической среде, организовав несколько выставок русских картин. Постепенно, наладив проведение вокально-музыкальных и литературных вечеров для сбора средств и открыв школу русской живописи, правление решило преобразовать общество в «общественный клуб, где возможно было бы проводить свободный вечерний досуг и пользоваться читальным залом»⁹.

В 1912 г. в Париже появился русский литературный кружок. Первые несколько месяцев своего существования организация носила неофициальный характер. На частной квартире по воскресеньям собирались русские литераторы для вычитки и обсуждения черновиков своих произведений. На собрания мог прийти любой желающий. С сентября 1912 г. встречи кружка проводились в парижских кафе, с участников взималась плата в 50 сант. за билет. Произведения, зачитываемые авторами, проходили предварительный отбор, для этого из членов кружка было создано специальное жюри¹⁰. Публика была разнообразной. Вот как описывает одну из встреч кружка поэт М. Талов: «...в этот вечер были здесь поэты и художники: Елизавета Полонская, Валентин Немиров, Кирилл Волгин, Николай Ангарский, Оскар и Марк Лещинские, Иннокентий Жуков. Позднее я встречал здесь Семена Астрова, Николая Оцуца, Андрея Соболя, Виктора Чернова, поэтов Таслицкого, Бравского, Марию Шкапскую, Пржездецкого, критика Вешнева. Участвовал в диспутах и Анатолий Луначарский» [7, с. 20].

На страницах эмигрантской прессы в 1914 г. появились сведения еще об одной писательской организации – Профессиональном союзе литературных работников из России, живущих за границей¹¹. В Союз входили журналисты, писатели «прогрессивного демократического направления, проживающие за границей и работающие в Российских изданиях»¹². Основ-

⁸ Литературный кружок // Парижский вестник. 1912. 21 сент. № 38. С. 3.

⁹ Там же. 7 окт. № 40. С. 3–4.

¹⁰ Там же. 21 сент. № 38. С. 3.

¹¹ Союз литературных работников // Парижский вестник. 1914. 28 марта. № 13. С. 5.

¹² ГАРФ Ф.Р-6153. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁷ Красное знамя. № 5. С. 158; № 6. С. 154.

ная цель организации заключалась во «взаимопомощи всякого рода»¹³. В отличие от двух предыдущих объединений, Союз литературных работников действовал после 1914 г. вплоть до революционных событий в Российской империи 1917 г. Среди членов организации встречаются такие имена, как В. А. Антонов-Овсеенко, С. А. Дридзе, М. Морозов, Ю. Делевский, А. В. Луначарский и др.¹⁴

Одним из важнейших результатов деятельности русских литературных союзов во Франции явился выпуск периодических изданий и книг. Деятельность русского литературного кружка и коллегии художников при Русской академии в Париже привела к созданию журнала «Гелиос» (Париж, 1913–1914) и одноименного книжного издательства. Первый номер (рис. 3) вышел в ноябре 1913 г. и сразу же собрал позитивные отзывы в эмигрантской и в отечественной прессе. Сотрудник газеты «Парижский вестник» А. Белоруссов в своей рецензии на журнал отметил «разнообразие содержания ... стихи, статьи, художественная хроника – словом, есть что читать – и что и интересно и поучительно читать»¹⁵. Среди редколлегии журнала упоминаются скульптор Л. С. Гальперин, поэт и художник О. М. Лещинский. Литературным разделом занимался И. Г. Эренбург. Преобладанием художников среди членов редакционной коллегии объясняется большое количество рисунков и репродукций в журнале. Так, при оформлении первого номера были использованы работы живших в Париже русских художников (И. К. Лебедев) и репринты картин западных мастеров.

В январе 1914 г. вышел второй номер «Гелиоса». Его формат и объем несколько увеличились по сравнению с первым. Предисловие редакции к этому номеру содержало конкретную программу издания, а именно: освещение новых путей в искусстве и предоставление возможности русским художникам стать ближе к истокам французского искусства [8, с. 166]. Однако мнение литераторов было другим. А. Белоруссов, прежде хваливший издание, теперь критиковал его: «очевидно, бедный теоретическими и художественными силами “Гелиос” ничего не в силах ни разъяснить, ни осветить»¹⁶. Все статьи были связаны с прошедшим в Париже Осенним салоном и были, по мнению Белоруссова, «хаотичны» и не имели единого вектора направления. Тем не менее, для современных исследователей второй номер ценен уже тем, что в нем появилась заметка о создании издательства «Гелиос» с перечнем готовившихся к выпуску книг. Практически все из упомянутых в списке книг были опубликованы в 1914 г. в Париже.

Перечень этот небольшой, включает следующие сборники стихов и литературоведческие исследования:

¹³ Там же. Л. 15 об.

¹⁴ Там же. Д. 19. Л. 1.

¹⁵ Белоруссов А. Гелиос // Парижский вестник. 1913. 22 нояб. № 47. С. 3.

¹⁶ Белоруссов А. Художественный журнал. Гелиос № 2, декабрь 1913 г. // Парижский вестник. 1914. 31 янв. № 5. С. 2.

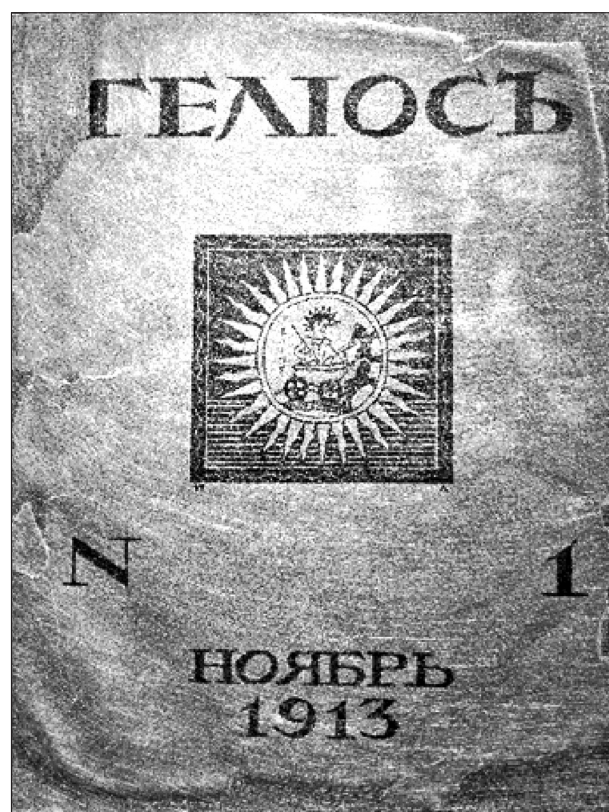

Рис. 3. Обложка первого номера журнала «Гелиос»

О. М. Лещинский «Серебряный пепел» (Париж, 1914) (рис. 4), П. Чичканов «О творчестве Ходлера» (Париж, 1914), И. Эренбург «Поэты Франции» (Париж, 1914), В. Инбер «Печальное вино» (Париж, 1914), В. Немиров «Вечерний сад» (Париж, 1914). Издание и журнала, и книг финансировалось В. Немировым – богатым наследником «всех своих родных», пробовавшим себя в писательстве [7, с. 20].

В мае 1914 г. вышло последнее издание «Гелиоса» – «Вечера» (ежемесячник стихов, Париж; май – июнь 1914). Первый номер составили главным образом стихи И. Г. Эренбурга и В. Немирова, «причем все одиннадцать стихотворений Эренбурга, по какому-то капризу автора, напечатаны в строку, как проза» [2, с. 35]. «Вечера» явились своеобразным итогом собраний литературного кружка – творческого объединения русских писателей и поэтов в Париже.

До 1914 г. выпускались в Париже и специализированные русские журналы. В основном это были медицинские издания. К примеру «Медицинский Париж» (Париж, 1913–1914) – клинический ежемесячник под редакцией Я. Житомирского, или же «Еженедельник врача-практика. Клиническая и терапевтическая газета» (Париж, 1912).

Выходили газеты, связанные с финансовыми вопросами. А. Копельман издавал на протяжении двух лет новостное информационное издание «Иностранец» (Париж, март 1912 – август 1914), основной за-

Рис. 4. Обложка книги О.М. Лещинского «Серебряный пепел»

дачей которого была публикация материалов, способствующих экономическому сближению России и Франции.

Ведущим новостным изданием русского Парижа являлась еженедельная новостная газета «Парижский вестник» (Париж, 1910–1914), в ней публиковались общеполитические новости и сведения о жизни русской диаспоры во Франции. В разное время редакторами издания были В. Белой, Г. Хрусталева, В. Дьячков-Тарасов, М. Морозов, Е. Д. Дмитриев. По мнению Б. Унбегауна, изначально газета не пользовалась успехом, но с приходом Е. Д. Дмитриева «Парижский вестник» вышел на новый уровень: в 1914 г. тираж составлял 10 тыс. экз., 50 тыс. франков редакция получала за одни только годовые объявления [2, с. 40]. Секрет успеха заключался в грамотной редакторской политике. Во-первых, к работе в издании Е. Д. Дмитриев привлекал талантливых журналистов и поэтов. К примеру, на должности реви́зионного корректора числился поэт М. Талов [7, с. 17]. Во-вторых, Е. Д. Дмитриев, как председатель Общества русских журналистов, получал наиболее интересные корреспонденции, прежде чем они должны были быть отправлены в Россию, и публиковал их в «Парижском вестнике».

В Ницце, одном из самых крупных центров русской колонии во Франции с 1900 по 1914 г. печаталось немалое количество еженедельных информационных листков, в которых описывались события сезонной жизни, публиковались списки приезжих ино-

странцев. К примеру, «Русский на Ривьере» (Ницца, 1906–1909?) – газета литературная, сатирическая и театральная, выходившая по субботам «с полным списком приезжих русских и поляков по всей Ривьере и местной хроникой»¹⁷. Издание принадлежало посреднической фирме Я. Е. Клейдмана.

Исключительного рода явлением был «Мусульманин» – двухнедельный журнал (Париж, 1908–1911). Он давал богатую и интересную информацию, касавшуюся жизни русских мусульман. Благодаря узкой специализации он пользовался большим успехом со стороны общины мусульман в России. Журнал просуществовал около четырех лет с перерывами. Редактор – Магометбек Хаджетлашет издавал «Мусульманина» в Париже, так как проживал там. С 1912 г. «Мусульманин» стал выходить уже в России, в качестве приложения к газете «В мире мусульманства». Парижское издательство журнала «Мусульманин» выпустило в виде приложения три книжки «Библиотеки кавказских горцев», все три принадлежат перу редактора журнала – Магометабека Хаджетлашета.

Книг на русском языке выходило во Франции значительно меньше, чем периодических издания. Помимо уже упомянутого издательства «Гелиос» в Париже действовало еще одно интересное предприятие, принадлежавшее Я. Е. Поволоцкому. С момента основания в 1909 г. первоочередная задача русского издательства «Поволоцкого Я. и К°» состояла в публикации художественных произведений русских и французских писателей с целью духовного сближения обеих стран. Для ознакомления русской публики с французской литературой выпускалась серия «Полная библиотека иностранных писателей» в которой печатались переводы произведений «Графиня Диана» П. Мериме, «Роман Котика» Жипи и др. Возможно, Я. Е. Поволоцкий имел отношение к выпуску на русском языке скандального романа «Санин» М. Арцыбашева (рис. 5). В отличие от других изданий фирмы «Поволоцкого Я. и К°», книга эта была отпечатана в Ницце, в русской типографии, принадлежавшей Я. Е. Клейдману. Позже перевод романа на французском языке был опубликован в 1911 г. в Париже.

Зачастую русские издательства и типографии 1900–1914 гг. во Франции не ограничивались исключительно выпуском книг, они задействовали все этапы, связанные с изданием и реализацией книги: от печати в типографии до продажи в магазине. Примером такой деятельности являются русские фирмы в Ницце: «Посредническая контора Клейдмана» и «Русское Агентство Розанова». Обе располагали своими типографиями, книжными магазинами. Вот как описан магазин Я. Е. Клейдмана: «против Русской Церкви находится известный магазин Якова Ефимовича Клейдмана. Вступив на площадь, уже бросаются в глаза вывески на русском языке красными буквами на белом фоне. Магазин полезно посетить всякому»¹⁸. В этом же ис-

¹⁷ Ницца и ее окрестности. Ницца, 1909. С. 43.

¹⁸ Ницца и ее окрестности. С. 127.

Рис. 5. Обложка книги М. Арцыбашева «Санин» (из личного собрания Р. Герра)

точнике отмечен широкий ассортимент печатной продукции: ежедневные газеты, периодические издания, классическая литература, новые книги на всех языках; детские книги; альбомы, виды и открытые письма Ниццы и всей Ривьеры.

Еще одним каналом распространения русской книги во Франции 1900–1914 гг. помимо магазинов являлись библиотеки. Небольшая читальня имела в каждом русском объединении. Особенно нуждались в книгах студенты. Рассредоточенные по всей стране, они часто инициировали создание русских библиотек-читален в крупных городах таких как Лион, Тулуза, Монпелье, Нанси¹⁹. Интерес вызывает история библиотеки в Тулузе, открытой местным Обществом русских в начале XX в. Тогда группа из 267 студентов, объединившихся с представителями русской диаспоры в Тулузе, создала собственную библиотеку, которая финансировалась за счет членских взносов [14, р. 26]. Несколько крупных библиотек русской диаспоры действовало в Ницце: библиотека при русской часовне; читальня-библиотека А. И. Герцена.

В Париже с литературой на русском языке можно было ознакомиться в эмигрантских библиотеках, из которых самой крупной являлась русская общественная библиотека им. И. С. Тургенева. К 1914 г.

общий фонд библиотеки составлял 11 850 книг²⁰. Для сравнения, в это же время в уже упомянутой русской библиотеке Тулузы имелось всего 800 томов [14, р. 26]. Свои библиотеки были у русских политических организаций. Общедоступная библиотека социалистов-революционеров и библиотека обеих групп содействия РСДРП находились практически на соседних улицах в 13-м парижском округе. Основной доход библиотеки получали с платы за разовое чтение, устройство вечеров и аренду помещения для проведения собраний²¹.

Таким образом к началу Первой мировой войны во Франции уже сложилась система русского книгоиздания и книгораспространения. Главным центром бытования русской книги во Франции был Париж. В нем были сосредоточены издательства политических и профессиональных организаций, большое количество библиотек и магазинов. Если в столице для каждого этапа реализации книги (от создания до продажи) имелось свое учреждение, то в провинции все эти функции брали на себя посреднические фирмы и контрагентства.

В заключение следует отметить, что книжная культура русской диаспоры начала XX в. являлась базой, на которой затем сформировалась особая книжная культура «первой волны» русской эмиграции (1920–1940 гг.). Это стало возможным благодаря опыту и связям в книжной индустрии, полученным нашими соотечественниками за границей в первое пятнадцатилетие XX в. Именно тогда были заложены основы русского книжного дела в крупных европейских городах, в том числе в Париже и Ницце.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социал-демократические издания: указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883–1905 гг. Париж: Б. и., 1913. 56 с.
2. Унбегаун. Б. Русская периодическая печать в Париже до 1918 г. // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1932. Т. III. С. 31–48.
3. Chaix P., Lang E., Ossorguine T. Périodiques en langue russe publiés en Europe de 1855 à 1917 // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1970. Vol. 11, N 4. P. 629–709.
4. Андронов С.А. Большевицкая печать в трех революциях. М.: Политиздат, 1978. 343 с.
5. Заграничные центральные газеты РСДРП и сибирское социал-демократическое подполье. 1907–1917 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.М. Самосудова. Омск: ОГПИ, 1990. 173 с.
6. Жирков Г.В. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. 318 с.
7. Воспоминания. Стихи. Переводы / Марк Талов; предисл. Р. Герра. М.: МИК, 2005. 248 с.
8. Фрезинский Б. Скращение судеб, или Два Эренбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич) // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб., 2001. С. 145–178.
9. Gorboff M. La Russie fantome. L'émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne, Suisse, 1995. 281 p.

²⁰ Тургеневская общественная библиотека в 1913 г. // Парижский вестник. 1914. 28 марта. № 13. С. 5.

²¹ О библиотеке на Avenuedes Gobelins // Парижский вестник. 1911. 25 февр. № 8. С. 3.

¹⁹ От Лионского общества студентов из России // Парижский вестник. 1913. 28 июня. № 26. С. 3.

10. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. М.: Попова Н.: Кстати, 2007. 287 с.

11. Lédre Ch. Les émigrés russes en France: ce qu'ils sont, ce qu'ils font et ce qu'ils pensent. Paris: Spes, 1930. 288 p.

12. Лизунова И. В., Лбова Е. М. Книжное дело русской эмиграции во Франции в 1900–1930-х гг. как фактор сохранения национальной культуры «в изгнании» // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2014. № 5 (48). С. 247–250.

13. Лбова Е. М. Тургеневская общественная библиотека как культурный центр парижской русской эмиграции в конце XIX – начале XX в. // Библиосфера. Новосибирск. 2014. № 4. С. 85–87.

14. Moreigne A. Les fonds russes en bibliothèques municipales: mémoire d'étude. Enssib, 2010. 83 p.

REFERENCES

1. Social Democratic issues: a list of Social Democratic literature in Russian. 1883–1905. Paris, 1913, 56 p. (In Russ.)

2. Unbegaun B. Russian periodicals in Paris before 1918. *Vremennik obshchestva druzei russkoi knigi*. Paris, 1932, vol. 3, pp. 31–48. (In Russ.)

3. Chaix P., Lang E., Ossorguine T. Périodiques en langue russe publiés en Europe de 1855 à 1917 [Periodicals in Russian languages published in Europe in 1855–1917]. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Paris, 1970, vol. 11, no. 4, pp. 629–709.

4. Andronov S.A. Bolshevik press in three revolutions. Moscow: Politizdat, 1978, 343 p. (In Russ.)

5. Foreign central newspapers of RSDRP and Siberian Social-Democratic “underground”, 1907–1917. Omsk, 1990, 173 p. (In Russ.)

6. Zhirkov G.V. Journalism of Russian abroad of the XIX–XX centuries. Saint Petersburg: Izd-vo SPb Un-ta, 2003, 318 p. (In Russ.)

7. Memoirs. Verses. Translations. Moscow: MIK, 2005, 248 p. (In Russ.)

8. Frenzkinskii B. Crossing of destinies, or two Erinburgs (Il'ya Grigorievitch and Il'ya Lazarevitch). *Diaspora: novye materialy*. Paris, Saint Petersburg, 2001, pp. 145–178. (In Russ.)

9. Gorboff M. La Russie fantôme. L'émigration russe de 1920 à 1950 [Russian phantom. Russian emigration in 1920–1950]. Lausanne, Suisse, 1995. 281 p.

10. Menegal'do E. Russians in Paris. 1919–1939. Moscow: Popova N., Kstati, 2007, 287 p. (In Russ.)

11. Lédre Ch. Les émigrés russes en France: ce qu'ils sont, ce qu'ils font et ce qu'ils pensent [Russian emigrants in France: what they are, what they do and what they think]. Paris: Spes, 1930, 288 p.

12. Lizunova I. V., Lbova E. M. Book publishing industry of the Russian emigration in France during the period from 1900s to 1930s as a factor of preservation of national cultural identity «in an exile». *Mir nauki, kulturu i obrazovania*. Gorno-Altai. 2014, no. 5 (48), pp. 247–250.

13. Lbova E. M. Turgenev Public Library in Paris as a cultural center of Russian emigration in late XIX – early XX centuries. *Bibliosphere*. Novosibirsk. 2014, no. 4, pp. 85–87.

14. Moreigne A. Les fonds russes en bibliothèques municipales: mémoire d'étude [The Russian funds in municipal libraries]. Enssib, 2010, 83 p.

Статья принята
редакцией 16.10.2017

DOI: 10.15372/HSS20170408
УДК 655.4(571) "1990/2017"

И.В. ЛИЗУНОВА

КНИЖНАЯ ИНДУСТРИЯ СИБИРИ: ДИНАМИКА, ЛИДЕРЫ, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
Россия, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье на основе данных статистики представлена динамика изменений книжной индустрии Сибири и Дальнего Востока на рубеже XX–XXI вв., показаны направления развития издательского дела региона. Дана характеристика различных периодов становления и развития региональной книжной индустрии, выявлена их специфика. Определены лидеры регионального книгоиздательского процесса среди как различных краев и областей, так и предприятий книжного дела. Обоснована необходимость поддержки региональной книжной индустрии со стороны государства. В конечном итоге это будет только способствовать сохранению существующих книжных традиций и развитию новых, дальнейшей интеграции книжной индустрии Сибири в социокультурное пространство страны.

Ключевые слова: индустрия, динамика, векторы развития, книгоиздание, книгораспространение, полиграфические предприятия, издательства, Сибирь, Дальний Восток.

I.V. LIZUNOVA

BOOK INDUSTRY OF SIBERIA: DYNAMICS, THE LEADERS, THE VECTORS AT THE TURN OF XX–XXI CENTURY

State Public Scientific Technical Library,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russia

The article substantiates that the basic components of the book industry include: publishing, export, printing production and library system. The author considers dynamics of development of the book industry of Siberia and the Far East at the turn of XX–XXI centuries. Special attention is paid to the publishing sector in the region. In the period under review two distinct subperiods are revealed. The first, covering the last decade of the twentieth century, includes the processes of formation of the foundations of the book industry based on market mechanisms of economic management, privatization, corporatization, establishment of independent enterprises, the growth of private enterprise, the development of the book business. Vector of the 1990s was directed towards the reduction of circulation and number of titles of books with a parallel increase in the number of publishers in the region, redistribution of roles and positions, transformation of state forms of publication, printing, distribution, replaced with private forms. A characteristic feature of the period was the ever increasing monocentrism of the book market of Russia, when the book enterprises and investment capital concentrating in the center of the country. The second period coincided with the first years of the XXI century, when the stabilization phase of book publishing, polygraphy and book trade began. The period was characterised by the following dynamics: the increase in the number of book titles, decrease in the number of publishing enterprises, as well as reducing number of books produced in the region per capita.

All this allows to speak about decrease in influence and share of Siberia and the Far East in book culture in the country, about the protracted crisis in the book industry, the need for change, making long-term measures to support regional publishing, printing, book trade, in order to preserve the values and benefits of book culture of Siberia for future generations.

Key words: industry dynamics, the development, publishing, exports of book industry products, printing enterprises, publishing houses, Siberia, the Far East.

Книжная индустрия страны и регионов в ее новом современном виде стала складываться в 1990-е гг. К началу 2000-х гг. оформились ее базовые характе-

ристики, основные векторы развития, определились лидеры издательско-книготорговых фирм, полиграфических предприятий. Это стало возможным благодаря

Ирина Владимировна Лизунова – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: kniga@spsl.nsc.ru.

Irina V. Lizunova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific Technical Library.

кардинальному преобразению всех отраслей экономики России, связанных с созданием, распространением и потреблением книжной продукции.

Книжная индустрия (от лат. *industria* – деятельность, усердие) как сфера деятельности, область экономики, включающая в себя производство издательской продукции, ее реализацию и распространение, сопряженные секторы (полиграфическую промышленность, книготорговую и библиотечную систему и др.) и потребительскую аудиторию. По словам руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. В. Сеславинского, современная книжная индустрия являет собой часть российской экономики, и развивается она в соответствии с законами последней¹. Современная региональная книжная индустрия – это комплекс взаимосвязанных рынков и отраслей, представленных в агрегированном виде, каждый из которых имеет определенную структуру, своих лидеров, динамику развития, обусловливается рядом факторов.

Как сфера деятельности книжная индустрия Сибири и Дальнего Востока начала формироваться в последнее десятилетие XX в. после принятия в 1990 г. Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» и в 1991 г. Закона РФ «О средствах массовой информации». Однако предвестники нового книжного бизнеса стали проявляться еще до принятия закона о СМИ – с конца 1980-х гг. Одними из первых в регионе возникли независимые издательства, на тот момент это были в большинстве своем полуправовые предприятия. Становление рыночного издательского сектора экономики пришлось на 1990-е гг.

Специфика процесса заключалась в том, что в основе ныне известных, ведущих региональных и общероссийских издательств оказалась деятельность книготорговых предприятий, типографий. Первоначально именно при них на хозяйственных началах создавались издающие подразделения. Так, одно из крупнейших общероссийских издательств-монополистов «АСТ» в 1990 г. начинало свой путь в книжный бизнес как творческое кооперативное книготорговое объединение. Издательство-гигант «Эксмо» (образовано в 1993 г.) первоначально возникло как книготорговое предприятие (1991 г.). Аналогичная книготорговая деятельность (1990 г.) предшествовала издательской (1991 г.) для одного из крупнейших ныне частных издательств России «Центрполиграф». По такому же сценарию формировался книжный рынок за Уралом региональными книготорговыми организациями, среди них, в частности, «Апекс» (Норильск), «Новая книга» (Петропавловск-Камчатский) и др. Для названных фирм книготорговая деятельность остается первостепенной и сегодня.

Компании не просто сохранили и расширили культурообразующую для обширных сибирских тер-

риторий книготорговую деятельность, они создали сеть предприятий в отдаленных городах и районах российского Крайнего Севера. Так, книготорговая фирма ООО «Апекс», созданная в 1991 г. в Норильске, со временем превратилась в профессиональную маркетинговую и производственную структуру, ориентированную на «выпуск и распространение в Норильском промышленном районе и всех российских регионах печатной продукции общественно-культурного назначения»². С образованием в 1999 г. собственного лицензированного издательства «Апекс» стал единственной издающей организацией на севере Красноярского края, имеющей возможность активно проводить собственную книжную политику, стремясь ориентировать издательский портфель на местный авторский потенциал.

По такому же пути развивалась и книготорговая организация Камчатского края – холдинговая компания «Новая книга» (созданная в 1996 г.). С годами «Новая книга» превратилась в мощную сеть крупных магазинов на всей территории Камчатки (16 магазинов, крупная оптовая база, библиотечный коллектор). В 1997 г. началась ее издательская деятельность. Сегодня «Новая книга» не только поставляет книжную продукцию в магазины региона, но и комплектует краевые библиотеки.

Вслед за книготорговыми предприятиями в издательский бизнес пришли и некоторые типографии. Одни из крупных сибирских типографий действовали в книжной отрасли десятилетия (издательско-полиграфическое предприятие «Кузбасс» (1973–2013), издательско-полиграфический комплекс «Омич», созданный в 1992 г. на базе Омского дома печати), другие возникли на волне перемен 1990-х гг. – среди них информационно-издательский центр «Инфопринт» (Новосибирск, 1990) и др.

В результате структурных и организационных преобразований в издательскую сферу пришли и предприятия, образованные из газетных издательств. Так, Хабаровский ИД «Приамурские ведомости» (Хабаровск, 1995) вырос из одноименной газеты. А созданный на базе газетного издательства «Красное знамя» издательско-полиграфический комплекс «Дальпресс» (Владивосток, 1997) в короткий срок превратился в лидера дальневосточной книжной индустрии.

Так, первым вектором развития книжной отрасли индустрии стало образование на базе книготорговых, полиграфических предприятий, редакционных отделов газет и журналов независимых книгоиздательств. Но главным трендом развития отрасли региона в 1990-е гг. стал количественный рост новых издающих структур. За десять лет, с 1990 по 2000 г., число издательств в России выросло почти в 80 раз: с 65 – в 1990 г. до 5110 – в 2000 г. [1, 2]. Если в начале 1990-х гг. издательские структуры имелись в отдельных областных центрах России, то в 2000 г. кни-

¹ Интервью Михаила Сеславинского журналу «Книжная Индустрия»: «Мы должны гарантировать интеллектуальное будущее российской нации». Чтение 21. URL: <http://chтение-21.ru/interview/5249> (дата обращения: 10.10.2016).

² Издательство «Апекс». Норильск. URL: <http://apex-norilsk.livejournal.com/> (дата обращения: 21.07.2013).

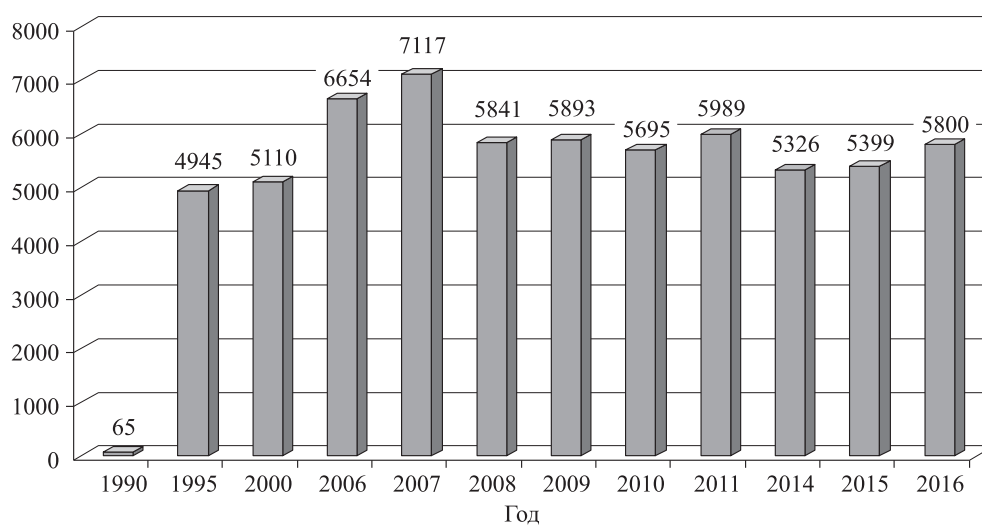

Рис. 1. Количество издательств в России в 1990–2016 гг.

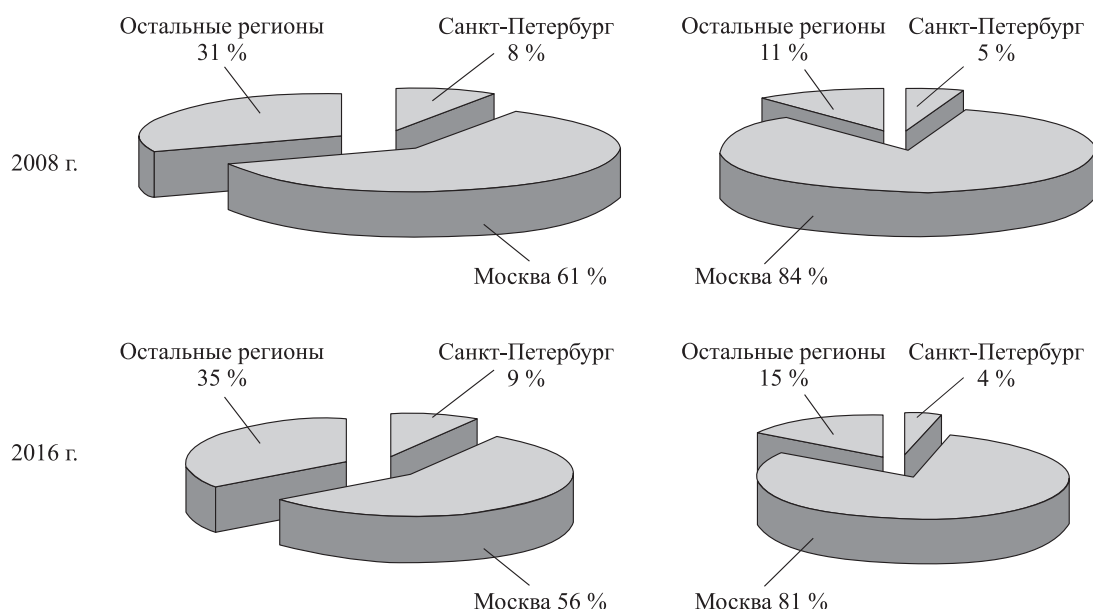

Рис. 2. Доли регионов в географии российского книгоиздания

ги в стране выпускались уже более чем в 300 городах. В отдельных областных центрах их количество исчислялось десятками и даже сотнями. В начале XXI в. в Уфе действовало 110 издающих организаций, в Новосибирске – 98, в Екатеринбурге и Нижнем Новгороде – свыше 60, а в Ростове-на-Дону и Самаре – более 50. Но при этом основная масса издающих организаций была сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге [3, с. 71].

Однако уже в следующем десятилетии вектор развития книжной индустрии сменился – количественный рост издательской системы замедлился, в том числе и за Уралом (см. рис. 2). Достигнув пика в 2007 г. (7117 издательств), число издательств стало

постепенно сокращаться: в последующее десятилетие в среднем по стране их было около 5700. Примерно половину из них составляли издательства Сибири и Дальнего Востока. Однако по масштабам деятельности подавляющая их масса была представлена малыми и средними издающими предприятиями, выпускающими в год 12 книг и менее.

Другим трендом книгоиздания 1990-х гг., оказавшим серьезное влияние на развитие книжной индустрии сибирско-дальневосточного региона 1990-х гг., стал процесс ослабления позиций государственных издательств. За последнее десятилетие XX в. прекратило свою деятельность большинство крупных государственных книжных издательств, на их место пришли

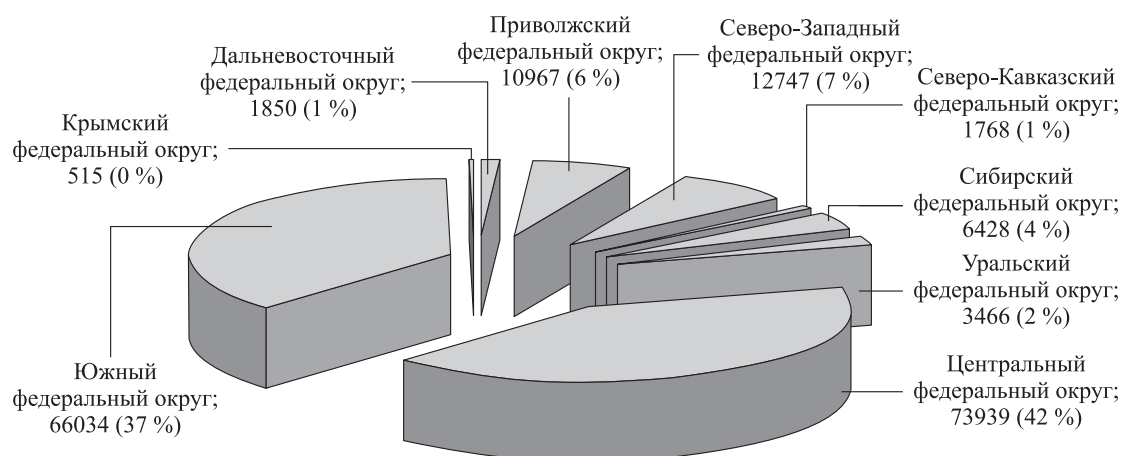

Рис. 3. Выпуск книг и брошюр по названиям в Сибири и на Дальнем Востоке в 2016 г.

десятки и сотни новых издающих предприятий. В условиях становления рыночных отношений частное книгоиздание оказалось мобильнее и гибче, быстрее приспосабливалось к меняющимся обстоятельствам, ориентируясь не на помощь со стороны государства, а на потребности покупателя и конъюнктуру рынка. На смену государственному, на тот момент дотационному, пришло независимое книгоиздание, основанное на знании рынка, коммерческой инициативе и творчестве. Возникшие негосударственные издательства радикально изменили социальную структуру издательского дела. Произошла его трансформация преимущественно в негосударственное. Так, если в 1991 г. государственные издательства выпускали 70 % тиражей в России, то в 2000 г. доля их продукции снизилась до 15 %. Доля тиражей, издаваемых частными издательствами, напротив, увеличилась в 7 раз по названиям и в 4 раза по тиражам [4, с. 18].

Динамика постсоветских лет усилила давний тренд развития российской издательской системы: *устремление всего издательского бизнеса в центральные регионы России, высокая концентрация там предпринимательской активности*, отток авторских ресурсов из провинциальных издательств в Москву и Санкт-Петербург. В общем объеме книжного выпуска по количеству названий московская доля в начале XXI в. практически не изменилась и составляла более 60% и по тиражам – более 80 % от всех выпускаемых книг и брошюр (см. рис. 2) [5, 6].

Моноцентризм книжного рынка стал оказывать непосредственное влияние на степень насыщенности книгоиздательской продукцией сибирско-дальневосточного региона, в первую очередь местного производства. Так, в 2016 г. 42 % всех выпущенных книг и брошюр в стране по названиям пришлось на Центральный федеральный округ (ФО). Весомый вклад других регионов принадлежал издательствам Южного ФО – 37 %. Относительный вклад в общероссийский объем книгоиздательской продукции был крайне мал:

Северо-Западный ФО – 7 %, Приволжский ФО – 6 %, Сибирский ФО – 4 %, Уральский ФО – 2 %, Дальневосточный – 1,6 %, Северо-Кавказский ФО – 1,2 %, Крымский ФО – 0,2 % (рис. 3, 4) [6].

Доля регионального книгоиздания в общероссийском в «тучные» докризисные 2001–2009 гг. оставалась практически без изменений: по наименованиям она составляла примерно 6,7 % (1,7 % приходилось на ДФО, 5,0 % – на СФО), а по тиражам – всего лишь 0,8 % (ДФО – 0,1 %, СФО – 0,7 %). Кризис внес небольшие коррективы в последующий выпуск книг и брошюр. Поэтому к 2016 г. доля регионального книгопроизводства по наименованиям и по тиражам несколько изменилась и составила 5,6 % (ДФО – 2,6 %, СФО – 4 %) и 1,2 % (ДФО – 0,4 %, СФО – 0,8 %) – соответственно (рис. 3–4) [6].

Несмотря на дальнейшую монополизацию книжного рынка, первые полтора десятка лет нового века для российской книжной индустрии стали *периодом относительно стабильного поступательного развития*, книгоиздательская деятельность в регионах заметно активизировалась. Вслед за обвалом тиражей в десятки раз в последнем десятилетии XX в. (с 44 182 тыс. экз. в 1991 г. до 2679 тыс. экз. в 1999 г.) в начале XXI в. наблюдается *медленное увеличение количества наименований книг и объемов тиражей* (рис. 5)³.

В XXI в. рынок вступил в *полосу относительной стабилизации*. В 2001–2016 гг. вектор развития изменился, динамика региональной книжной индустрии стала уверенно поступательной. Статистика книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке подтверждает тенденцию восходящего роста как по числу наименований – с 2001 к 2016 г. увеличение произошло в среднем в 1,5–1,6 раза, так и по тиражам – в 2,5 раза (рис. 5).

³ Таблица составлена по статистическим данным Российской книжной палаты за 1991–2016 г.

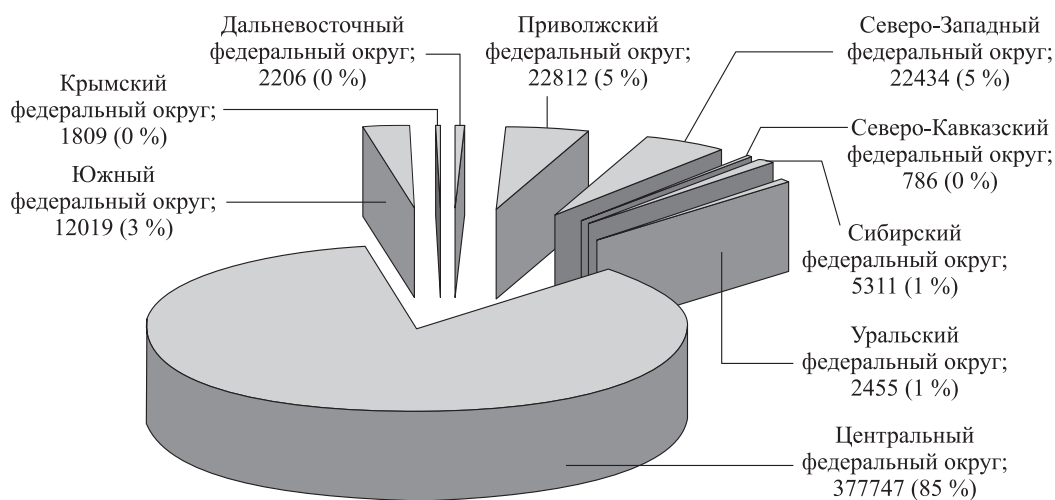

Рис. 4. Выпуск книг и брошюр по тиражам в Сибири и на Дальнем Востоке в 2016 г.

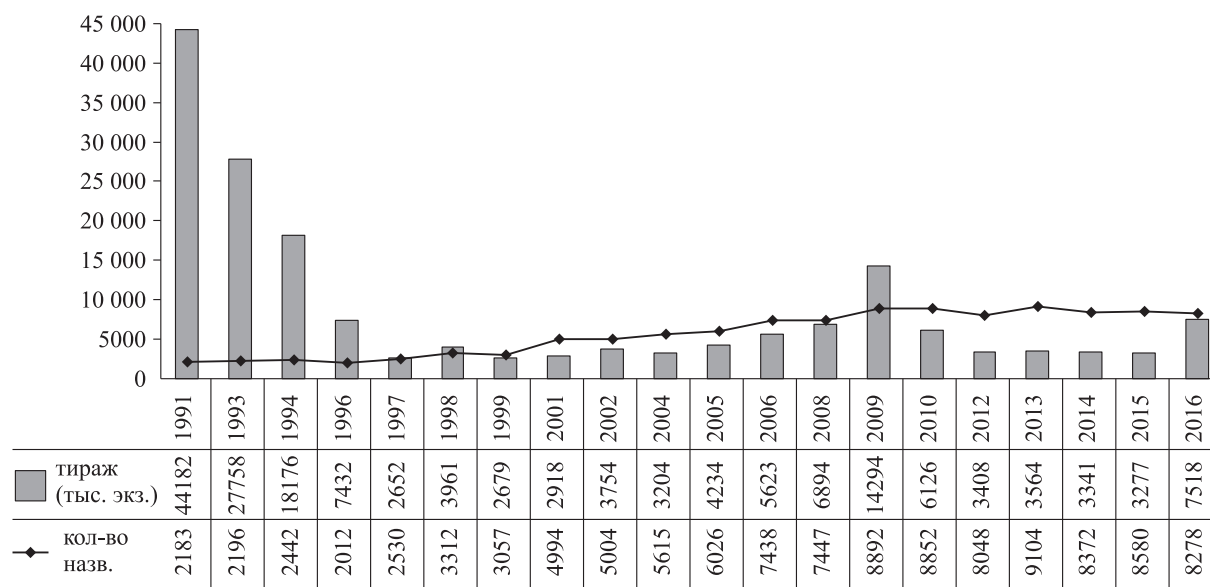

Рис. 5. Выпуск книг и брошюр в Сибири и на Дальнем Востоке в 1991–2016 гг.

Однако при уверенном росте объема книжной продукции число книг и брошюр на одного среднестатистического россиянина практически не увеличилось, более того, после кризиса 2008 г. стало снижаться: с 5,35 до 3,04 к 2016 г. (рис. 6) [6]. Среднее количество книг, изданное за Уралом, оставалось по-прежнему катастрофически низким – 0,32 экз. на одного сибиряка (рис. 7)⁴.

Несмотря на то, что в книжной индустрии Сибири реализовывались те же векторы развития, что и в России в целом, моноцентричность рынка производителей

книжной продукции продолжала негативно сказываться на издательской практике регионов страны.

Действительно, книгоиздательская деятельность за Уралом в начале XXI в. была представлена слишком неравномерно. Отдельные сибирские территории на протяжении десятков лет подтверждали за собой позиции регионов-лидеров по количеству выпускаемых книг. Традиционно к развитым издательским центрам относились Новосибирская и Омская области, Алтайский, Хабаровский и Красноярский края. Высокими по региону в 2012–2016 гг. оставались издательские позиции Приморского края, Иркутской, Кемеровской и Томской областей, Республики Саха (Якутия), Республики Бурятия. При этом к аутсайдерам издательской

⁴ Подсчитано по статистическим данным Российской книжной палаты за 2008–2016 гг.

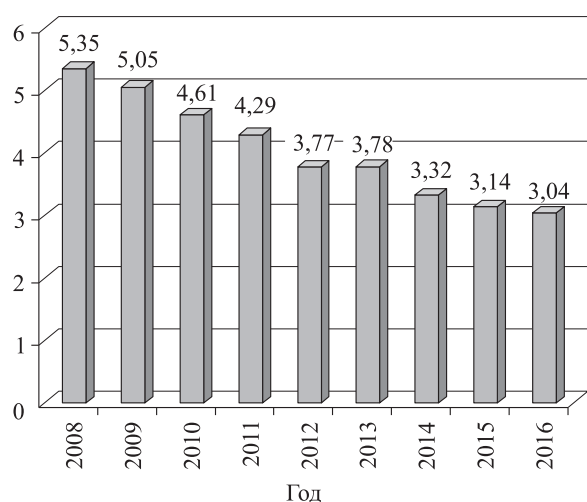

Рис. 6. Число экземпляров книг и брошюр, выпущенных в расчете на душу населения России в 2008–2016 гг.

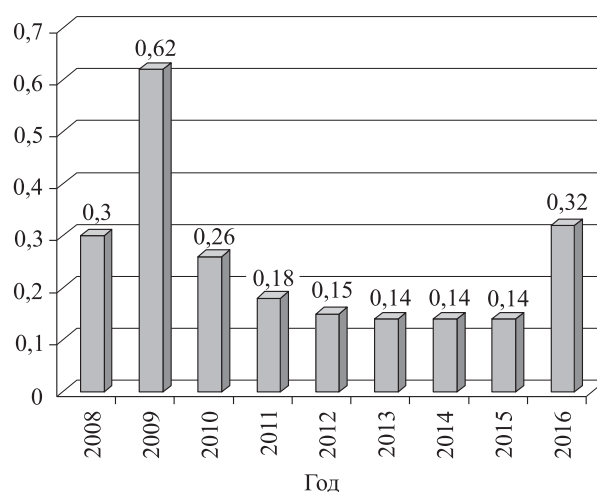

Рис. 7. Число экземпляров книг и брошюр, выпущенных в расчете на душу населения Сибири и Дальнего Востока в 2008–2016 гг.

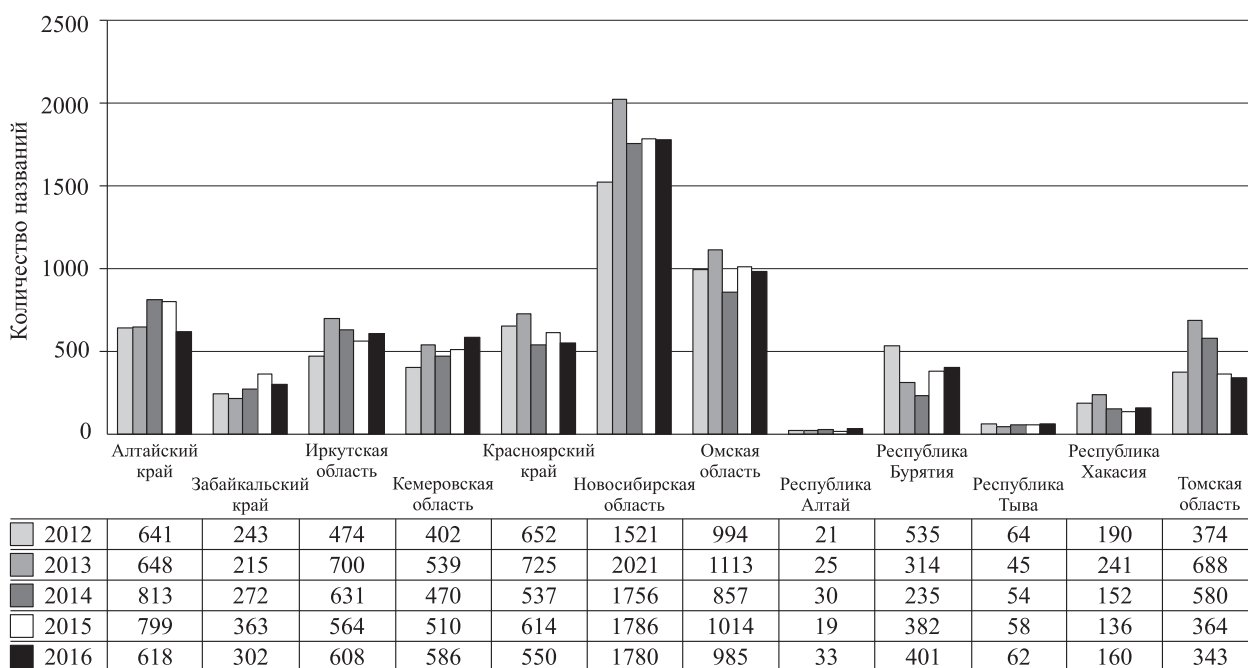

Рис. 8. Выпуск книг и брошюр по названиям в Сибири в 2012–2016 гг.

деятельности можно было отнести большую часть краев и областей Дальнего Востока, Республику Алтай и Республику Тыва (рис. 8–11)⁵.

В первом десятилетии XXI в. Новосибирск, своеобразная книжная столица Сибири, по-прежнему сохранял лидерство в развитии полиграфического производства за Уралом. В городе зародились основы постсоветского сетевого книгораспространения.

⁵ Таблицы составлены по статистическим данным Российской книжной палаты за 2012–2016 гг.

Именно здесь возникло и сумело стать национальным книготорговым оператором общероссийское книготорговое предприятие «Топ-книга» (1998–2008).

Областной центр сумел сохранить и приумножить имеющиеся полиграфические ресурсы. В Новосибирске продолжал работать крупнейший в России полиграфкомбинат «Советская Сибирь». После акционирования, серии реорганизаций он был преобразован в Федеральное государственное унитарное издательско-полиграфическое предприятие. В результате комбинат превратился в успешное полиграфическое

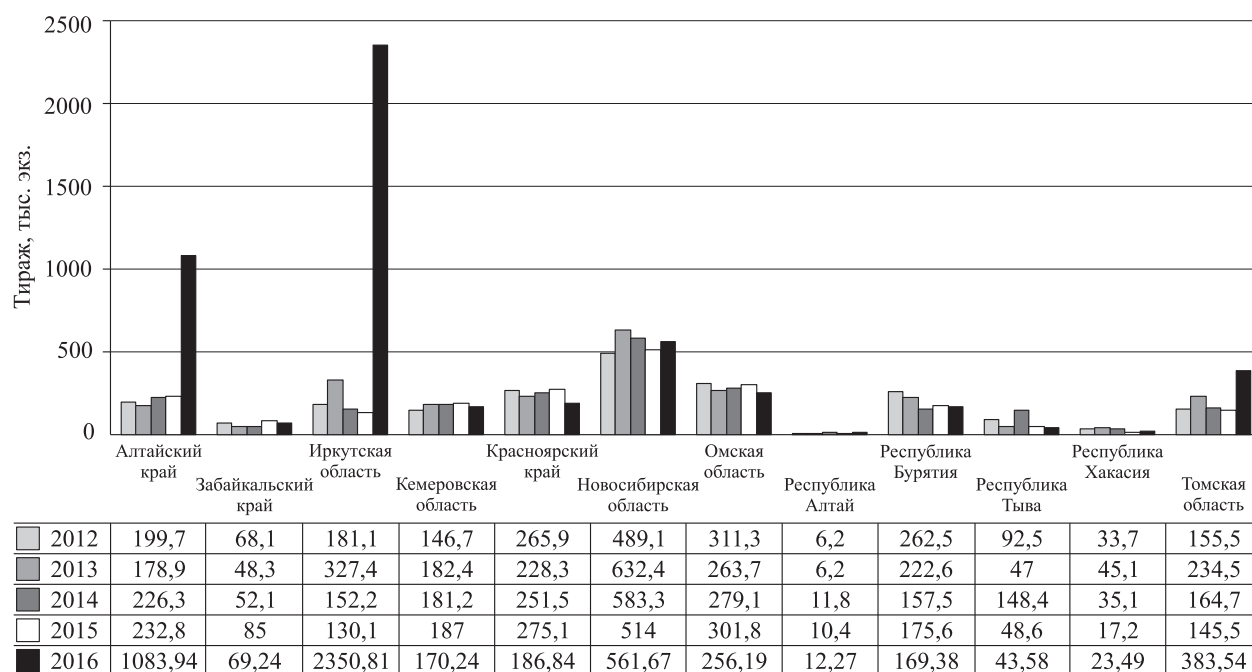

Рис. 9. Выпуск книг и брошюр по тиражам в Сибири в 2012–2016 гг.

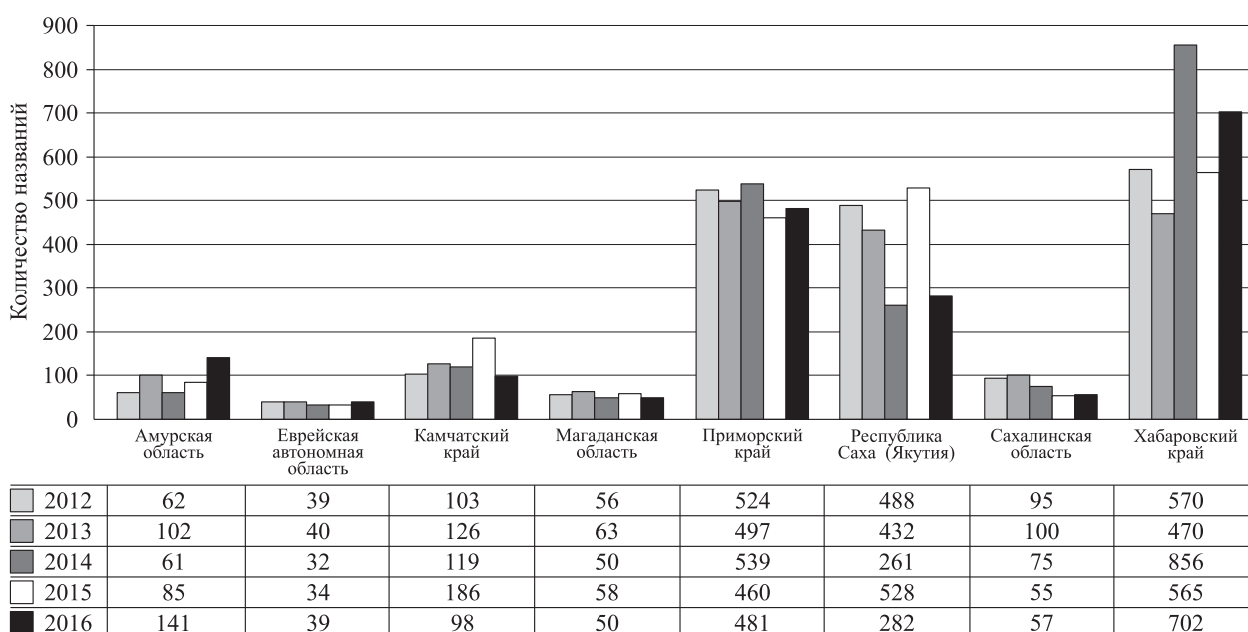

Рис. 10. Выпуск книг и брошюр по названиям на Дальнем Востоке в 2012–2016 гг.

предприятие Сибири. За постсоветские годы в Новосибирске появились новые динамично развивающиеся типографии, которые вносили свой вклад в становление полиграфического сектора книжной индустрии города и Сибири в целом: «Харменс», ИД «Вояж», «Тираж-С», «Тираж-плюс», «Манускрипт», «Мультиграф-развитие», «Farben», «Сити-пресс», «Шеффер-принт», «Талер-пресс», «Деал», «Принтинг», «Офис-

лидер», «Мастер Колор», «НовоПолиграфЦентр», «Диамант Компани», «Принткомпани» (Академгородок), «Ин-Кварто» (г. Бердск), «Сибпринт» и др. [7, с. 64].

Издательское пространство Новосибирска в начале XXI в. формировали около десяти крупных независимых книгоиздательств. Долгое время в числе лидеров оставались «Мангазея» (1990–2012) и «Сибирский

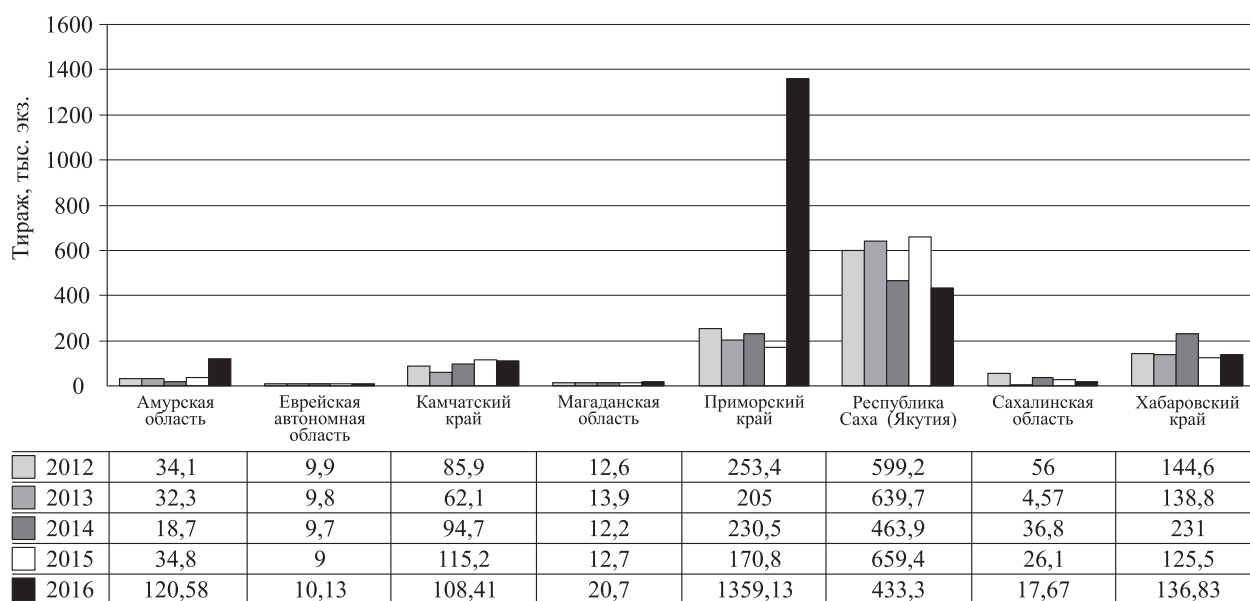

Рис. 11. Выпуск книг и брошюр по тиражам на Дальнем Востоке в 2012–2016 гг.

хронограф» (1991 г., с 2001 г. функционирует в Москве под названием «Новый хронограф»). Среди наиболее влиятельных издательств в городе и регионе считается «Свинин и сыновья» (с 2003 г.), оно специализируется на выпуске документально-публицистической, научно-популярной, справочно-энциклопедической, краеведческой и художественной литературы местных авторов.

Новосибирск, крупнейший научный, образовательный и культурный центр Сибири, известен также своими издательскими традициями – вузовскими и научными. Издательские центры города ежегодно входят в ТОП-100 лучших издательств страны: Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Новосибирский государственный педагогический университет (НГПУ), Новосибирский государственный университет (НГУ). Помимо названных вузов, активную издательскую деятельность ведут также десятки вузов города, эпизодически попадая в ТОП-100 лучших издательств страны: Сибирский государственный университет водного транспорта (бывший НГАВТ), Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (бывший НГАХА), Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС), Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ), Сибирский государственный университет геодезии и менеджмента (бывший СГГА) и др.

Если учебную литературу для студенческой молодежи обеспечивают университетские издательства города, то приоритет в выпуске научной литературы по-прежнему сохраняется за сибирскими академическими издательствами (Издательство СО РАН,

с 1994 г., созданная на основе Сибирского отделения издательства «Наука», 1958, Сибирская издательская фирма РАН «Наука» Академиздатцентра «Наука» РАН, 1999–2011). В середине последнего десятилетия прошлого века в областном центре возникло сразу несколько издательских предприятий, специализирующихся на выпуске научных и научно-технических печатных изданий по всем отраслям знаний для сибирского региона: «Инфолио» (1994), «Гео» (2002), «Наука-центр» (2002), ИД «Историческое наследие Сибири» (2003), «Сова» (2009). Динамично развивается и «Сибирское университетское издательство» (1998). Оставаясь по названию сибирским, оно давно уже переросло общероссийские рамки, а учебная литература стала одной из многих в репертуаре, по сути, уже давно тематически универсального издательства.

Кроме названных, в сибирской столице успешно функционируют многие частные независимые издательства. Некоторые из них являются уникальными для Сибири. Так, первым и единственным в Сибири стало новосибирское нотное издательство «Окарина» (2000); ИД «Новинвест-Плюс» (2002–2016) специализируется на подготовке и выпуске книг и фотоальбомов, посвященных городу и области; ИГ «Неизвестная Сибирь» (2006) возникла на базе одноименного самобытного публицистического журнала. Типография «Немо Пресс» оказывает широкий спектр издательских услуг с 2006 г. Издательство «Гелио-пресс» с 2011 г. занимается высотной фотосъемкой городов, а также специализируется на выпуске корпоративных фотоальбомов и подарочных книг о регионах, крупных компаниях и промышленных предприятиях.

В Иркутске одним из наиболее известных в России считается предприятие, выпускающего печатную

продукцию под собственной маркой «Издатель Сапронов» (с 1999). Основатель издательства Г.К. Сапронов (1952–2009) работал с крупнейшими русскими писателями второй половины XX в., чьи имена так или иначе связаны с Сибирью. В основе творческих достижений иркутского предприятия находятся лучшие произведения выдающихся мастеров слова – В.П. Астафьева, В.Г. Распутина, Е.И. Носова, В.В. Быкова, В.Я. Курбатова, Л.И. Бородина, Е.А. Евтушенко, Л.А. Аннинского и др.⁶

Известный своими лучшими книжными традициями (выпуском серийных сибирских изданий, полиграфическим оформлением книг) Иркутск, помимо вузовских (Иркутский государственный университет, Иркутский государственный технический университет, Байкальский институт непрерывного образования, БГУЭП и др.) и ведомственных (Иркутский областной дом народного творчества, Иркутский музей декабристов, Иркутский областной краеведческий музей, Восточно-Сибирское аэрогеодезическое предприятие, ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского и др.) представлен многими независимыми региональными предприятиями. Среди них следует назвать «Артиздат», «Аспринт», «Географ», «Гамма», «Гвоздь Плюс», «Восточно-Сибирская издательская компания», «Восточная Сибкнига», «Время странствий», ИП «Ракитская Э.Б.», «Иркутскстат», «Любимый город», «Оттиск», Типография «На Чехова», «Папирус», «Признание», «Принт-Лайн», «Просторы», «Репро-центр», «Сибирская книга», «Сибирь», «Сибэкспо-центр», «Форвард».

К независимым региональным издателям принадлежит и общественный деятель, известный коллекционер, тобольский книгоиздатель А.Г. Елфимов, реализовавший в жизнь многие значительные издательские проекты, в числе которых выпуск уникальных книг по истории и искусству, произведений классиков отечественной словесности, издание раритетных книг (в частности, переиздание трудов С.У. Ремезова) и их роскошное полиграфическое исполнение. Так, событием 2017 г. названо издание «Омск – 300 лет: историко-культурологический, литературно-художественный альманах “Тобольск и вся Сибирь”. Книга 27». Гран-при межрегионального открытого конкурса «Книга года: Сибирь – Евразия – 2017», проводимого в рамках международного фестиваля «Книжная Сибирь» в Новосибирске, были отмечены многолетняя просветительно-издательская деятельность и меценатство генерального директора Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимова и его масштабный проект «Библиотека Альманаха «Тобольск и вся Сибирь» [8, с. 100].

В Томске – еще одном крупном сибирском издательском центре, богатом как традициями меценатства, так и структурным и типологическим разнообразием действующих здесь издательств, следует

отметить высокий интеллектуальный уровень издательств вузов (Издательство «НТЛ», ИД Томского государственного университета) и отраслей культуры («Водолей» при Томской областной библиотеке). Отдельно следует назвать издательство миниатюрной книги «Томск сувенир».

Говоря о миниатюрной книге, необходимо отметить деятельность омских издателей. Концентрация в областном центре нескольких предприятий такого рода, выпускающих миниатюрную книгу «Наследие. Диалог-Сибирь», «Сибирский левша», является спецификой омской издательской индустрии. Можно утверждать, что именно Омску принадлежит мировое первенство в создании микрокниг [9, с. 22].

К началу 2000-х гг. произошло перераспределение лидерских позиций среди существующих издательств. Роль лидеров книгоиздания в регионе перешла к издательствам высших учебных заведений, причем их численность и издательский потенциал постоянно увеличивались. Лавры первенства в издательской деятельности из года в год принадлежали разным вузам. Это зависело от многих причин: от экономической ситуации в области, финансовой стабильности вуза, его кадрового издательско-редакторского и авторского потенциала, творческих и профессиональных возможностей, потребностей в соответствующей литературе и мн. др. Так, в начале первого десятилетия XXI в. по количеству изданных книг и брошюр в сибирско-дальневосточном регионе в числе лидеров оказались вузы Омска (Омский государственный технический университет, Омский государственный университет, Омский государственный педагогический университет, Омский государственный аграрный университет), Барнаула (Алтайский государственный университет, Алтайский государственный технический университет), Тюмени (Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет), а также Якутский государственный университет.

Из года в год стабильно высокую планку держат вузовские издательства Новосибирска. По данным книжной палаты РФ, издательство Новосибирского государственного технического университета с 2001 г. включено в 100 крупнейших издательств России, Сибирское университетское издательство – с 2005 г., вскоре в числе лучших оказалось и Якутское национальное издательство «Бичик». Названные издательства вошли в первую десятку активно развивающихся российских региональных издательств. В эти же годы в сотне лучших появились стабильные лидеры вузовского книгоиздания, выпускавшие большое количество тиражей и наименований не только на региональном, но и на всероссийском уровне. Так, помимо НГТУ и НГПУ в ТОП-100 практически ежегодно входили ОмГТУ, Тихоокеанский государственный университет и Дальневосточный федеральный университет, Иркутский государственный университет, Алтайский государственный университет, Забайкальский государственный университет и др.

⁶ Издатель Сапронов: URL: <http://www.sapronov-book.ru/> (дата обращения: 21.07.2013).

Таким образом, в становлении книжной индустрии Сибири четко прослеживается два взаимосвязанных периода. Первый, охватывающий последнее десятилетие XX в., включает процессы формирования книжной индустрии, основывающиеся на рыночных механизмах хозяйствования, разгосударствлении, акционировании, создании независимых предприятий, усилении частного предпринимательства, становлении книжного бизнеса. Вектор 1990-х гг. был направлен в сторону снижения тиражей и числа наименований книг при одновременном росте количества издательств в регионе, перераспределении ролей и позиций, превращения государственных форм издания, печати, распространения, преимущественно в негосударственные. Характерными чертами данного периода стали углубляющийся моноцентризм книжного рынка России, концентрация книжных предприятий, инвестиционного капитала в центре страны.

Второй период совпал по времени с первыми годами XXI в. Он стал этапом стабилизации книгоиздания, полиграфии и книжной торговли, характеризовался следующей динамикой: увеличением количества наименований книжной продукции при одновременном снижении количества издающих предприятий, а также сокращением числа книг, выпущенных в регионе на душу населения. Основу издательской индустрии Сибири и Дальнего Востока в начале XXI в. составляли независимые издательские предприятия, специализирующиеся в разных областях. Лидировали в издательском процессе повсеместно вузовские издательства.

Тренды развития книжной индустрии Сибири и Дальнего Востока по-прежнему определяли такие региональные издательские центры, как Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Омск, Томск, Тюмень, Хабаровск и Владивосток. В них сложились давние издательские традиции, а также школа профессиональных творческих кадров, отмечалась предпринимательская активность издателей и спонсоров, не ослабевало внимание местных властей к книжно-культурной (издательской, книготорговой, полиграфической, библиотечной, читателеведческой и т.п.) сфере деятельности и т.п.

Однако насыщенность книжного пространства Сибири, векторы развития, выразившееся в количественном снижении издательств и книг, выпущенных на душу населения за Уралом, позволяют говорить о назревшей необходимости изменения ситуации, принятия на государственном уровне долговременных мер

поддержки регионального книгоиздания. В конечном итоге это будет способствовать сохранению существующих книжных традиций и развитию новых, дальнейшей интеграции книжной индустрии Сибири в социокультурное пространство страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Книжный рынок России: подходы к количественной оценке // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 88/II. С. 9–18.
2. Ленский Б.В. Российское книгоиздание 90-х // Книжное обозрение. 2000. 17 апр. С. 6–7.
3. Современное отечественное и зарубежное издательское дело / сост. А.В. Зарубин; под ред. Т.В. Поповой. Екатеринбург, 2008. 133 с.
4. Эффективное книгоиздание: сб. стат. М., 2002. 144 с.
5. Книгоиздание в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой аналитический доклад / под ред. В.В. Григорьева. М., 2009. 92 с.
6. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / под ред. В.В. Григорьева. М., 2017. 117 с.
7. Посадсков А.Л. Печать периодическая // Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006 гг.: слов.-справ. / А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007.
8. Итоги конкурса «Книга года: Сибирь–Евразия–2017» // Библиосфера. 2017 №3. С. 100.
9. Смирнов Е. М. Книжное чудо Омска. М., 2000. 125 с.

REFERENCES

1. The book market of Russia: approaches to quantitative assessment. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. Moscow, 2008, issue 88/II, pp. 9–18. (In Russ.)
2. Lenskiy B. V., the Russian publishing 90. *Knizhnoye obozreniye*. 2000, 17 apr., pp. 6–7. (In Russ.)
3. Modern domestic and foreign publishing. Ed. A. V. Zarubin; ed. by T. V. Popova. Yekaterinburg, 2008, 133 p. (In Russ.)
4. Effective book publishing: a collection of articles. Moscow, 2002, 144 p. (In Russ.)
5. Book publishing in Russia. Status, trends and prospects of development. Industry analytical report. Ed. V. V. Grigoriev. Moscow, 2009, 92 p. (In Russ.)
6. The book market of Russia. Status, trends and prospects of development. Industry report. Ed. V. V. Grigoriev. Moscow, 2017, 117 p. (In Russ.)
7. Posadskov A. L. Print periodic. *Sredstva massovoy informatsii Novonikolaevska – Novosibirsk. 1906–2006 gg*. Ed. A. L. Posadskov, I. V. Lizunova. SPSTL SB RAS. Novosibirsk, 2007. (In Russ.)
8. The results of the contest «Book of the year: Siberia–Eurasia–2017». *Bibliosfera*. 2017, no. 3, p. 100. (In Russ.)
9. Smirnov E. M. The Book the miracle of Omsk. Moscow, 2000, 125 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 16.10.2017

DOI: 10.15372/HSS20170409
УДК 655.59; 070

А.С. МЕТЕЛЬКОВ

«НОВАЯ ВОЛНА» ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ СИБИРИ 1990-х гг. В КНИЖНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье дается анализ «новой волны» в литературно-художественных журналах, возникшей в 1990-е гг. в России как реакция на происходящую трансформацию книжно-культурного пространства. Эти независимые журналы появились в основном из культуры андеграунда и заняли нишу традиционных литературно-художественных журналов, в тот момент находившихся в ситуации глубокого кризиса. Особенно ярким было это явление в провинции – в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь журналы «новой волны» стали площадкой для аккумуляции прежних и формирования новых культурных традиций. Процесс становления новых независимых сибирских журналов в 1990-е гг. находится в центре внимания в данной статье. Сыграв значительную роль в развитии книжного дела и становлении новых литературно-художественных традиций в 1990-х гг., журналы «новой волны» либо прекратили вскоре свое существование, либо влились в общее глобальное культурное пространство, действуя на равных с традиционными «толстыми» журналами.

Ключевые слова: литературно-художественный журнал, толстый журнал, альманах, «новая волна», андеграунд, Сибирь, Дальний Восток, издательская деятельность, независимые издания, сибирская литература, книжно-культурное пространство.

A. S. METELKOV

«NEW WAVE» OF LITERARY AND ART MAGAZINES OF SIBERIA IN THE 1990s IN THE BOOK-CULTURAL SPACE OF RUSSIA

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15 Voskhod str., Novosibirsk, 630200, Russia

In the early 1990s traditional literary-art journals in Russia, after the phenomenal surge of popularity in late perestroika years, were in deep crisis. The publication of the “returned literature”, which brought fame to so-called “thick magazines”, began to decline, and their place was taken by dissimilar materials not of the highest artistic level. The economic situation of journals, which were previously subsidized by the state, was also critical. It was particularly noticeable in the provinces, especially in Siberia and the Far East.

Traditional Siberian magazines (“Sibirskie ogni”, “Ogni Kuzbassa”, “Altay”, “Yenisei”, “Sibir”) were on the verge of extinction. The existence of Russian literature that had relied on the journal tradition for many years was under threat. New literary-art magazines – the journals of a “new wave” – saved the situation. They relied on the prevailing Soviet underground and samizdat culture, and were an alternative to the official publications. The journals of the «new wave» managed to unite on their pages all the best being accumulated in informal and semi-formal literature, and brought the modern generation of talented writers in the literary field. These journals had an independent source of funding and existed primarily due to the energy of their creators.

Therefore, when by the late 1990s, the position of the “classical” literary journals had stabilized, many journals of the “new wave” ceased to exist, and their authors and editors entered the staff of renowned journals with a rich tradition such as “Sibirskie ogni”. Some of the most vivid (“Den’ i noch’”, “Posle 12”) took place on a par with traditional journals, the other (“Mangazeya”, “Proza Sibiri”) remained in the past as notable manifestations of book culture of their time. Literary landscape leveled off and became more homogeneous, but the journals of the «new wave» had played a key role in shaping the modern map of Russian literature.

Key words: literary-art magazine, thick journal, almanac, «new wave», underground, Siberia, Far East, publishing activities, independent editions, Siberian literature, book-cultural space.

Антон Сергеевич Метельков – аспирант, главный библиотекарь, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: mantoon@ngs.ru.

Anton S. Metelkov – postgraduate, Chief Librarian, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

В начале 1990-х гг., вскоре после распада СССР, отечественные литературно-художественные журналы оказались в ситуации глубокого кризиса, что было связано и с глобальными переменами в экономической, политической и социальной сферах, и с изменившейся обстановкой в области культуры. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. страницы «толстых» журналов были заполнены большим количеством публикаций так называемой возвращенной литературы (т.е. недоступной ранее литературы русской эмиграции и неизданной литературы советского периода) и многочисленными публицистическими материалами «сенсационного» характера. Это вызвало взрыв популярности журналов в указанный период. К 1992–1993 гг. поток такого рода текстов оказался практически исчерпан, и все большее количество журнальных публикаций (особенно это касается провинциальных журналов) стало носить случайный и нередко низкопробный характер. В то же самое время в связи с изменившимися экономическими реалиями и девальвацией культурных ценностей издательские акценты сместились с литературно-художественных журналов на книги – издания массовой литературы. Лишившись и читателя (система подписки была почти полностью разрушена), и поддержки государства, журналы оказались на грани вымирания: резко упали их тиражи, снизилась периодичность выхода, нередко уменьшался и формат [1, с. 194–198]. Это поставило под угрозу само существование современной русской литературы, поскольку исторически именно «толстые» журналы были платформой для публикации новейших художественных и критических текстов. И если столичным журналам еще удавалось держаться на плаву (во многом благодаря поддержке Фонда «Открытое общество»), то провинциальные журналы и, как следствие, провинциальная литература находились в тупиковой ситуации.

Парадоксальным образом ресурсы для спасения литературы были найдены «внутри» литературного процесса. На фоне упадка, который переживали традиционные литературно-художественные журналы с многолетней историей, по всей стране стали возникать журналы «новой волны», к созданию которых в основном были причастны литераторы андеграунда – неофициальной культуры, фиксировавшейся в советское время преимущественно в формате самиздата. Эти журналы объединяли стремление донести до читателя весь спектр современной отечественной литературы, которая долгие годы существовала «в подполье». В качестве предшественников журналов «новой волны» можно назвать московский самиздат-журнал «Эпсилон-салон» (1985–1989 гг.) и журналы, выпускавшиеся в традиции ленинградского самиздата («37», 1976–1981 гг.; «Часы», 1976–1990 гг.; «Обводный канал», 1981–1991 гг., «Митин журнал», с 1985 г. и др.).

Лидеры андеграундной литературы отчасти продолжали противопоставлять себя «официальным» изданиям с противоречивым историческим шлейфом,

поэтому в новых экономических условиях, как только появились возможности для организации собственных независимых издательских площадок, такие площадки возникли почти мгновенно. В Москве появились журналы «Золотой век» (с 1990 г.), «Другие берега» (с 1992 г.), «Новое литературное обозрение» (с 1992 г.), в Санкт-Петербурге – «Вестник новой литературы» (с 1990 г.) и «Камера хранения» (с 1991 г., редакторская подготовка велась во Франкфурте-на-Майне). С 1992 г. в Москве стал издаваться журнал «Континент», основанный в Париже в 1974 г.

Но если в Москве и Санкт-Петербурге новые журналы не могли кардинально изменить литературный ландшафт в связи с большим количеством действовавших «классических» журналов, то в провинции (в частности, Сибири) появление новых журналов повлияло на расстановку сил в гораздо большей степени. К началу 1990 гг. практически в каждом крупном сибирском городе издавался на протяжении долгого времени свой литературно-художественный журнал: «Сибирские огни» в Новосибирске, «Алтай» в Барнауле, «Огни Кузбасса» в Кемерово, «Енисей» в Красноярске, «Сибирь» в Иркутске и т.д. Все эти журналы оказались на грани вымирания, снизился общий художественный уровень публикуемых материалов, и ниша сибирского литературно-художественного журнала фактически стала вакантной¹. Появление в Сибири литературно-художественных журналов «новой волны» нередко было связано с теми же литературными кругами, что и в столицах. Это объяснялось тесными литературными связями, возникшими по всей стране в русле культуры андеграунда.

Именно так возник один из самых заметных сибирских журналов «новой волны» – «День и ночь» (Красноярск). Основал журнал в 1993 г. (другой красноярский журнал – «Енисей» – в 1990 гг. почти перестал выходить) при поддержке В.П. Астафьева и Е.А. Попова красноярский писатель Р.Х. Солнцев, еще в 1970 гг. подвергавшийся нападкам за свои публикации в официальной периодике. Незадолго до создания журнала он был избран одним из пяти сопредседателей Союза российских писателей, возникшего после раскола в 1991 г. Союза писателей СССР. Р.Х. Солнцев получил работу в Москве, но вскоре вернулся в Красноярск². Будучи известным в масштабах всей страны, он смог привлечь к публикации в журнале как именитых авторов (В.П. Аксенов, Б.А. Ахмадулина, Юз Алешковский и др.), так и более молодых (П.А. Ореховский, В.А. Димов, Александр Снегирев и др.). Одновременно Р.Х. Солнцеву удавалось находить для публикации журнала спонсорские деньги (учредителем журнала наряду с Р.Х. Солнцевым стал генеральный директор Красноярского комбайнового завода Л.Н. Логинов), привлекать при необходимости адми-

¹ Шитилова Т.Н. Свет издалека? // Советская Сибирь. 1995. 21 окт.

² Солнцев Р.Х. Литература живет и далеко от Москвы [Записала О.А. Рычкова]. // Труд. 2004. 17 дек.

нистративный ресурс и контактировать с Фондом «Открытое общество»³.

Тираж первого номера составил 10 тыс. экз., а вскоре «День и ночь» зарекомендовал себя как один из лучших отечественных журналов. В его редколлегия были введены представители разных писательских союзов – «почвенников» и «демократов», публиковались и «либеральные», и «консервативные» тексты – главным критерием была литература⁴. Следует подчеркнуть, что этот журнал стал единственным провинциальным журналом, члены редколлегия которого вели собственный семинар на ежегодном Форуме молодых писателей; здесь в качестве руководителей семинаров участвовали представители ведущих «толстых» журналов [2]. После смерти Р.Х. Солнцева в 2007 г. журнал «День и ночь» несколько утратил свои позиции в современном литературном мире. Тем не менее в настоящее время он является единственным сибирским журналом, регулярно обновляющимся на сайте «Журнальный зал» – наиболее значимом литературном портале русскоязычного интернета.

В Новосибирске в 1990 гг. с огромными проблемами столкнулся старейший литературно-художественный журнал России – «Сибирские огни». Несмотря на наличие в городе большого количества писателей первой величины, в журнале стали публиковаться преимущественно переводные произведения, специфические материалы по краеведению, беллетристические тексты⁵. Это привело к появлению в Новосибирске ряда литературно-художественных изданий «новой волны». Первым и самым многообещающим из них стал альманах «Мангазея», выпускавшийся на базе одноименного издательства, разнообразная деятельность которого и стала основным источником финансирования альманаха⁶. Главный редактор «Мангазеи» В.А. Берязев в первую очередь делал ставку на лучшие образцы современной сибирской литературы. В первом номере альманаха (1991 г., 30 тыс. экз.) были опубликованы стихи Ю.Л. Пивоваровой, А.Е. Соколова, А.И. Денисенко – ярких, состоявшихся поэтов, их стихи долгое время были практически недоступны читателю. Там же напечатана статья одного из основателей московского концептуализма – В.Н. Некрасова, она была приурочена к открытию в Новосибирске выставки живописи из коллекции этого писателя [3]. Выход альманаха «Мангазея» стал событием, значимым для сибирской литературы, но альманах столкнулся с финансовыми трудностями, его следующий номер вышел лишь в 1993 г. тиражом 5 тыс. экз. К этому времени повесть Н.Н. Садур «Юг», анонсирован-

ная в первом номере «Мангазеи», уже была напечатана в журнале «Знамя». Несмотря на высокий уровень материалов, сделать альманах регулярным изданием не удалось: последний (третий) номер был выпущен в 1995 г., его тираж составил 2 тыс. экз.⁷

Другим новосибирским изданием, также оказавшемся недолговечным, был журнал «Проза Сибири», выходивший в 1994–1996 гг. Тираж первого номера (№ 0) составил 5 тыс. экз. Журнал представлял собой независимый проект и выходил по инициативе издательства «Пасман и Шувалов». Главному редактору «Прозы Сибири» Г.М. Прашкевичу удалось собрать представительный «пул» авторов (В.П. Астафьев, В.Г. Распутин, В.Н. Войнович, Б.Н. Стругацкий и др.), авторам были предусмотрены гонорары, что стало беспрецедентным явлением для журнала середины 1990-х гг.⁸ Но явная некоммерческая направленность издания позволила ему просуществовать лишь в течение девяти номеров. Впоследствии предпринимались попытки возродить журнал, но они оказались безуспешными.

В 1995 г. в Новосибирске стал издаваться «консервативный» журнал «Горница» (с 1999 г. – «Сибирская горница», главный редактор – М.Н. Щукин, тираж первого номера составил 7 тыс. экз.). В попечительский совет этого независимого журнала, направленного на восстановление традиций и укрепление любви к родному краю, вошли руководители крупных предприятий и главы районов Новосибирской области⁹, что позволило журналу выходить ежеквартально до 2005 г.

В Кемерово, в качестве альтернативы «Огням Кузбасса», в 1995 г. появился литературный журнал «После 12», продолживший традицию журнала поэзии «Арион», который выпускается в Москве с 1994 г. Журнал «После 12» «вырос» из литературной студии «А3», работавшей на базе Кемеровского государственного университета. Бессменными редакторами журнала являются руководители студии «А3» Н.Г. и А.Г. Ибрагимовы. Финансировали этот журнал успешные предприниматели того времени, поэтому финансирование было нестабильным. Журнал выходил один–два раза в год, что позволяло повышать планку художественного уровня публикуемых текстов. В поисках финансирования редакция журнала испробовала все доступные способы: страницы журнала отдавались под рекламу, писались «имиджевые» статьи, организовывался параллельный выпуск журнала об автомобилях и т.п. Был опробован новый проект журнала, главным героем выступил современный креативный молодой человек. «После 12» стал ярким и гляцевым, но литература в нем отошла на второй план. В результате было принято решение вернуться к строгому,

³ Думанский А.Н. Журнал начал жить // Вечерний Красноярск. 1994. 22 февр.

⁴ Солнцев Р.Х. Тайная власть гармонии [Записал В. Пчелкин] // Вечерний Красноярск. 1994. 14 янв.

⁵ Ульянина И.Н. «Сибирские огни»: трибуна литераторов или семейная рекламно-издательская фирма // Вечерний Новосибирск. 1994. 10 июня.

⁶ Яранцев В.Н. Открыть тайну «Мангазеи» // Новая сибирская газета. 1996. 15 авг.

⁷ Лапина А.В. чужой артели похмелье – будет ли читатель у н-ского альманаха // Новая Сибирь. 1996. 2 авг.

⁸ Кудасов Б.Е. «Не самое свирепое – рожать... Куда тревожней и труднее воспитать» // Вечерний Новосибирск. 1994. 14 дек.

⁹ Китайник А.У. В вашем доме – «Горница» // Советская Сибирь. 1994. 11 нояб.

сдержанному формату литературно-художественного журнала [4]. В первые годы существования поддержку новому журналу оказывал также Фонд «Открытое общество». Лишь через десять лет после выхода первого номера журнал смог претендовать на бюджетные деньги от департамента культуры Кемеровской области. К этому времени партнером журнала стало Агентство «Роспечать» [5]. Журнал, публикующий как сибирских поэтов, так и (в меньшей степени) поэтов европейской части России, выпускается до сих пор, но периодичность его по-прежнему невелика.

Еще одним журналом-должителем «новой волны» стал «Рубеж», главный редактор – А.В. Колесов. Первый его номер вышел во Владивостоке в 1992 г. На обложке этого номера стояла двойная нумерация: № 1 (863). Это объясняется тем, что «Рубеж» позиционировался как прямой преемник эмигрантского журнала «Рубеж», издававшегося в Харбине в 1926–1945 гг. [6]. Основные задачи редакция альманаха «Рубеж» видела в объединении российской литературы и литературы Юго-Восточной Азии, а также и всего Тихоокеанского бассейна, знакомство читателей с историей Дальнего Востока России и с культурой эмиграции. В нем публиковались также тексты, связанные с харбинско-шанхайской эмиграцией. Регулярно печатались стихи и проза писателей-эмигрантов, живущих в США и других странах, произведения забытых и малоизвестных авторов, так или иначе связанных с Дальним Востоком [7]. В планы редакции входил выпуск двух–четырёх номеров в год. Но за 22 года существования альманаха (последний номер датируется 2013 г.) было издано лишь 13 номеров. Конечно, замысел трансконтинентального альманаха на востоке России был очень смелым, и альманах, по мнению его редакции, представлял собой новое явление в литературной периодике, закономерное для рубежа эпох [8].

Возникновение такого рода журналов в 1990-е гг. характерно для многих крупных городов Сибири и Дальнего Востока: в Томске появился журнал «Сибирские Афины» (с 1993 г.), в Омске возобновился выпуск альманаха «Иртыш» (с 1990 г.) и был создан альманах «Складчина» (с 1995 г.), в Барнауле в русле культуры самиздата стал выпускаться альманах «Ликбез» (с 1989 г., с 2015 г. – в Санкт-Петербурге) и официальный журнал «Барнаул» (с 1994 г.) и т.д. Все эти издания сыграли роль своего рода «ковчега» для сибирской литературы. Страницы классических «толстых» журналов в начале и середине 1990 гг. заполнили разнородные произведения, далеко не всегда отличавшиеся достойным художественным уровнем, да и сами журналы выходили с большими перебоями. Вместе с тем сибирские журналы «новой волны» смогли аккумулировать все лучшее, что было накоплено в литературе Сибири за предыдущие десятилетия, ввести это в актуальный литературный всероссийский контекст и создать вокруг себя плодотворную творческую среду. Существование таких журналов в первую очередь зависело от энтузиазма

их создателей и в большинстве случаев не имело стабильной финансовой основы. Поэтому срок их жизни, за некоторыми исключениями, оказался непродолжительным. Только журналу «День и ночь» удалось занять место в ряду классических «толстых» журналов. Еще несколько изданий «новой волны» («После 12», «Складчина», «Ликбез») продолжают выходить в настоящее время, но выпуск их по-прежнему нестабилен.

В конце 1990-х гг. положение традиционных литературно-художественных журналов стабилизировалось, тиражи и периодичность выхода таких журналов, как «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Алтай», «Енисей», вновь стали расти. Грань между «старыми» и «новыми» журналами постепенно стиралась: многие из основателей журналов «новой волны» заняли редакторские должности в традиционных журналах, а авторы, публиковавшиеся преимущественно в журналах «новой волны», стали печататься и в традиционных журналах. «Сибирские огни» возвратили себе место центрального коммуникатора сибирской литературы. На рубеже 1990–2000-х гг. произошел еще один виток возникновения новых литературно-художественных журналов в Сибири: «Врата Сибири» (Тюмень, с 1999 г.), «К востоку от солнца» (Новосибирск, с 1999 г.), «Новосибирск» (Новосибирск, с 2001 г.), «Kto zdes'?» (Новосибирск, с 2001 г.), «Литературный Омск» (Омск, с 2001 г.), «Зеленая лампа» (Иркутск, с 2002 г.), «Иркутское время» (Иркутск, с 2002 г.), «Бийский вестник» (Бийск, с 2003 г.) и др. Но их появление не стало литературным событием такой значимости, как появление их предшественников в начале–середине 1990-х гг. Исключение, возможно, составил новосибирский журнал «Kto zdes'?» (редакторы – А.И. Щетников, И.Е. Лошилов), по своим эстетическим установкам оказавшийся близким к изданиям 1990-х гг. [9].

К концу 1990-х – началу 2000-х гг. журналы «новой волны» 1990-х гг. отошли на периферию литературной жизни и либо заняли свою локальную нишу в русле актуального литературно-художественного книгоиздания, либо вовсе прекратили существование. Однако именно они стали решающим фактором сохранения отечественной литературоцентричной традиции и дальнейшего расширения книжно-культурного пространства Сибири в частности и России в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лизунова И.В. Средства массовой информации Сибири и Дальнего Востока в российском медиапространстве (90-е гг. XX – первое десятилетие XXI в.). Новосибирск, 2012. 309 с.
2. Солнцев Р.Х. Оглядываясь через пятнадцать лет... // День и ночь. 2014. № 3. С. 13–14.
3. Коньякова Т.В. Возвращение в Мангазею // Мангазея. 1993. № 2. С. 193–198.
4. Шерстов А.С. Журнал для тех, кто не спит // Арион. 2011. № 3. С. 125–127.
5. Ибрагимова Н.Г. «После 12» – вдох после выдоха... [Записал В.Н. Токмаков] // Барнаул литературный. 2016. № 2. С. 88–89.

6. Лобычев А.М. На краю русской речи // Знамя. 2005. № 12. С. 215–218.

7. Рахаева Ю.А. ...И на Тихом океане свой закончили... / Знамя. 1996. № 1. С. 238–240.

8. Лютова Н.К. Дальневосточный журнал «Рубеж» // Книжные свидетели былых времен (редкие и ценные издания в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки). Хабаровск: ДВГНБ, 2017. С. 437–445.

9. Ермошина Г.Г. Кто Zdes'?' // Знамя. 2003. № 6. С. 237–239.

REFERENCES

1. Lizunova I.V. Media in Siberia and the Far East in the Russian media space (1990s – the first decade of the XXI century). Novosibirsk, 2012, 309 p. (In Russ.)

2. Solntsev R.K. Looking back over fifteen years... *Den' i noch'*, 2014, no. 3, pp. 13–14. (In Russ.)

3. Kon'yakova T.V. Back to Mangazeya. *Mangazeya*, 1993, no. 2, pp. 193–198. (In Russ.)

4. Sherstov A.S. A journal for those who do not sleep. *Arion*, 2011, no. 3, pp. 125–127. (In Russ.)

5. Ibragimova N.G. «After 12» – a breath after exhalation... recorded by V.N. Tokmakov. *Barnaul Literaturniy*, 2016, no. 2, pp. 88–89. (In Russ.)

6. Lobychev A.N. On the edge of Russian speech. *Znamya*, 2005, no. 12, pp. 215–218. (In Russ.)

7. Rakhaeva Y.A. ...And their campaign ended on the Pacific Ocean... *Znamya*, 1996, no. 1, pp. 238–240. (In Russ.)

8. Lyutova N.K. Far Eastern journal «Rubezh». *Knizhnye svideteli inykh vremyon (redkie i tsenniy izdaniya v fondakh Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki)*. Khabarovsk: FESSL, 2017, pp. 437–445. (In Russ.)

9. Ermoshina G.G. Who is here? *Znamya*, 2003, no 6, pp. 237–239. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 6.11.2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный блок статей представляет исследования по проблемам демографии, полученные результаты были доложены на Международном научном семинаре «Исторические и современные тренды смертности и заболеваемости», проходившем 19–21 июля 2017 г. в г. Новосибирске. Организатором научного форума выступил Институт истории СО РАН, при участии Европейской ассоциации по изучению народонаселения (EAPS) и Новосибирского государственного университета. В ходе дискуссий ученые обсудили актуальные проблемы смертности в контексте мировых трендов, привлекая эмпирические и теоретические данные как отдельных государств, так и общемировые показатели. В работе семинара приняли участие представители научных институтов и кафедр России, Австралии, Бразилии, Венгрии, Германии, Греции, Израиля, Индии, Испании, Италии, Казахстана, Польши, США, Турции, Чехии и ЮАР.

Работа семинара была организована в двух секциях, заслушивались доклады на английском и русском

языках. В англоязычной секции обсуждались глобальные проблемы развития смертности и заболеваемости. Были отмечены как общие, так и специфические проблемы стран в развитии структуры смертности. На русскоязычной секции обсуждались тенденции заболеваемости и смертности в России в целом и ее регионах. В озвученных докладах рассматривались основные тренды смертности, начиная с XIX в. и до настоящего времени. Анализировались ее особенности в городских и сельских поселениях, отдельных возрастных категориях, межполовые различия, факторы смертности, выявлена ее динамика в отдельных регионах.

Участники семинара отметили высокий научный и теоретический уровень, актуальность и историографическую ценность представленных докладов. Фундаментальные исследования в области заболеваемости и смертности должны получить дополнительные импульсы для развития и объединить усилия специалистов всех отраслей науки для улучшения и продления жизни человека и человеческого общества.

DOI: 10.15372/HSS20170410
УДК 94(47) "1897–1914" + 314.18

В.А. ЗВЕРЕВ

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

В статье раскрываются изменения, происходившие в 1897–1914 гг. в количественных показателях (общих коэффициентах рождаемости, смертности и естественного прироста), а следовательно, – в режиме и типе воспроизводства населения Западной и Восточной Сибири, Степного края и Дальнего Востока. Хронологическая динамика естественного движения населения в этих регионах сравнивается друг с другом и с ситуацией в Европейской России. Делается вывод о том, что в изучаемый период в азиатской части страны, как и в европейском ее центре, господствовал традиционный тип воспроизводства населения при наличии начальных признаков демографического перехода. Показана разнонаправленность динамики воспроизводства населения в Европейской России, с одной стороны, и во всех зауральских регионах – с другой, при наличии существенной специфики Дальнего Востока.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Степной край, Дальний Восток, историческая демография региона, компаративный анализ, воспроизводство населения, смертность, рождаемость, естественный прирост населения.

V.A. ZVEREV

REPRODUCTION OF THE POPULATION IN ASIATIC RUSSIA: HISTORICAL DYNAMICS OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russia

The historians and demographers studying the population reproduction in the Russian Empire pay not enough attention to the peculiarities of this process in some remote eastern regions of the country. The paper objective is to consider changes in the late XIX – early XX centuries that took place in Asian Russia – West and East Siberia, the Steppe Region and the Far East. The changes in quantitative indicators imply qualitative alterations in the mode and type of the population reproduction. The author examines the dynamics of the natural movement of the population both diachronically, taking each region separately in its timeline, and synchronically, comparing the Asian region to the European Russia as the demographic center of the country. Quantitative calculations are based on the statistical data provided by the reports of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. For the first time in historiography the author calculates annual natality and mortality indices and the population natural increase for 1897–1914. The attained dynamic picture is presented in the summary table and three graphs. The linear trends reflected in graphs demonstrate the variable directivity of the population mortality, natality and natural increase dynamics in the studied regions. The main conclusions drawn based on the dynamic table analysis are the following: 1) The traditional type of the population reproduction dominated in all eastern regions of the country, as well as in its European center, though some signals of the initial phase of demographic modernization appeared; 2) Concerning the population natural movement dynamics, Siberia and the Steppe Region had similar indices, while the situation in the Far East differed significantly from both; 3) Trans-Ural regions as compared to the European Russia showed essential specificity in demographic tendencies. The author presents some further ideas and considerations of pioneering in historical demography and regional studies.

Key words: West Siberia, East Siberia, Steppe Region, Far East, regional historical demography, comparative analysis, population reproduction, death rate, birth rate, population natural increase.

Владимир Александрович Зверев – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: sosna232@yandex.ru.

Vladimir A. Zverev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University.

В центре внимания исторической демографии находится темпоральная динамика процессов естественного, или физического, воспроизводства населения. Изменения количественных параметров и типа воспроизводства населения, происходившие в конце имперского периода в обширной азиатской части России, в ее отдельных регионах, не могли не заинтересовать ученых. Динамические ряды годовых или поэтапных показателей рождаемости, смертности, естественного прироста населения в свое время составили и проанализировали А.Г. Рашин [1, с. 22, 230–231], Р.И. Сифман [2, с. 62–82], В.М. Кабузан [3, с. 34–37; 4, с. 96–156], В.И. Пронин [5, с. 57–65], Л.Л. Рыбаковский [6, с. 57–69].

Недостатками имеющихся исследований режима воспроизводства населения, существовавшего на востоке страны в конце XIX – начале XX в., можно считать, во-первых, разноречивость в территориальном охвате. А.Г. Рашин и Р.И. Сифман рассматривали территорию от Урала до Тихого океана, именуемую ими Сибирью, но при этом забыли о Степном крае; В.И. Пронин сосредоточился на узко понимаемой Сибири (без Дальнего Востока), Л.Л. Рыбаковский, наоборот, – на Дальнем Востоке, но оба оставили без внимания Якутию. Второй недостаток: при подсчетах использовались разные по происхождению источники статистических данных, что затрудняет сравнение динамических рядов, относящихся к тем или иным регионам, к различным хронологическим этапам.

В постсоветский период никто не пытался создать цельную картину воспроизводства населения на востоке страны, относящуюся к концу имперского периода. Задачи настоящей статьи: 1) представить впервые построенные нами на основе единых источников динамические ряды показателей естественного движения населения в тех регионах Азиатской России, которые в конце XIX – начале XX в. часто обобщенно именовали Сибирью; 2) в ходе компаративного анализа раскрыть общие черты и особенности режима воспроизводства населения в указанных регионах, прояснить исторический тип воспроизводственного процесса.

Азиатская часть России в данном случае разделена на регионы с учетом административного устройства страны, существовавшего в начале изучаемого периода. Западная Сибирь рассматривается в границах Томской и Тобольской губерний, Акмолинской области. Восточная Сибирь охватывает Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую область. Степной край ограничивается Семипалатинской и Акмолинской областями. Последняя учтена дважды – в составе и Степного края, и Западной Сибири, поскольку невозможно провести бесспорную границу между этими двумя регионами. Дальний Восток выделен в административных пределах Приморской, Амурской, Якутской областей и о. Сахалин.

При сравнении динамики воспроизводства населения в зауральских регионах в качестве эталона мы привлекаем Европейскую Россию (в данном случае – без Финляндии и Северного Кавказа), сравнитель-

но хорошо изученную в историко-демографическом плане. В трудах А.Г. Вишневского и его коллег (см., напр.: [7, с. 160–163]), Б.Н. Миронова [8, с. 576–625] и других ученых ситуация в европейской части страны, в том числе характер воспроизводства населения здесь, фактически трактуется как общероссийская ситуация. Однако демография восточных окраин имела свои яркие особенности, и мы это покажем.

Хронологические рамки настоящей статьи охватывают период 1897–1914 гг., относительно которого имеются необходимые для демографических расчетов статистические данные по всем губерниям и областям Российской империи, в том числе располагавшимся к востоку от Урала. Это материалы Всеобщей переписи населения 1897 г., последующих административно-полицейских исчислений, записи в метрических церковных книгах. Текущую статистику собирало и корректировало через губернские и областные статкомитеты центральное гражданское медицинское ведомство, входившее в структуру имперского Министерства внутренних дел. До 1904 г. это Медицинский департамент, затем – Управление главного врачебного инспектора. Это ведомство ежегодно публиковало данные о численности населения, количестве умерших и рожденных во всех губерниях и областях России, в том числе зауральских.

Губернские и областные данные мы сгруппировали по регионам, а затем высчитали для каждого из них общие коэффициенты смертности, рождаемости и естественного прироста – количество демографических событий, приходившихся на каждую тысячу человек населения¹¹. Смертность и рождаемость измерялись 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году, естественный прирост – разностью между рождаемостью и смертностью. Результаты расчетов сведены в помещенную далее таблицу. Господствовавшие в каждом из регионов тенденции динамики воспроизводства населения в виде линейных трендов представлены нами для наглядности далее в трех графиках.

Анализ хронологической динамики воспроизводства населения в регионах Азиатской России начнем с изменения коэффициентов *смертности*.

Данные таблицы и рис. 1 демонстрируют характерную для всех зауральских регионов, как и для цен-

¹¹ Показатели, приведенные далее в таблице, рисунках и в тексте статьи, если они не сопровождаются другими ссылками, подсчитаны по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104 (3-я pag.); Отчет... за 1902 г. 1904. С. 28–29, 54–55 (3-я pag.); Отчет... за 1903 г. 1905. С. 28–29, 54–55 (3-я pag.); Отчет... за 1904 г. 1906. С. 28–29, 54–55 (3-я pag.); Отчет... за 1905 г. 1907. С. 28–29, 54–55 (3-я pag.); Отчет... за 1906 г. 1908. С. 30–31, 58–59 (3-я pag.); Отчет... за 1907 г.: таблицы. 1909. С. 35, 67; Отчет... за 1908 г.: таблицы. 1910. С. 35, 67; Отчет... за 1909 г. 1911. С. 34–35, 66–67 (3-я pag.); Отчет... за 1910 г. 1912. С. 34–35, 66–67 (3-я pag.); Отчет... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1913 г. 1915. С. 66–67, 98–99 (3-я pag.); Отчет... за 1914 г. 1916. С. 34–35, 66–67 (3-я pag.).

Естественное движение населения центра и восточных регионов страны на рубеже XIX–XX вв. по годам, ‰

Год	Европейская Россия	Степной край	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
Смертность					
1897	30,5	17,9	28,5	32,9	21,2
1898	31,2	15,0	30,5	32,6	19,3
1899	29,2	22,1	32,2	32,6	23,9
1900	29,2	22,7	37,3	33,8	25,3
1901	30,3	17,8	30,1	31,2	24,7
1902	29,9	15,5	32,6	30,1	22,0
1903	28,6	15,6	26,6	31,1	24,3
1904	28,6	21,9	35,2	31,4	20,4
1905	30,5	19,7	30,0	33,0	23,5
1906	28,8	20,6	34,3	28,5	23,8
1907	27,4	20,6	34,1	30,5	24,0
1908	27,2	19,9	34,7	33,7	23,9
1909	28,4	20,0	32,7	32,7	21,1
1910	29,8	24,8	32,3	32,3	22,5
1911	26,0	21,4	28,1	28,1	23,1
1912	25,1	21,1	29,2	29,2	22,2
1913	24,9	21,0*	29,3	29,3	17,4
1914	22,5	21,0*	29,1	29,1	20,2
Рождаемость					
1897	47,4	27,4	50,6	46,3	37,9
1898	46,5	22,1	47,9	44,6	33,9
1899	46,5	31,6	52,0	45,0	36,0
1900	46,7	32,1	54,0	47,4	35,9
1901	47,2	29,2	52,5	47,5	38,7
1902	46,1	27,1	49,6	46,2	38,9
1903	46,5	26,5	51,7	45,1	39,0
1904	43,5	29,4	51,5	42,7	36,0
1905	45,4	25,6	44,9	39,1	42,3
1906	45,6	32,8	53,6	39,9	40,8
1907	43,4	33,1	53,7	45,0	34,2
1908	42,9	33,1	54,4	49,5	40,9
1909	43,2	33,6	57,0	49,4	36,1
1910	43,0	39,1	55,9	48,8	37,7
1911	41,8	36,7	52,5	49,0	38,9
1912	39,2	36,3	51,8	46,5	37,9
1913	36,9	36,5*	51,9	45,8	33,7
1914	36,9	36,5*	52,3	49,2	39,7
Естественный прирост					
1897	16,9	9,5	22,1	13,4	16,7
1898	15,3	7,1	17,4	12,0	14,6
1899	17,3	9,5	19,8	12,4	12,1
1900	17,5	9,4	16,7	13,6	10,6
1901	16,9	11,4	22,4	16,3	14,0
1902	17,3	11,6	17,0	16,1	16,9
1903	17,5	10,9	25,1	14,0	14,8
1904	17,9	7,5	16,3	11,3	15,6
1905	13,0	5,9	14,9	6,1	18,8
1906	16,6	12,2	19,3	11,4	17,0
1907	18,2	12,5	19,6	14,5	10,2
1908	16,2	13,2	19,7	15,8	17,0
1909	14,5	13,6	20,3	16,7	15,0
1910	13,4	14,3	21,9	16,5	15,2
1911	17,0	15,3	20,2	20,9	15,8
1912	16,7	15,2	19,5	17,3	15,7
1913	14,3	15,5*	18,6	16,5	16,3
1914	14,4	15,5*	20,6	20,1	19,5

* В качестве годовых величин показаны коэффициенты, средние за два года (1913–1914).

тра страны, очень высокую смертность населения. Средняя величина коэффициентов смертности была больше всего в Западной Сибири – 32,6 ‰, чуть меньше в Восточной – 31,2 ‰. Оба эти региона имели смертность более высокую, чем Европейская Россия (28,2 ‰). От центрального региона, как и от соседних сибирских, заметно «отставали» Дальний Восток (средний показатель – 22,4 ‰) и особенно Степной

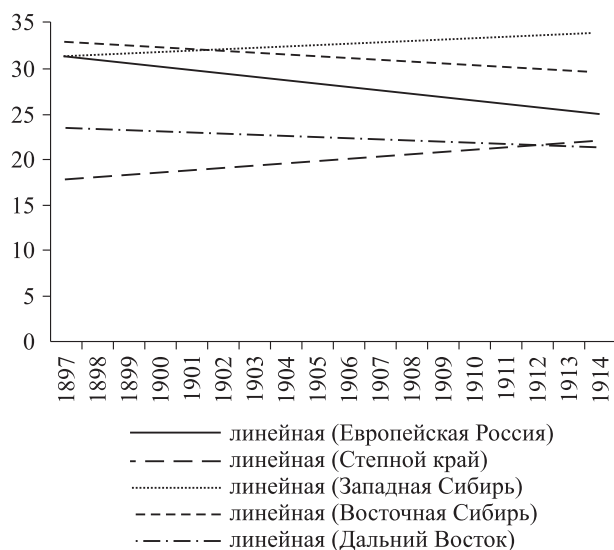

Рис. 1. Направленность динамики смертности населения в центре и восточных регионах страны, ‰

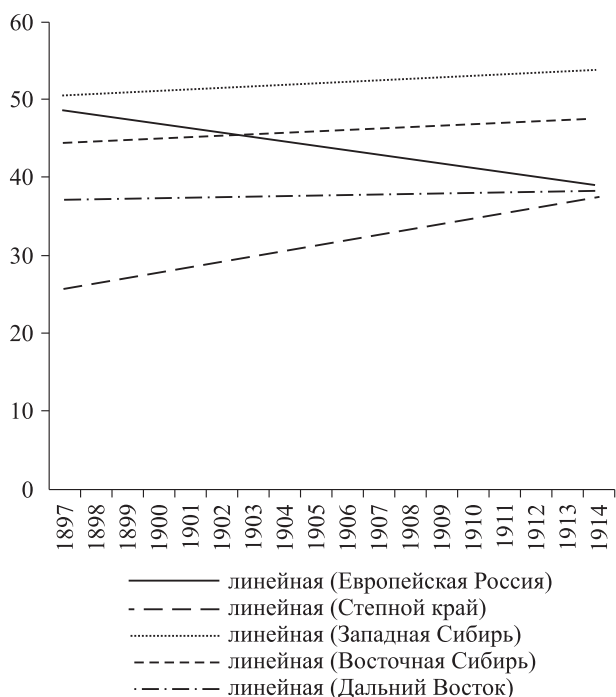

Рис. 2. Направленность динамики рождаемости населения в центре и восточных регионах страны, ‰

край (19,9 ‰). Высокая смертность населения России была яркой чертой уже устаревшего к началу XX в., но продолжавшего еще доминировать традиционного типа воспроизводства населения. В то же время линейные тренды на рис. 1 показывают общую новую черту в динамике летальности жителей Восточной Сибири и Дальнего Востока: снижение показателей в конце изучаемого периода по сравнению с его началом.

Эта черта роднит два азиатских региона с Европейской Россией, где аналогичная тенденция снижения летальности выражалась еще более последовательно и определено. Некоторое снижение смертности, отразившееся и в других исторических источниках и отмеченное в авторитетных научных трудах, стало одним из скромных достижений процесса демографического перехода, наметившегося в России на рубеже XIX–XX вв. Как и в центре страны, на восточных окраинах первые позитивные результаты появились благодаря усилиям государственных органов, общественного самоуправления, отдельных предприимчивых людей по развитию санитарно-гигиенической и общей культуры населения, становлению сети медицинского обслуживания. Характерно, что именно Дальний Восток имел относительно низкий уровень смертности, который к тому же со временем сокращался. Дело в том, что на Дальнем Востоке (за исключением Якутии) была наиболее высока и быстро росла доля городского населения, а ведь именно в городах первые успехи демографической модернизации были наиболее заметными [9, с. 5–11].

Оговоримся, что изучаемая ситуация не допускает идеализации. График на рис. 1 показывает, что в Западной Сибири и Степном крае господствовала тенденция повышения смертности населения. Объясняя этот факт, обратим внимание, что в названных регионах в изучаемый период росла и рождаемость. В условиях, когда общий уровень смертности зависел главным образом от летальности младенцев и детей, действовала закономерность: чем больше детей рождается, тем больше их и умирает.

Важнейшую роль в повышении смертности населения Западной Сибири и Степного края сыграл подъем массового переселенческого движения из Европейской России за Урал, основными центрами притяжения которого были как раз оба названных региона. Пик аграрного переселенческого движения пришелся на 1906–1909 гг., он и определил направление тренда динамики смертности. Известно, что в среде мигрантов и зауральских новоселов была особенно высокая смертность – вследствие низкого уровня их благосостояния и социальной защищенности, большой доли в их среде детей, наиболее уязвимых для болезней. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке осело намного меньше переселенцев, поэтому повышенная смертность в их среде не повлияла на общую картину воспроизводственных процессов в этих регионах.

В процессе воспроизводства населения ключевую роль играет *рождаемость*. Данные таблицы и график на рис. 2 позволяют раскрыть некоторые закономер-

ности динамики репродукции населения в регионах Азиатской России.

Как и в случае со смертностью, отмечается очень высокий уровень рождаемости и в азиатской, и в европейской частях страны. По своим средним величинам коэффициенты рождаемости выстраиваются в той же последовательности и в тех же соотношениях, что и средние показатели смертности. Наибольшей была рождаемость в Западной и Восточной Сибири, достигавшая соответственно 52,1 и 45,9 ‰ и превышавшая уровень Европейской России (43,8 ‰). Репродукция на Дальнем Востоке и особенно в Степном крае протекала менее интенсивно, ее средние величины составляли 37,7 и 31,6 ‰.

Высокая рождаемость была явлением закономерным в условиях господства традиционных общественных порядков. Она позволяла компенсировать непомерно высокую смертность, отражала отсутствие эффективных способов контрацепции, жизненный фатализм людей и их приверженность церковным установлениям. Рождаемость в своей количественной и содержательной динамике являлась более устойчивой, чем смертность, поскольку меньше зависела от конъюнктурных социально-экономических, политических, социокультурных факторов.

График с линейными трендами (рис. 2) показывает, что Европейская Россия, в отличие от азиатских регионов страны, испытывала в конце XIX – начале XX в. заметный спад рождаемости. На Дальнем Востоке репродукция имела стабильные показатели, но в трех остальных регионах Азиатской России они со временем повышались. Данные в таблице позволяют заключить, что это повышение обуславливалось всплеском рождаемости в 1906–1909 гг. В некоторой степени данный всплеск носил компенсаторный характер. После Русско-японской войны и революционных потрясений 1905 – начала 1906 г., когда сибиряки заключали меньше браков, вынужденно откладывали зачатие и рождение детей, имел место демографический бум. Наибольшие масштабы он приобрел в Степном крае и Западной Сибири, которые привлекали в годы Столыпинской аграрной реформы больше всего переселенцев из Европейской России. Среди новоселов было особенно много молодых людей, охотно вступавших в брачные и репродуктивные отношения.

Что касается динамики *естественного прироста* населения, то таблица и график на рис. 3 позволяют выяснить, как соотносились между собой и изменялись со временем показатели, интегрировавшие масштабы смертности и рождаемости населения в разных регионах Азиатской России.

Самыми высокими были показатели естественного прироста в Западной Сибири – средний коэффициент достигал 19,5 ‰. Второе место занимал Дальний Восток (15,3 ‰), затем шли Восточная Сибирь и Степной край с показателями 14,7 и 11,7 ‰. Поскольку в Западной Сибири жило около двух третей населения всей Азиатской России, очевидно,

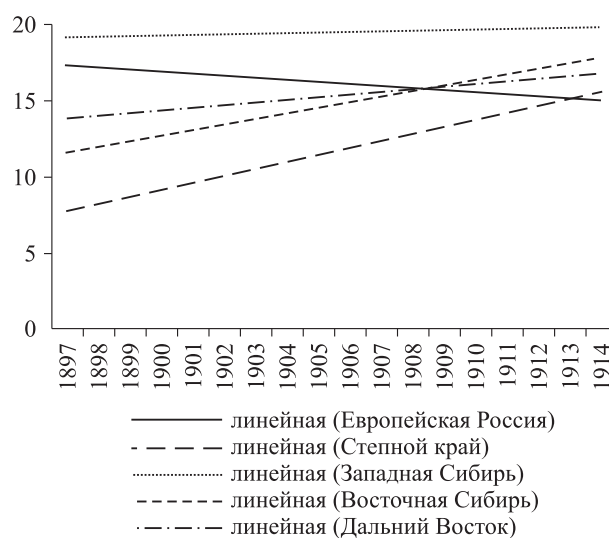

Рис. 3. Направленность динамики естественного прироста населения в центре и восточных регионах страны, ‰

что западносибирский показатель определял общий уровень прироста на востоке страны, равный 19,2 ‰. В Европейской России прирост был меньшим – 16,2 ‰, как и в целом по Российской империи (без Финляндии) – 16,8 ‰ [2, с. 80].

Во всех регионах Азиатской России прирост населения неуклонно увеличивался, быстрее всего – в Степном крае. К концу изучаемого периода линейный тренд повсеместно превысил уровень 15 ‰, а в Западной Сибири достиг даже 20 ‰. Такие показатели вполне можно считать «взрывными». Историки считают, что «демографический взрыв» (резкое повышение естественного прироста населения) намечался и в Европейской России, но не случился там из-за политических потрясений начала XX в. Как показывает рис. 3, в центре страны происходило даже некоторое снижение уровня естественного прироста.

В заключение отметим следующее. На рубеже XIX и XX вв. во всех «сибирских» регионах Азиатской России, как и в европейской части страны, существовали свойственные традиционному типу воспроизводства населения высокий уровень рождаемости и смертности, соответствующий баланс естественного прироста. Однако средние показатели и векторы демографической динамики в разных регионах отличались. Это объясняется спецификой социальной, этнической, сословной и демографической структуры населения, разными масштабами миграционных влияний. Наибольшее сходство обнаруживается у Западной Сибири и Степного края, принимавших больше всего переселенцев из центра страны. К ним примыкает Восточная Сибирь, имевшая все же значительное своеобразие. Особняком стоял Дальний Восток, для населения которого была характерна сильная половозрастная и брачная диспропорция, и этот регион играл слабую роль в аграрных миграциях изучаемого нами времени.

В ходе исследования обнаружились отличия режима воспроизводства населения в азиатских регионах страны и Европейской России. Наиболее яркое из них заключалось в разной направленности динамики рождаемости и естественного прироста. Привлеченные нами материалы позволили выявить в Азиатской России признаки, пока еще слабые, начала перехода к модернизированному типу воспроизводства населения. Речь идет о сокращении смертности в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, о быстром повышении уровня естественного прироста во всех регионах. Признаки начальной фазы перехода проявлялись бы еще больше, если бы их не затушевывали, особенно на этапе 1906–1909 гг., экстремально высокие показатели рождаемости и смертности среди переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
2. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
3. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
4. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
5. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.
6. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.
8. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
9. Зверев В.А. Динамика воспроизводства городского населения в регионах Азиатской России начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 5–11.

REFERENCES

1. Rashin A.G. Population of Russia for 100 years (1811–1913): statistical essays. Moscow: Gosstatizdat, 1956, 352 p. (In Russ.)
2. Sifman R.I. Population dynamics in Russia in 1897–1914. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow, 1977, pp. 62–82. (In Russ.)
3. Kabuzan V.M. Occupancy of Siberia and the Far East in the late XVIII – early XX centuries. *Istoriya SSSR*. 1979, no 3, pp. 22–38. (In Russ.)
4. Kabuzan V.M. The Far Eastern region in the XVII – early XX centuries (1640–1917): a historic-demographic essay. Moscow: Nauka, 1985, 260 p. (In Russ.)
5. Pronin V.I. Population of Siberia for 50 years (1863–1913). *Istoriya SSSR*. 1981, no 4, pp. 50–69. (In Russ.)
6. Rybakovskii L.L. Population of the Far East over 150 years. Moscow: Nauka, 1990, 168 p. (In Russ.)
7. Demographic modernization of Russia, 1900–2000. Ed. by A.G. Vishnevskii. Moscow: Novoe izd-vo, 2006, 608 p. (In Russ.)
8. Mironov B.N. The Russian Empire: from the tradition to modern. Vol. 1. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2014, 536 p. (In Russ.)
9. Zverev V.A. Dynamics of the urban population reproduction in Asian Russia regions in the early XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no 1, pp. 5–11. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.09.2017

DOI: 10.15372/HSS20170411
УДК 711.433 "1939/1945"

В.А. ИСУПОВ

КАК РАССЧИТЫВАЛИ ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Одним из самых непростых вопросов отечественной исторической демографии является сегодня определение численности населения России и ее отдельных регионов в годы Второй мировой войны. Недостаточная изученность этих сюжетов обусловлена не только долгими годами идеологического табуирования, но и невероятно сложным источниковедческим аспектом проблемы. Статистические материалы, которые используют современные историки, изучающие демографические последствия войны, страдают огромными погрешностями. Они не точны, противоречивы и подчас несопоставимы. В статье впервые в отечественной исторической демографии предпринята попытка охарактеризовать работу советских статистиков, проводивших в военные годы расчеты численности населения, а также дать критический анализ статистических источников, на которые они опирались.

Ключевые слова: численность, население, людские ресурсы, естественный прирост, механический прирост, исторический источник, статистика, метод расчета.

V.A. ISUPOV

HOW WAS POPULATION SIZE CALCULATED DURING WORLD WAR II

Institute of History, SB RAS
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

Estimating population size in Russia and its regions during World War II is among the most difficult problems of the Russian historical demography. Insufficient study of the subject is due to the ideological taboo over a long period, as well as incredibly complex source-study aspect. Statistical data used by historians studying demographic effects of the war are inaccurate, contradictory and sometimes incomparable. Before World War II the most inaccurate source of information about the population in Russia was the All-Union Census of the Soviet Union of 1939. In order to determine the population size between the censuses one needs data on parameters of population migrations (arrivals and departures number), as well as natural movement of population (births and deaths numbers). However, there was no accurate data on birth, death or migration during the Great Patriotic War. This fact made it difficult to calculate the population abundance. Besides, during the Great Patriotic War, there was a failure in the data collection system. It was caused by movements of multimillion population (evacuation, military and mobilization); changing boundaries of territories with registered population due to occupation of Russia's western regions; evacuation of statistical bodies responsible for registration of population to the eastern parts of the country. It required immense efforts from statisticians to streamline the work of bodies conducting registration of population. New sources specifying the population size also played an important role. During the war the village Soviets were used to control calculations in the countryside, while in the cities registration was conducted on the basis of ration cards. The article attempts to characterize the Soviet statistics activity during the war and critically examines statistical sources upon which it relied.

Key words: population size, human resources, natural increase, mechanical increase, historical source, statistics, calculation method.

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 16-01-00412 «Людской потенциал Сибири в условиях системной трансформации российского общества в XX веке».

Владимир Анатольевич Исупов – д-р ист. наук, профессор, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru.

Vladimir A. Isupov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department, Institute of History SB RAS.

Абсолютные данные о численности населения очень важны. На их основе определяются объемы военно-мобилизационных ресурсов, вероятные резервы рабочей силы. Сведения о численности населения используются в экономическом планировании, в расчетах норм снабжения, обеспечения населения учреждениями здравоохранения, детскими садами, школами и т.д. Данные о численности населения необходимы и при расчетах демографических коэффициентов.

В годы Великой Отечественной войны потребность в данных о численности населения резко обострилась. С началом войны выяснилось, что государственные институты, ответственные за мобилизацию людского потенциала, не имеют ясного представления о численности населения. Характерно признание, содержащееся в капитальном докладе, посвященном социально-экономической ситуации в Новосибирской области в первый год войны. Доклад был подготовлен сотрудниками Новосибирского обкома ВКП(б), облисполкома и местными научными работниками летом 1942 г. В нем подчеркивалось: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих процессов (демографических. – *В.И.*), точных статистических материалов, характеризующих состояние дела, – не имеется. Между тем этот вопрос приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию»¹. На практике властям при расчете людских ресурсов приходилось действовать не по заранее составленному плану, а принимать решения согласно ситуации, далеко не во всех случаях основанные на точных данных. Это затрудняло работу по организации воинской мобилизации и направлению рабочей силы на производство.

В основе статистической сумятицы лежали, с одной стороны, фальсификации, допущенные в ходе обработки переписи 1939 г., а с другой – недостатки текущего учета естественного и механического движения населения. В хаосе первых месяцев войны статистическая неразбериха заметно усилилась. Она была обусловлена многомиллионными территориальными перемещениями населения (эвакуация, воинские мобилизации), изменениями границ учета в связи с оккупацией западных регионов России, перемещением на восток статистических органов, ответственных за учет населения. Только 31 декабря 1941 г. последовало распоряжение начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского по преодолению допущенного сбоя. Распоряжение, адресованное руководителям региональных статистических управлений, устанавливало сроки представления оперативной группе ЦСУ СССР, эвакуированной в г. Куйбышев (ныне Самара), важнейших статистических материалов. Региональным ста-

тистикам предписывалось 1–5 числа каждого месяца телеграфно направлять предварительный расчет численности населения. Не позднее 20 числа каждого месяца местные статистики почтовым отправлением обязаны были сообщать уточненный расчет численности населения². Этим сведениям придавалось особое значение. «Работа по статистике населения должна стать одной из основных в работе областных (краевых, республиканских) статуправлений», – писал 7 февраля 1942 г. В.Н. Старовский³. Подчеркивая важность ежемесячных расчетов по исчислению ЦСУ СССР И.Ю. Писарев в письме от 15 июня 1943 г., адресованном начальникам региональных статистических управлений, счел необходимым подчеркнуть личную ответственность начальников региональных статистических управлений за точность расчетов: «Расчеты должны обязательно детально проверяться начальником статистического управления и должны представляться в вышестоящие статистические управления *за подписью* (курсив наш. – *В.И.*) начальника статистического управления»⁴.

В Советском Союзе численность населения определялась на основе переписей населения, а в межпереписные периоды расчетным путем. Для этого к данным последней переписи прибавлялись числа родившихся и прибывших и вычитались числа умерших и выбывших. Таким образом, расчет требовал сведений о размерах естественного и механического прироста населения. Как видим, собственно методика исчислений не представляла сложности. Но это кажущаяся простота, так как в течение всей Великой Отечественной войны точных данных обо всех слагаемых расчета – числе родившихся и умерших, прибывших и выбывших – не имелось.

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. после ряда строгих мер, принятых правительством, в РСФСР прочно утвердилась достаточно стройная система учета естественного движения населения. Первичный учет рождений и смертей в городах проводили загсы. В сельской местности и рабочих поселках их функции выполняли сельские и поселковые советы. Каждый гражданин обязан был самостоятельно явиться в загс (сельский или поселковый совет) и зарегистрировать рождение ребенка или смерть родственника. По истечении месяца полученные сведения передавались в районный загс, который функционировал на правах отдела НКВД (после передачи в 1935 г. загсов из ведения местных советов в состав НКВД). В районном загсе составлялась в двух экземплярах ведомость регистрации актов гражданского состояния. Один экземпляр ведомости направлялся в загс областного (краевого, республиканского) управления НКВД, после чего поступал в центральные органы НКВД. Второй эк-

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 239. Л. 177.

³ Там же. Д. 340. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 404. Л. 19.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 23.

земляр ведомости направлялся районному инспектору ЦСУ, который после проверки сведений адресовал их в областные (краевые, республиканские) статистические управления, откуда они (после суммирования данных по области, краю или автономной республике) поступали в ЦСУ. Таким образом, осуществлялся двойной счет – по линии НКВД и по линии ЦСУ. Это позволяло контролировать точность регистрации актов гражданского состояния.

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. загсы были созданы практически на всей территории РСФСР. В 1940 г. 99,9 % населения страны оказалось в сфере их учета⁵. Но полный охват населения учетом не означал, что регистрировались все демографические события. Полнота первичных записей в загсах была недостаточной, поскольку не все граждане являлись в загсы для фиксации рождений и смертей. В итоге формировалась погрешность. По оценке Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, в РСФСР в 1940 г. коэффициент недоучета составлял по родившимся – 4 %, по умершим – 11 %, в 1946 г. соответственно 7 и 12 % [1, прилож. 2]. Для военных лет такого рода оценок не существует, но данные за 1940 г. и 1946 г. указывают на значительные размеры погрешности и в военные годы. Неточная регистрация родившихся и умерших сильно затрудняла расчеты численности населения.

Еще большие погрешности допускались при определении масштабов механического прироста населения. Первичными документами статистики механического движения населения являлись адресные листки и прилагавшиеся к ним отрывные талоны. Они заполнялись при прописке и выписке паспортов домоуправлениями, комендантами общежитий и другими лицами, ответственными за прописку, и передавались в паспортные столы милиции (НКВД). Отрывные талоны адресных листов органы милиции переправляли инспекторам ЦСУ, которые в свою очередь передавали материалы в областные, краевые и республиканские статистические управления. Последние направляли обобщенные сведения о количестве прибывших и выбывших в ЦСУ для получения обобщенных по стране сведений.

Но гладко было на бумаге... На практике фиксация прибывших и выбывших грешила большими неточностями. Значительная часть сельского населения – колхозники, а вместе с ними и оставшиеся единоличники вообще были лишены паспортов. Таким образом, перемещения многомиллионной массы сельского населения вообще не регистрировались паспортной статистикой. Но и те граждане, которые имели паспорта, далеко не во всех случаях оформляли прописку или выписку. Многим отказывали в прописке органы милиции, и они проживали в городах без прописки. И.Ю. Писарев, который в начале 1941 г. занимал должность начальника отдела демографии ЦСУ СССР, в «Указаниях к составлению предварительного расчета общей численности населения на 1 января

1941 г.» отмечал, что прописка прибывающего населения проводится не полностью, наблюдается значительная «недовыписка», а это ведет к преувеличению прироста городского населения⁶.

С началом войны, когда в города тыловых районов страны хлынул многомиллионный поток беженцев, фиксация прибывших – выбывших ухудшилась. В частности, выявлению размеров механического прироста населения препятствовало распоряжение Главного управления милиции от 24 ноября 1941 г., отменившее исполнение отрывных талонов на эвакуированных⁷. Писарев в письме, адресованном начальникам территориальных статуправлений, 26 августа 1941 г. отмечал: «Наибольшие трудности связаны с исчислением механического движения населения. При этом расчете ни в коем случае не следует без критики принимать отчетные цифры, так как материалы милиции о прописке и выписке могут оказаться неточными»⁸.

Власти практиковали строгие меры для улучшения учета. Так, в 1943 г. было восстановлено заполнение отрывных листков на эвакуированных⁹. Активнее оформлять прописку вынуждало горожан и введение карточной системы, так как от этого зависело получение продуктовых карточек. Немаловажную роль играла перенаселенность жилищ. Чтобы избежать подселения новых жильцов, в частности эвакуированных, приходилось строже относиться к прописке. Большое значение имели усилия властей по ужесточению паспортного контроля. Органами милиции нередко организовывались контрольные обходы жилищ и даже облавы в местах скопления людей с целью проверки паспортов и выявления граждан, проживавших без прописки. Нарушение паспортного режима считалось уголовным преступлением и каралось по части первой ст. 192-а УК РСФСР. Принятые меры несколько разрядили напряженность с учетом населения, но не смогли кардинально исправить ситуацию. До самого конца войны регистрация механического движения населения велась с огромными погрешностями.

Вместе с тем, в военные годы появились дополнительные источники сведений о населении, которые предоставляли статистикам возможность снизить вероятность ошибок, обусловленных недостатками текущего учета населения. В сельской местности контрольным ориентиром служили данные похозяйственного учета, проводившегося сельскими советами. В ходе похозяйственного учета в специальных книгах фиксировались колхозники, рабочие, служащие, кооперированные и некооперированные кустари, единоличники и представители других групп сельского населения. Учитывались также воспитанники сельских детских

⁶ Там же. Оп. 20. Д. 239. Л. 84–85.

⁷ Там же. Оп. 329. Д. 1025. Л. 18.

⁸ Там же. Оп. 20. Д. 239. Л. 137.

⁹ Указания районному (городскому) инспектору ЦСУ Госплана СССР по организации и ведению статистической работы в районе (городе). М., 1943. С. 39.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 402. Л. 57.

домов и пансионеры домов инвалидов. Книги похозяйственного учета заполнялись секретарями сельсоветов в ходе подворных обходов, которые осуществлялись два раза в год – 1 января и 1 июля. В сущности, проводилась своеобразная микроперепись, дававшая достаточно полные сведения о численности наличного сельского населения [2, с. 205–206; 3, с. 260–262].

На основании санкции заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова, В.Н. Старовский 21 ноября 1942 г. издал приказ, согласно которому статистикам с 1 января 1943 г. разрешалось использовать учетные материалы сельсоветов для определения численности населения как по стране в целом, так и по ее отдельным регионам. Этим же приказом была утверждена форма «С» – «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения»¹⁰. Таким образом, в 1943 г. советские статистики значительно расширили базу для расчетов численности сельского населения. Учитывая мобилизационное и фискальное значение похозяйственных книг, отношение к учетным данным сельсоветов и проводимым на их основе расчетам было самое взыскательное.

В городских поселениях учет численности населения имел свои особенности. Здесь сильной стороной статистического учета в военные годы оказалась регулярная сверка численности городского населения с данными карточных бюро. Для этого Наркомат торговли СССР направлял сведения о количестве выданных продуктовых карточек в органы статистики. Это позволяло уточнять данные о численности городского населения. С 1 января 1943 г. с целью упорядочить выдачу продуктовых карточек и предотвратить злоупотребления в СССР были введены так называемые индивидуальные стандартные справки, которые в обязательном порядке получали горожане. Стандартные справки распространялись на широкий круг городского населения: рабочих, служащих, студентов, иждивенцев, надомников, состоящих в штатах предприятий, пенсионеров, инвалидов, кустарей, членов семей военнослужащих. Лица, не получившие стандартную справку, лишались карточек. Заинтересованность граждан в получении стандартной справки способствовала заметному повышению точности учета, связанного с выдачей продовольственных карточек. Статистики при расчетах численности городского населения учитывали группы, которые не получали карточек, но состояли на государственном обеспечении: дети в детских домах, лица, находившиеся в домах инвалидов, в больницах и т.д. Сведения о них статистики получали непосредственно от руководителей учреждений. Таким образом, с начала 1943 г. учет городского населения был существенно улучшен.

Большие трудности для расчетов численности населения страны представляли изменения ее внешних границ. В отличие от Советского Союза в целом, где после 17 сентября 1939 г. произошло кардинальное расширение территории, изменения внешних границ

РСФСР в 1939 – июне 1941 г. были незначительными. Но с началом Великой Отечественной войны стремительное наступление вермахта и его союзников сужало границы учета. Из сферы советского статистического контроля выпадали оккупированные территории. Вместе с тем менялась и численность учитываемого населения. В 1940 г. в РСФСР органы статистики охватывали учетом 108,8 млн чел.¹¹ К декабрю 1941 г. в сфере статистического учета РСФСР (на неоккупированной территории) осталось приблизительно 73 млн чел.¹² Через год, к декабрю 1942 г., на неоккупированных территориях России проживали 68 млн чел.¹³

Наступление Красной армии означало расширение учетных территорий. На освобожденных землях органы учета немедленно восстанавливались. Этому в немалой степени способствовало постановление СНК СССР от 4 марта 1943 г. «О восстановлении учета и отчетности в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов»¹⁴. В декабре 1943 г. в РСФСР на охваченных статистическим учетом территориях насчитывалось примерно 76 млн чел.¹⁵

На расчеты численности населения отдельных регионов большое влияние оказывали частые изменения административно-территориального устройства. В военные годы был запущен процесс дробления крупных административно-территориальных единиц. Так, если в 1940 г. в РСФСР имелось 52 административных территории (36 краев и областей и 16 автономных республик), то в 1945 г. – 73 административные территории (61 край и областей и 12 автономных республик)¹⁶. Классическим примером может служить Новосибирская область, из состава которой в военные годы были выделены Кемеровская и Томская области. Если в границах довоенных лет площадь Новосибирской области составляла 582 тыс. км², то в границах конца войны – немногим более 178 тыс. км² [4, с. 9]. Изменения территории административных регионов влекли за собой и изменения численности населения, что требовалось учитывать при расчетах численности населения.

На соотношение численности городского и сельского населения большое воздействие оказывали административный перевод некоторых сельских населенных пунктов в городские, создание новых (на пустом месте) городов и рабочих поселков, потеря некоторыми городскими поселениями своего статуса. В 1942–1945 гг. в СССР (без присоединенных в 1939–1940 гг. территорий) появилось 73 города и 265 поселков городского типа. Из 73 новых городов 59 были ранее поселками городского типа, 10 стали

¹¹ Там же. Оп. 329. Д. 402. Л. 57.

¹² Там же. Д. 553. Л. 1

¹³ Там же. Д. 794. Л. 4.

¹⁴ Материалы и указания по организации учета и статистики в областях и районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов. М., 1944. С. 3.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 796. Л. 159.

¹⁶ РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 г. М., 1940. С. 7; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1945 г. С. 10.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 314. Л. 13.

городами непосредственно из сельских населенных пунктов, 4 возникли «на пустом месте». В годы войны 20 поселков городского типа слились с городами в результате расширения территории «старых» городов, 1 город был преобразован в поселок городского типа, а 6 поселков городского типа «разжалованы» в сельские поселения [5, с. 76–78].

Чтобы учесть трансформации административно-территориального устройства статистики завели специальную картотеку. В нее заносились административные изменения, влиявшие на увеличение или уменьшение численности населения или на соотношение городского и сельского населения в районах, областях, краях, республиках¹⁷. При этом многое зависело от тщательности ведения картотеки. Учитывая важность работы, в отделе демографии ЦСУ СССР в 1944 г. были разработаны специальные инструктивные указания для региональных статистиков по поводу ведения картотеки¹⁸.

Итак, к 1943 г. в советской статистике сложилась матрица, по которой велись ежемесячные расчеты численности населения отдельных регионов. Приведем для примера образец матрицы расчета численности населения тылового района РСФСР на 1 января 1944 г.

I. Форма «Н». (Расчет на основе текущей регистрации естественного и механического движения населения).

Показатель	Городское	Сельское	Всего
1. Численность населения на 1 декабря 1943 г.	Тыс. чел.	Тыс. чел.	Тыс. чел.
2. Естественный прирост за декабрь	»	»	»
3. Прибыло за декабрь	»	»	»
4. Выбыло за декабрь	»	»	»
5. Изменения за счет административно-территориальных преобразований	»	»	»
6. Численность населения на 1 января 1944 г.	»	»	»
В том числе:			
Прибывшие по эвакуации	»	»	»

II. Вспомогательный расчет городского населения на основе индивидуальных стандартных справок для получения хлебных карточек.

А. Число всех выданных за январь хлебных карточек.

Б. Число карточек, выданных лицам, которые не должны входить в численность наличного городского населения (минус).

В. Число городских жителей, не получающих хлебных карточек (плюс)

Г. Численность наличного городского населения на 1 января (после сверки с данными формы «Н») – тыс. чел.

III. Форма «Р» (итоговая). Численность городского и сельского населения.

Категория населения	Число наличных хозяйств (по данным сельсоветского учета)	Численность населения (итоговая)
I. Городское	X	Тыс. чел.
II. Сельское	Тыс. чел.	Тыс. чел.
а) колхозники	»	»
б) единоличники	»	»
в) другие группы	»	»
Итого сельское население	»	»
Всего (I + II)	X	»

Благодаря применению матрицы местные статистики получали если не точные, то, во всяком случае, близкие к подлинным сведения о численности населения. Затем эти материалы передавались в центральные органы статистики для получения сводных по стране данных.

Важной, но так и не решенной проблемой определения численности населения в годы Великой Отечественной войны было наличие особых групп, не учитываемых советской статистикой. В документах военных лет они обозначались как «нераспределенные по территории». К ним относили тех, кто проходил службу в Вооруженных Силах, находился в госпиталях и заключении. В подавляющем большинстве обнаруженных нами архивных документов периода Великой Отечественной войны имеется служебная пометка: «Без армии, госпиталей и спецконтингента».

В результате оценки численности населения страны в предвоенные и военные годы не сопоставимы. Перепись 1939 г. и сделанные на ее основе расчеты численности населения за 1940 г. и начало 1941 г. учитывают военнослужащих, больных и раненых в госпиталях, а также заключенных (спецконтингент). Во второй половине 1941–1945 гг. эти группы в расчетах игнорировались. В уже упомянутом выше письме заместителя начальника ЦСУ СССР И.Ю. Писарева от 15 июня 1943 г. указывалось, что в расчеты численности населения регионов не включаются лица, находящиеся в Вооруженных Силах, в госпиталях и местах заключения¹⁹. Чтобы обозначить масштаб данного явления, укажем, что на 1 января 1942 г. по территории СССР не было распределено 24,5 млн чел.²⁰, а на 1 января 1945 г. – 16 млн чел.²¹.

По данным переписи 1939 г., численность населения РСФСР (в границах 1939 г.) составляла 109,4 млн чел. [6, с. 21]. К 1 января 1941 г. по расчетам статистиков, выполненным на основе данных переписи 1939 г., население РСФСР возросло до 111,7 млн чел.²² На

¹⁹ Там же. Д. 404. Л. 19.

²⁰ Там же. Д. 791. Л. 68.

²¹ Там же. Оп. 329. Д. 2219. Л. 119.

²² Там же.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 189. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 471. Л. 27.

1 января 1945 г. население РСФСР составило 90,3 млн чел.²³, а на 1 января 1946 г. – 90,9 млн чел.²⁴ Но это не значит, что за годы войны (1941–1945 гг.) население РСФСР сократилось более, чем на 21 млн чел. В итоговую цифру численности населения РСФСР в 1945 г. не вошли нераспределенные по территории (по СССР таковых насчитывалось, как уже говорилось, 16 млн чел.). Но распределить эти 16 млн по отдельным союзным республикам пока не представляется возможным. Кроме того, в расчет численности населения 1945 г. не включены лица, угнанные в Германию, и военнопленные. Таким образом, данные за предвоенные и военные годы не сопоставимы.

Тем не менее в заключение следует отметить высокую достоверность расчетных данных численности населения, что, безусловно, было серьезным достижением статистиков военных лет. Для подтверждения данного тезиса укажем, что современные оценки, проведенные «методом обратного счета» от переписи населения 1959 г., показали, что население РСФСР на начало 1946 г. составляло 97,5 млн чел. [1, прилож. 1]. Как видим, цифры почти совпали с расчетами 1945 г. Расхождение объясняется тем, что современная оценка включает армию, госпитали и спецконтингент.

В принципе, историки имеют достаточно надежную источниковую базу данных о динамике численности населения страны и ее отдельных регионов в годы Второй мировой войны. На ее основе имеется реальная возможность составить динамические ряды численности населения России и ее отдельных регионов за весь период Второй мировой войны (1939–1945 гг.), а также определить масштабы воинской и трудовой мобилизации. Сведения о численности населения могут быть положены в основу расчетов общих коэффициентов воспроизводства населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. М.: «Информатика», 1998. 187 с.
2. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М.; Куйбышев: Госпланиздат, 1943. 213 с.
3. Пособие по статистике для районных и участковых инспекторов ЦСУ Госплана СССР. М.: Госпланиздат, 1945. 268 с.
4. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 291 с.
5. Константинов О.А. Новые городские поселения СССР периода Великой Отечественной войны // Науч. зап. Ленингр. ун-та. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. Вып. 12. С. 67–137.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.

REFERENCES

1. Andreyev E.M., Darskiy L.E., Khar'kova T.L. Demographic History of Russia: 1927–1957. M.: «Informatika», 1998, 187 p. (In Russ.)
2. A manual on statistics for district inspectors of the USSR Gosplan Central Statistics Department. Moscow; Kuibyshev: Gosplanizdat, 1943, 213 p. (In Russ.)
3. Manual on statistics for district inspectors of the USSR Gosplan Central Statistics Department. Moscow: Gosplanizdat, 1945, 268 p. (In Russ.)
4. Isupov V.A. Urban population of Siberia: from a disaster to revival (the late 1930s – late 50s). Novosibirsk: Nauka. Siberian branch. 1991, 292 p. (In Russ.)
5. Konstantinov O.A. New urban settlements in the USSR during the Great patriotic war. *Nauchnyiye zapiski Leningradskogo un-ta*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1956, issue 12, pp. 67–137. (In Russ.)
6. The All-Union census of 1939: main results. Moscow: Nauka, 1992, 254 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.10.2017

²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2219. Л. 119.

²⁴ Там же. Оп. 20. Д. 626. Л. 2.

DOI: 10.15372/HSS20170412
УДК 94(470+571) "1950/1979"

А.А. БУРМАТОВ

ЭВОЛЮЦИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1970-е гг.

Новосибирский государственный педагогический университет,
Куйбышевский филиал
РФ, 632387, Новосибирская обл.,
г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7

В статье рассматриваются изменения в смертности населения Западной Сибири в 1950–1970-е гг. Прослеживается динамика общего показателя смертности, анализируются эволюционные изменения в смертности младенцев, в структуре смертности по причинам как всего населения, так и детей до года. Позитивные процессы, протекавшие у жителей Западной Сибири, способствовали росту средней продолжительности жизни населения, постепенному сокращению разрыва по этому показателю от других регионов России.

Основными источниками, на которых базируется исследование, являются официальные ответы территориальных органов государственной статистики регионов, входящих в Западную Сибирь, на запросы автора статьи. Материалы, предоставленные статистическими органами, составлены по одному набору показателей: численность населения (с выделением городского и сельского), абсолютные данные о числе родившихся, умерших, в том числе детей до года с разбивкой на городское и сельское население), показатели динамики движения населения. Значительная часть данных ранее использовалась исключительно «для служебного пользования» и была недоступна для исследователей.

Ключевые слова: Западная Сибирь, численность населения, естественное движение, смертность, продолжительность жизни.

A.A. BURMATOV

EVOLUTION OF MORTALITY IN WESTERN SIBERIA IN 1950–1970

Novosibirsk State Pedagogical University,
Kuibyshev branch,
7 Molodezhnaya str., Kuibyshev, Novosibirsk region, 632387, Russia

The article examines mortality evolution in West Siberia, the largest region of the Russian Federation. The region is considered within the boundaries of the same economic region at the time of the 1959 census. Statistical information for 1950–1970 was inaccessible to researchers for a long time by censorship restrictions and does not represent an integral array. In this regard, the author made a request directly to the statistical agencies of the regions of Western Siberia. Information was provided by all regions, except for the Altai Republic.

The research sources are the official data of the State Statistics Territorial Authorities in the regions of West Siberia, as well as archival sources. The materials provided by statistical agencies are compiled according to the same set of indicators: population abundance (urban and rural), the absolute number of births and deaths, including children under the age of one year (urban and rural), population movement, including infant mortality, population mortality (urban and rural). The data are represented by continuous dynamic series for 1950–1970.

The author summarized the data and calculated the indicators of natural population movement in the region as a whole according to the methodology of the State Statistics Committee of the Russian Federation. In this form, information was not published and introduced into scientific circulation for the first time.

The article objective is the population mortality reconstruction. The study resulted in recovering mortality time series and tracing evolutionary changes during the historical period under consideration. Population mortality in West Siberia constantly decreased until 1967. After that, its increase was noted. In general, the population dynamics in the region went the same way as in the whole country, but with 10–15 year lag.

Key words: West Siberia, population abundance, natural movement, mortality, life expectancy.

Александр Анатольевич Бурматов – канд. ист. наук, доцент кафедры педагогика Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета, e-mail: al-burmatov@yandex.ru

Alexander A. Burmatov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Pedagogical Department of Kuibyshev Branch of Novosibirsk State Pedagogical University of Kuibyshev Branch of Federal Public Budgetary Educational Institution of Higher Education «Novosibirsk State Pedagogical University».

В статье рассматривается эволюция смертности населения одного из крупнейших регионов РФ – Западной Сибири. Анализ выполнен в границах одноименного экономического района на момент проведения переписи населения 1959 г. Статистическая информация за 1950–1970 гг. долгое время была недоступна для исследователей и представлена отрывочными сведениями. В связи с этим автором был произведен запрос непосредственно в статистические органы регионов, входящих в Западную Сибирь. Ответы на запрос были составлены по одной программе и представляли непрерывные динамические ряды численности населения с разбивкой на городское и сельское, абсолютные данные и показатели о числе родившихся и умерших, в том числе детей до года. Кроме того, отражены показатели движения населения, в том числе младенческая смертность. Информация поступила из всех регионов, кроме Горного Алтая.

Официальные ответы территориальных органов государственной статистики регионов, входящих в Западную Сибирь, на запрос автора и стали основными источниками, на которых базируется исследование.

Т а б л и ц а 1

**Смертность населения Западной Сибири
в 1950–1970 гг.***

Год	СМЕРТНОСТЬ		
	всего	город	село
1950	11,9	11,8	11,9
1951	11,9	11,1	12,7
1952	10,7	9,8	11,6
1953	9,6	8,8	10,3
1954	9,2	8,1	10,2
1955	9,1	8,1	10,2
1956	7,6	6,7	8,4
1957	7,7	6,7	8,6
1958	7,1	6,5	7,8
1959	7,3	6,9	7,8
1960	6,8	6,4	7,3
1961	7,0	6,5	8,0
1962	7,0	6,5	7,6
1963	6,5	6,1	7,3
1964	6,6	6,3	6,9
1965	6,8	6,4	7,2
1966	6,9	6,6	7,3
1967	7,1	6,7	7,7
1968	7,4	7,0	7,9
1969	7,8	7,5	8,3
1970	7,9	7,5	8,8

* Рассчитано по результатам ответов на запрос Алтайкрай-ста № ВТ-22-22/673-ДР от 22.09.2015 г.; Кемеровостата, № 06-35/201 от 15.09.2015 г.; Новосибирскстата, № 06-56-20/1220-Д8; 20-06-10/238 от 30.10.2015 г.; Омскстата № ЕШ-57-06/684-ОГ от 30.09.2015 г.; Томскстата, № СК -72-13/1264 ДР от 11.09.2015 г. Без Горного Алтая.

Поступившие данные представляли непрерывные динамические ряды за 1950–1970 гг. Автором сведения по регионам суммировались и рассчитывались показатели естественного движения по региону в целом по методике Госкомстата РФ. В таком виде информация не публиковалась и вводится в научный оборот впервые. Цель статьи – реконструкция эволюции смертности в Западной Сибири в 1950–1970 гг.

К 1950 г. ситуация со смертностью в Западной Сибири (регион рассматривается в границах Западно-Сибирского экономического района в 1959 г.) оставалась напряженной. В 1950–1951 гг. отмечался прирост показателя смертности в сельской местности (табл. 1). В Новосибирской области прирост смертности у сельчан повысился на 0,4 %, на Алтае – на 1,0 %, в Кемеровской области – на 0,2 %, Омской области – на 0,9 %. Население жило под постоянной угрозой голода. С 1952 г. снижение смертности стало повсеместным. В городах смертность в 1950–1954 гг. неуклонно снижалась. В 1956 г. отмечено самое значительное снижение показателя смертности – на 1,5 п.п. (9,1 % до 7,6 %, или на 17 %). В городах снижение составило 1,4 %, в сельской местности – 1,8 %.

В целом по СССР с 1950 по 1960 г. смертность снизилась на 26,8 %. Продолжительность жизни увеличилась с 61,7 года в первой половине 1950-х гг. до 68,4 во второй [1, с. 362]. Фактический недоучет смертности несколько завышал данный показатель. Темп сокращения смертности в Западной Сибири после 1953 г. был более высоким, чем в целом в России. В 1950-е гг. в Западной Сибири сложилась более молодая возрастная структура населения, чем в РСФСР. В 1958–1959 гг. средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири составляла 67 лет (для мужчин 63, для женщин 71 год) [2, с. 20] (табл. 2).

В 1950–1960-х гг. младенческая смертность в Западной Сибири была выше, чем в РФ. Сказывалось отставание в социально-экономическом развитии восточных регионов. Темпы снижения смертности детей до года были выше. За 1950-е гг. в динамике младенческой смертности произошел перелом. Рассмотрим на примере Новосибирской области. Смертность детей до года снизилась в Новосибирске с 1950 по 1960 г. в 4,1 раза, в других городах и поселках городского типа – в 2,9 раза, в сельской местности – в 2,4 раза. Основной выигрыш от улучшения медицинского обслуживания получили жители областного центра, в меньшей степени – сельские жители. В конце десятилетия именно в селах и малых городах темпы сокращения младенческой смертности были выше. Экологические проблемы еще не были обострены, а медицинское обслуживание в селах было хуже. В более поздний период фактор состояния экологии в селе и небольших городах стал играть более значительную роль. По области с середины 1960-х гг. смертность детей до года оказалась в селах ниже, чем в Новосибирске. Резкое сокращение младенческой смертности произошло в 1955–1960 гг. (табл. 3).

Т а б л и ц а 2

Средняя продолжительность жизни населения Западной Сибири в 1958–1959 гг., лет*

Регион	Все население	Мужчин	Женщин	Разница, гр.4 к гр.3
Западная Сибирь	67,39	62,62	71,53	8,91
Городское	67,47	62,69	71,42	8,73
Сельское	67,34	62,53	71,47	8,94
Алтайский край	67,44	62,80	71,32	8,52
Кемеровская область	67,38	62,70	71,59	8,89
Новосибирская область	67,31	62,41	71,39	8,98
Омская область	67,58	62,95	71,45	8,50
Томская область	66,85	62,44	70,65	8,21

* Левцкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962. С. 20, 37, 41, 45, 73, 77, 81, 85, 89, 93. Расчет для обоих произведен по удельному весу в населении мужчин и женщин.

Т а б л и ц а 3

Младенческая смертность в Новосибирской области (1950–1960 гг.)*

Год	Число умерших детей до года							
	Всего		Новосибирск		Прочие города		Села	
	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰	абс.	‰
1950	7352	114	2302	128	1000	108	4050	109
1955	4981	77	1038	57	719	72	3224	88
1956	3291	52	665	39	434	46	2192	59
1957	2901	47	609	36	424	47	1868	53
1958	2758	45	689	37	422	47	1647	48
1959	2777	46	...	35	...	47	1677	52
1960	2092	35	609	31	339	37	1144	37

* Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, май 1968. С. 17, 22–23; Численность населения и развитие здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, октябрь 1959. С. 22. Расчет младенческой смертности произведен по формуле РАТСа для регионов с высокой младенческой смертностью, т.е. с весами 1/3 числа умерших предыдущего года рождения и 2/3 – текущего года рождения.

Снижение смертности по возрастам происходило неравномерно. Доля умерших детей до года в 1950 г. была выше на четверть, чем умерших в возрасте 60 лет и старше. К 1960 г. доля умерших стариков и пожилых увеличилась в 3,5 раза выше по сравнению с 1950 г. К этому моменту число умерших старых и пожилых людей составило почти половину всех смертей. В первой половине 1950-х гг. смертность сокращалась в основном в возрасте от года до 40 лет. Процентное увеличение на 10 пунктов доли умерших в старшей возрастной группе связано на 55,7 % со снижением доли умерших младенцев и на 44,3 % – со снижением доли умерших в возрасте старше 55 лет. Рост доли умерших в возрасте 50–59 лет на протяжении всего периода объясняется тем, что у этих лиц снижение показателей смертности было меньшим. Абсолютное число умерших в возрасте 50–59 лет было стабильным до 1957 г. Затем оно стало расти.

В начале 1960-х гг. почти повсеместно наблюдалось снижение смертности, хотя оно и прерывалось

эпидемиями гриппа. Последний уносил много жизней из-за вызываемых им осложнений и общего ослабления организма. Показатели смертности в целом достигли уровня одного из самых низких в мире. Минимум в 7,2 ‰ в целом по РСФСР был зарегистрирован в 1964 г. В Западной Сибири минимум пришелся на 1963 г., в 1964 г. показатель смертности прирос на 0,2 ‰. Затем смертность постоянно увеличивалась. Но темп прироста был различным, а само повышение вызывалось разными причинами. Не следует утверждать, что весь зафиксированный в статистике прирост числа смертей был вызван реальным увеличением смертности.

В данных текущей статистики отмечено завышение числа лиц в возрасте 55 лет и старше, что было выявлено переписью 1970 г. Такое завышение было вызвано неточностями переписи населения 1959 г. и неполной регистрацией смертей в межпереписное время. Этим частично объясняется рост по возрастной смертности в 1968–1969 гг. и 1969–1970 гг. Зна-

чительного повышения числа смертей не наблюдалось. В официальных публикациях утверждается, что продолжительность жизни в РСФСР составляла в 1965–1966 гг. 70 лет (у мужчин – 65 лет, а у женщин – 74)¹, в 1969–1970 гг. – 68,8 года, 63,4 и 73,4 года² соответственно.

Динамика и быстрый рост показателя смертности подтверждают наличие факта недоучета смертей в РСФСР. Некоторый недоучет сохранялся и в Западной Сибири. В Омской области органы ЗАГС неоднократно возвращали документацию на доработку органам здравоохранения. Констатировалось, что не все случаи рождений и смертей регистрируются в органах ЗАГС. Иногда умерших вскоре после рождения регистрировали как мертворожденных³. Контрольными проверками в 1964 г. в РСФСР был установлен размер недоучета смертности в 3,4 % (в городах – 1,2 %, в сельской местности – 4,7 %). Статистики в отчетах сообщали о большом количестве случаев рождений и смертей, зарегистрированных во втором и третьем кварталах года, следующим за отчетным. Такие случаи в годовую отчетность не попадали. В Новосибирской области за один из кварталов в 1967 г., по данным обследования точности регистрации органов ЗАГС, были выявлены в сельской местности 11 пропусков рождений и три – смертей, в том числе одного ребенка в возрасте до года⁴. В 1970 г. в ходе проведения переписи контрольной проверкой выяснилось, что во всех районах Новосибирской области существует недоучет такого рода событий⁵.

В 1963 г. в регионе были достигнуты самые низкие показатели смертности. В сельской местности в 1964 г. стал отмечаться рост общей смертности. На следующий год ее повышение затронуло и города. Продолжавшийся отток из деревень привел к абсолютному сокращению числа жителей в сельской местности. Выезд молодежи усилил старение села. На рост смертности повлияло ухудшение бытовых условий в неперспективных селах. Внедрение автоматизации и механизации при росте алкоголизма и пьянства приводило к увеличению травматизма.

В целом с 1959 по 1969 г. смертность в селах возросла на 4 %, а в городах – на 6 %. Заметно уменьшилась младенческая смертность. Как показывают данные смертности детей до года, наибольшее снижение наблюдалось в возрастах старше одного месяца. Доля умерших в течение первого месяца жизни постоянно возрастала. В 1959 г. она составила в Новосибирской области 26,6 %, в 1960 г. – 32,7, в 1967 г. – 43,7 от числа умерших до года. В городах доля умерших в течение первого месяца жизни в 1967 г. составила 54,1 %, в селах – 24,7 % от числа умерших до года⁶.

Это свидетельствовало о недоучете смертности детей в селе в первый месяц жизни. Во второй месяц доля умерших в городах сократилась в 6,2 раза, в селах – в 3 раза.

Решающую роль в быстром снижении смертности в 1950-е гг. внесли спасенные жизни детей до года. В 1950 г. доля умерших младенцев в общем числе смертных случаев составляла в Омской области 26 %, в Кемеровской – 35 %. В регионе сохранялся тяжелый труд у женщин в антисанитарных условиях. Руководство предприятий волновало выполнение планов, а в колхозах и совхозах о падеже молодняка скота знали лучше, чем о гибели новорожденных. Постепенно ситуацию удалось переломить. Рубеж этот можно установить довольно четко: 1955–1958 гг. В стране началась массовая вакцинация детей, которая привела к резкому снижению младенческой смертности и доли умерших детей до года в общей смертности. Изменилась и структура смертности новорожденных. Врожденные патологии и состояния, возникавшие в перинатальном периоде, асфиксии и родовые травмы увеличивали свою долю в смертности. Отступали пневмонии, болезни органов пищеварения, инфекции, паразитарные заболевания. Если в 1955 г. доля детей умерших до года составляла 1/4 всех умерших, то к 1960 г. она снизилась до 1/7. Младенческая смертность снизилась за этот период вдвое – с 70–77 до 34–37 % на 1000 родившихся.

В Западной Сибири показатели младенческой смертности с 1950 по 1960 г. снизились с 111,6 до 35,0 ‰, т.е. в 3,2 раза. В Кемеровской области снижение за 10 лет составило 3,5 раза, на Алтае – 3,1 раза, в Омской области – 2,7, Новосибирской – 3,3, Томской области – 3,0 раза. К 1965 г. абсолютное число умерших детей до года сократилось благодаря падению рождаемости. В конце 1960-х гг. показатели младенческой смертности составили 22–25 ‰, а доля умерших младенцев – 4–5 % от всех умерших. Сыграл свою роль и факт увеличения абсолютного числа смертей в регионе. Исключение составляла Томская область, отстававшая в своем социально-экономическом развитии (табл. 4).

Мертворожденных в селах было больше, чем в городах. Такое положение свидетельствует о включении умерших вскоре после рождения в число мертворожденных, ибо по числу умерших младенцев судят о развитии здравоохранения в регионе. В первую неделю жизни умирало меньше детей, чем оказалось зарегистрировано мертворожденными. Проверки показали пропуски в регистрации смертей новорожденных. Обязанность регистрировать умерших детей до года была возложена на родителей, что способствовало существенному недоучету событий.

Среди причин смертности детей лидировали болезни органов дыхания (в Новосибирской области в 1966 г. – 30 %, в 1967 г. – 30,5 %) и болезни новорожденных (соответственно 35,2 и 37,6 %), от ин-

¹ Естественное и механическое движения населения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск: Облстат, май 1968. С. 6.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 409.

³ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2122. Оп. 3. Д. 1035. Л. 97.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 8502. Л. 3.

⁵ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668. Л. 22.

⁶ Естественное и механическое движение... 1968. С. 18.

Т а б л и ц а 4

Младенческая смертность по регионам Западной Сибири 1950–1970 гг.*

Год	Алтайский край		Кемеровская область		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	на 1000 родивших- ся	% от умерших	на 1000 родивших- ся	% от умерших	на 1000 родивших- ся	% от умерших	на 1000 родивших- ся	% от умерших	на 1000 родивших- ся	% от умерших
1950	109,8	30,5	116,5	34,6	114,5	30,9	102,0	26,3	107,0	27,5
1951	119,6	31,5	113,1	33,6	115,6	32,0	110,0	28,3	98,0	26,6
1952	93,0	24,5	93,2	29,5	99,9	27,8	82,0	25,2	90,0	23,3
1953	80,6	23,9	80,7	26,0	89,0	26,2	76,0	22,1	81,0	22,8
1954	79,4	24,4	66,3	23,9	75,9	24,1	71,0	22,2	72,0	21,8
1955	77,2	25,0	76,0	26,1	76,9	25,6	74,0	25,2	70,0	22,9
1956	54,8	21,1	49,7	19,9	52,0	19,6	48,0	19,2	58,0	20,3
1957	46,2	17,4	43,3	17,2	47,1	17,1	47,0	17,8	48,0	16,2
1958	42,7	17,0	39,1	16,1	44,7	17,2	41,0	17,4	44,0	16,6
1959	43,7	17,6	43,0	16,3	46,2	15,9	43,0	17,0	47,0	16,5
1960	36,3	14,0	34,2	13,7	35,1	13,1	34,1	14,2	37,0	13,1
1961	36,1	12,7	32,9	11,7	34,0	11,6	35,0	13,3	39,0	11,9
1962	32,9	10,1	31,4	10,2	36,2	10,8	33,0	11,6	42,0	11,9
1963	27,3	8,2	26,9	8,4	30,3	9,0	33,0	11,3	33,0	9,1
1964	28,4	7,2	28,7	7,5	29,6	8,0	32,0	9,9	31,0	7,6
1965	22,9	3,4	23,7	5,5	24,9	5,8	25,3	7,1	25,0	5,5
1966	23,1	4,8	25,3	5,5	23,8	5,1	23,8	6,4	26,0	5,5
1967	21,0	6,0	24,7	5,0	23,8	4,8	25,3	6,0	23,0	4,6
1968	22,1	4,1	22,9	4,4	24,2	4,5	24,7	5,5	25,0	4,9
1969	23,5	4,1	22,1	4,1	23,9	4,3	24,8	5,3	27,0	4,8
1970	23,0	4,0	22,3	4,1	24,5	4,4	20,8	4,3	21,0	4,1

* Рассчитано по данным официальных ответов Территориальных органов федеральной службы государственной статистики регионов Западной Сибири. Текущий архив Новосибирского территориального органа федеральной службы государственной статистики. Качество предоставленных материалов по Томской и Омской областям оставляет желать лучшего.

фекций детей умирало меньше, чем от внешних причин. На недоучет смертей младенцев указывает их более низкая смертность в сельской местности (начиная с 1962 г.). Младенцы в селе погибали реже по всем причинам, кроме пневмонии, кори, туберкулеза и несчастных случаев. Количество смертей в районах зависело от стечения множества случайностей. Например, в Кочковском районе в 1965 г. показатель младенческой смертности составлял 25,1 ‰, в 1966 г. – 13,8, в 1967 г. – 23,5 ‰, в Куйбышевском районе соответственно 18,3, 14,2 и 32,8 ‰, в Чановском – 34,1, 11,7 и 30,1 ‰⁷. Несмотря на широкий диапазон колебаний, младенческая смертность за 1960–1967 гг. значительно снизилась. Облстатуправление Новосибирской области в 1966 г. отмечало, что с 1958 по 1965 г. снизилась смертность у детей и молодежи, но в старших возрастах она существенно возросла⁸. Материалы государственной статистики свидетельствуют о посто-

янным увеличении абсолютного числа и доли умерших в старших возрастах, что свидетельствовало о старении населения. Поясним на примере Новосибирской области (табл. 5).

Как видно из данных табл. 5, в начале 1950-х гг. доля умерших младенцев составляла значительную величину – 30,9 ‰, что существенно влияло на общую смертность населения. При сохранении высокой рождаемости колебания числа родившихся влияли и на число умерших. В 1955 г. смертность младенцев существенно снизилась. Удельный вес скончавшихся новорожденных в числе умерших составлял уже не 1/3, а 1/4, но все же оставался весьма значительным. Продолжали отмечаться колебания умерших детей за смежных три года, что свидетельствовало о начальном периоде демографического перехода. Применение вакцинации в середине 1950-х гг. повлияло на уменьшение смертности от инфекционных заболеваний, особенно у детей. Четко это прослеживается в 1955–1957 гг., когда доля умерших детей в общей смертности снизилась с 25,5 до 17,1 ‰. При этом уменьшилось и абсолютное число смертей у всего населения. После 1960 г. смертность младенцев продол-

⁷ Естественное и механическое движение... май 1968. С. 20, 21, 23.

⁸ Развитие культуры и здравоохранения в Новосибирской области. Новосибирск: Облстат, 1966. С. 62, 64.

Т а б л и ц а 5

Распределение умерших в Новосибирской области по возрасту (1950–1967 гг.), %*

Год	Возраст, лет							
	до 1	1–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
1950	30,9	13,7	4,5	6,9	5,3	7,0	7,1	24,6
1955	25,5	11,6	2,9	6,0	4,5	6,8	8,4	34,3
1956	19,6	8,5	3,1	5,8	5,1	7,7	9,8	40,4
1957	17,1	7,5	3,0	6,3	5,0	7,8	10,7	42,6
1958	17,1	6,5	2,9	5,9	6,3	8,1	11,3	41,9
1959	15,9	6,7	2,6	5,5	6,3	7,7	11,0	44,3
1960	13,1	5,6	2,4	5,9	7,2	7,5	12,2	46,1
1961	11,6	5,0	2,4	6,0	7,1	7,2	11,9	48,8
1962	10,8	4,3	2,1	5,4	7,5	7,0	12,0	50,9
1963	9,0	4,1	2,3	5,5	7,8	7,1	13,0	51,2
1964	8,0	3,9	2,8	5,3	8,0	7,2	12,9	51,9
1965	5,8	3,2	2,6	4,9	8,4	7,3	13,4	54,4
1966	5,1	2,9	2,7	4,4	8,4	7,8	13,1	55,6
1967	4,7	2,5	2,4	4,1	7,9	8,4	13,5	56,5

* Составлено и рассчитано по: Естественное и механическое движения... С. 7–8.

жала снижаться, но темпы ее снижения существенно замедлялись. На фоне снижения рождаемости (и абсолютных чисел родившихся) и при росте абсолютных чисел умерших у всего населения это привело к резкому уменьшению доли младенческой смертности. Так, удельный вес умерших младенцев сократился с 15,9 % в 1960 г. до 4,7 % в 1967 г., т.е. в 3,4 раза, тогда как с 1950 по 1960 г. – только в 2 раза. Кроме смертности детей до года постоянно снижалась и смертность детей и молодежи до 30 лет. Так, доля возраста 1–9 лет в этом процессе снизилась с 1950 по 1967 г. в 5,5 раза, а за 10–19 лет – в 1,8 раза, 20–29 лет – в 1,7 раза. Следует отметить, что абсолютная численность и удельный вес последних в населении несколько сократились.

Т а б л и ц а 6

Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в Новосибирской области (1959–1967 гг.)*

Год	Число умерших на 100 тыс. жителей, чел.		
	Всего	Город	Село
1959	160,0	169,2	148,5
1960	158,4	161,3	154,6
1961	161,2	164,4	156,9
1962	163,1	167,7	156,6
1963	157,4	163,4	148,0
1964	149,5	150,5	147,9
1965	183,1	173,5	197,2
1966	200,7	176,9	239,4
1967	204,5	193,2	223,5

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 173.

Доля лиц, умерших в возрасте 30–39 лет, до 1955 г. снижалась, а начиная с 1958 г. постоянно увеличивалась. Доля лиц и абсолютные числа умерших в возрасте 40–49 лет оставались долгое время стабильными, но в конце изучаемого периода отмечается прирост удельного веса умерших и в этом возрастной группе. Постоянно увеличивалась доля умерших в возрасте 50–59 лет и старше 60 лет в общем их числе. Доля последних в числе умерших возросла в 2,3 раза и превысила половину всех смертей (56,5 %). Удельный вес умерших от 50 до 60 лет увеличился в 1,9 раза. В результате почти каждый восьмой из умерших оказался в данном возрасте. На увеличении доли умерших в старших возрастах повлияло повышение их доли во всем населении, а также рост интенсивности смертности у лиц данных возрастов, т.е. увеличивалась по-возрастная смертность.

В 1967 г. был отмечен рост по возрастной смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и болезней органов кровообращения. По сравнению с 1961 г. число умерших от гипертонии в Новосибирской области выросло на 62,7 %, ревматизма – в 2,2 раза, от инфарктов (без гипертонии) – в 2,7 раза. Число умерших от всех сердечно-сосудистых заболеваний увеличилось на четверть, в том числе среди 30–39-летних – на 63,4 %, среди 40–49-летних – на 47, 50–59-летних – на 9, старше 60 лет – на 21,1 %. Сокращение числа умерших в возрасте 20–29 лет (на 40 %) совпадает с уменьшением абсолютной численности лиц данного возраста⁹ (табл. 6).

Наряду с отмеченными изменениями в структуре смертности населения можно отметить реальное увеличение летальных случаев и значительное омоложе-

⁹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 176.

ние умерших. Доля скончавшихся от данных заболеваний повысилась с 21,3 % в 1959 г. до 28,3 % в 1967 г. Число смертей от сердечно-сосудистых заболеваний сокращалось до 1964 г., после чего стало стремительно возрастать. Это свидетельствовало об увеличении возрастных показателей смертности. Средний возраст умерших от сердечно-сосудистых заболеваний уменьшился на два года. В городах рост показателя смертности составил 15 %, а в селах – более 50 %. В возрасте до 40 лет смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в 1958–1964 гг. увеличилась в 3 раза. В возрастах до 30 лет и старше 60 лет смертность от ревматизма снижалась, во всех остальных – возрастала. Косвенно это свидетельствовало об улучшении качества учета – диагноз после осмотра ставился врачом, а не фельдшером. Документами, на основании которых загсами выдавались свидетельства о смерти, были врачебное свидетельство, фельдшерская справка и свидетельские показания. В 1964 г. в РФ доля врачебных свидетельств составляла 70,7 %, фельдшерских справок – 29,2 %, свидетельских показаний – 0,1 %¹⁰. Такое положение могло в дальнейшем существенно скорректировать распределение смертей по причинам.

Заметно возросла смертность от злокачественных новообразований. С 1958 по 1967 г. она увеличилась на 30 %, в том числе за 1965–1967 гг. – на 8,3 %¹¹. Наибольший рост отмечался от рака органов дыхания – 81 %, молочной железы – 80 %. Среди умерших от новообразований большинство составляли скончавшиеся от рака желудка. Доля последних снизилась с 40,6 % в 1958 г. до 36,6 % в 1967 г.¹²

Такая структура смертности от онкологических заболеваний, повышение удельного веса умерших от новообразований свидетельствуют об экологическом неблагополучии региона. И.М. Савицкий напрямую связывает это с испытаниями ядерного оружия на Семипалатинском полигоне и в Китае, сопровождавшимися выпадением радиоактивных осадков и загрязнением местности осколками ступеней ракет с остатками ядовитого топлива. Данный вывод подтверждается сведениями ветеринарных служб о наличии радиоактивных нуклеидов в сене, молоке, мясе и большом распространении лейкоза среди домашних и диких животных [3, с. 97–99].

Число умерших от несчастных случаев, отравлений и травм увеличилось с 1958 по 1964 г. на 50 %, обеспечив 49,9 % всего прироста числа умерших. Среди погибших от этих причин преобладали молодые люди. Такой рост свидетельствовал о возрастании смертности в молодых возрастах, особенно у мужчин. 80 % мужчин в возрасте 20–24 лет умирали насильственной смертью.

Местные статистики пытались рассчитать показатели продолжительности жизни. По расчетам Омскстата, в 1964 г. мальчику Прииртышья предстояло прожить 63,27 года, а девочке – 71,05 года, обоим полам – 67,7 года. Для горожан эти показатели составляли соответственно 63,58; 71,24 и 68,0 года. Для жителей сельской местности 63,14; 70,94 и 67,66 года¹³. Рост средней продолжительности жизни блокировался увеличением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований, отравлений и травм, т.е. основными причинами смерти. С 1968 г. средняя продолжительность жизни в Западной Сибири стала сокращаться. В этот период возник целый комплекс социальных проблем. Снижалось качество медицинских услуг, усиливалось экологическое неблагополучие и радиоактивное загрязнение местности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Die Weltbevölkerung in Zahlen / Herausgegeben von P. Khalatbari. Berlin: Akademie-Verlag, 1983. 428 s.
2. *Левитский Е.М.* Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск, 1962. 103 с.
3. *Савицкий И.М.* Экологические последствия испытаний ядерного оружия и ракетной техники в Западной Сибири (1950-е – первая половина 90-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 95–100.

REFERENCES

1. Die Weltbevölkerung in Zahlen / P. Khalatbari. Berlin: Akademie-Verlag, 1983. 428 S.
2. *Levitsky E.M.* Economical-statistical study of population reproduction in Siberia and the Far East based on tables of life expectancy. Novosibirsk, 1962. 103 p. (In Russ.)
3. *Savitsky I.M.* Ecological consequences of testing nuclear weapons and missile technology in West Siberia (1950s – early 90s.). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1999, no 2, pp. 95–100. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 9.10.2017

¹⁰ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4467. Л. 171.

¹¹ ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 176

¹² Естественное и механическое движение... 1968. С. 9; Развитие культуры... С. 65.

¹³ ИАОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 4457. Л. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

DOI: 10.15372/HSS20170413
УДК 314.4 (571.1) "1959/1970"

О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ

СМЕРТНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1959–1970 гг.

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье исследуются смертность и продолжительность жизни городского населения Западной Сибири в 1960-е гг. На основе источников, извлеченных из центральных и региональных архивов, показана специфика демографического (эпидемиологического) перехода в экономическом районе. Рассмотрены динамика структуры причин смерти, специфика мужской и женской смертности, ее возрастные коэффициенты, показатели средней продолжительности жизни в начале и конце рассматриваемого периода. Изучены как общероссийские, так и местные факторы смертности. Рассчитаны и проанализированы числовые показатели средней продолжительности жизни в отдельных административных образованиях. Показано, что эпидемиологический переход в Западной Сибири имел свои особенности, обусловленные действием множества факторов.

Ключевые слова: демография, население, город, смертность, Западная Сибирь, продолжительность жизни, регион, пол.

O.B. DASHINAMZHILOV

MORTALITY OF THE URBAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA IN 1959s–1970

Institute of History SB RAS
8 Nikolayeva, Novosibirsk, 630090, Russia

The paper demonstrates the study results of the urban population mortality dynamics in the period between the Annual Censuses of 1959 and 1970. The article objective is to show peculiarities of demographic (epidemiological) transition in West Siberia in 1960s. Actuality of studying the population mortality in the considered period was determined by the average life decrease since the second half of 1960s after a long time increase. Such dynamics required detailed and circumstantial analysis of the conditions and factors affecting it. To a great extent it will facilitate explanation of both current and future reproduction dynamics.

The demographic transition theory and its composite part – epidemiological transition – provided the methodological basis for the research. This essence of the demographic transition is that once society achieved a certain level of development, its structure of diseases and mortality causes undergoes a rapid (from a historical point of view) transformation. In the structure of “old” pathology infectious and parasitical diseases played an important role, while the structure of “new” pathology was formed by diseases and reasons of mortality caused primarily by endogenous factors related with human natural ageing, decreasing resistance to unfavorable external influence.

The set of mathematical methods as well as special methods of historical perception are used in the research: historical-genetic and historical-comparative ones. The study led to conclusion that epidemiological transition in West Siberia had its own peculiarities determined by different factors. Mortality by cause of death had yet more incomplete structure if compared with the whole of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. The average life expectancy of urban residents in West Siberia was lower than in the republic, and inter-sex differentiation in its level was higher. At the same time over the period of 11 years, the economic region was logging behind even more, the differences in life expectancy between men and women increased, interregional differentiation in the population mortality rate grew.

Key words: demography, population, city, mortality, West Siberia, life duration, region, gender.

Актуальность изучения смертности населения в рассматриваемый период обусловлена тем, что в 1960-х гг. рост средней продолжительности жизни резко замедлился, а со второй половины десятилетия она даже стала снижаться. Возникновение такой

динамики требует подробного и обстоятельного изучения вызвавших ее условий и факторов.

В отличие от рождаемости, анализу смертности и средней продолжительности жизни уделялось меньше внимания. Прежде всего, следует выде-

Одон Борисович Дашинамжилов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Odon@bk.ru.
Odon B. Dashinamzhilov – Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Institute of History SB RAS.

лить труды М.С. Бедного [1], А.Г. Вишневого [2], М.Я. Сониной [3], Б.Ц. Урланиса [4]. В постсоветский период динамика смертности в 1960-е гг. рассматривалась в нескольких коллективных монографиях, среди которых «Население Советского Союза 1922–1991 гг.», «Население России в XX веке» (в 3 т.), «Демографическая модернизация России 1900–2000 гг.». Специфика смертности в восточных районах исследовалась в коллективной монографии Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова [5], в работах В.В. Воробьева [6], Е.М. Левицкого [7], С.В. Соболевой [8]. К изучению смертности в Сибири в 1960-е гг. позднее подключились и историки. В трудах Н.Я. Гушина [9], В.А. Исупова [10], Л.Н. Славинной [11] больше внимания уделялось историческому контексту ее динамики, социальным и экономическим факторам. Вместе с тем тенденции смертности и продолжительности жизни в городских поселениях Западной Сибири в 1960-е гг. изучены пока недостаточно, в данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел.

В качестве источников использовались опубликованные и неопубликованные материалы Всесоюзных переписей 1959 и 1970 гг. и текущего учета населения. Методологической базой стала теория демографического перехода, в том числе ее составная часть – эпидемиологический переход. Суть последнего заключается в том, что по достижении тем или иным обществом достаточно высокого уровня развития начинается быстрая (по историческим меркам) смена одной структуры причин смерти – другой. Если в структуре «старой» патологии важное место занимали инфекционные и паразитарные болезни, то в структуре «новой» на первое место вышли причины смерти, обусловленные преимущественно не экзогенными, а эндогенными факторами, связанными с естественным старением человеческого организма, снижением его сопротивляемости неблагоприятным внешним воздействиям [12, с. 257–258].

Многие демографы доказывают универсальность эпидемиологического перехода. Мы согласны с этим, но придерживаемся точки зрения, согласно которой наряду с общими закономерностями развития в каждой стране имелись существенные особенности и факторы, которые во многом определяли длительность, качество и скорость той или иной его фазы.

В послевоенный период средняя продолжительность жизни в СССР увеличилась почти в 1,5 раза – с 47,0 в 1945/1946 г. до 69,0 лет в 1958/1959 г. В современной демографической литературе превалирует точка зрения, согласно которой к середине 1960-х гг. в России в основном завершился первый эпидемиологический переход. Рассмотрим особенности его завершения в городских поселениях Западной Сибири с учетом совокупности социальных, экономических и культурных факторов.

На каждом конкретном этапе исторического развития общества значимость тех или иных факторов смертности менялась. В нашей работе мы четко разграничиваем *причины* смерти и ее *факторы*. Если под причиной смерти подразумевался конкретный

факт, приведший к смерти человека, то под фактором – некое явление, которое привело к возникновению этой причины [13, с. 77].

В 1958/1959 г. средняя продолжительность жизни в городах Западной Сибири составила 67,79 года, к 1969/1970 г., она увеличилась до 68,20 года (только на 0,6 %) (РСФСР в 1958/1959 г. – 67,92 года, в 1969/1970 г. – 68,97 года (на 1,5 %)). Сокращение средней продолжительности жизни во второй половине 1960-х гг. не смогло полностью отыграть того повышения, которое произошло в первой половине десятилетия. Это подтверждается статистическими сведениями по республике в целом, где она у городского населения РСФСР в 1964/1965 гг. оказалась выше, чем в 1969/1970 гг. (69,46 года).

Как показывают наши расчеты, за 1959–1970 гг. смертность в городах Западной Сибири уменьшилась только среди детских, подростковых и молодежных когорт (вплоть до 24 лет). Наибольшее сокращение было зафиксировано у детей 0–4 лет, а по мере повышения возраста темпы снижения падали. Среди 20–24-летних сокращение смертности оказалось наименьшим – только на 7,5 %. В последующих пятилетних группах возрастные коэффициенты только увеличивались, особенно сильно у 35–39-летних.

К сожалению, у нас нет данных о причинах смерти по возрасту. В нашем исследовании придется воспользоваться показателями смертности по причинам смерти на 100 тыс. чел.

Согласно данным западносибирских региональных облстатов (кроме Тюменской области), увеличение средней продолжительности жизни в 1960–1965 гг. произошло, прежде всего, за счет снижения смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, главным образом, от дизентерии и туберкулеза (табл. 1). Сократилась смертность и от болезней органов пищеварения и дыхания, особенно пневмонии всех форм. Уже тогда стало заметно увеличение смертности от недугов, присущих второму эпидемиологическому переходу, – заболеваний органов кровообращения и новообразований. Наряду с этим повысились показатели смертности от причин, которые были свойственны первому этапу эпидемиологического перехода – несчастных случаев, отравлений и травм.

Спустя пять лет (к 1970 г.) коэффициенты смертности в расчете на 100 тыс. чел. снизились только от инфекционных и паразитарных болезней, тогда как от остальных причин увеличились. Несколько повысился коэффициент смертности от болезней органов пищеварения. Сильно выросла смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, а также от болезней органов дыхания, особенно от гриппа и незначительно – пневмоний. Высокий рост смертности отмечен от заболеваний системы кровообращения. При этом нельзя объяснить подобную динамику только старением городского населения.

Данные табл. 1 указывают на наличие определенной специфики смертности в городских поселениях Западной Сибири. В 1970 г., несмотря на сравнитель-

Т а б л и ц а 1

**Смертность по причинам смерти в городских поселениях Новосибирской области, Западной Сибири
и РСФСР***

Регион / Причина смерти	Новосибирская область	Западная Сибирь	РСФСР
1960			
Всего умерших			
В том числе:	635,8	н/д	672,6
от инфекц. и паразит. болезней	47,2	н/д	41,7
от новообразований	125,0	н/д	145,2
от болезней кровообращения	238,1	н/д	254,2
от болезней органов дыхания	56,5	н/д	52,3
от болезней органов пищеварения	19,2	н/д	22,5
от несчастных случаев, отравлений и травм	94,8	н/д	н/д
1965			
Всего умерших			
В том числе:	664,1	н/д	685,4
от инфекц. и паразит. болезней	34,7	н/д	24,7
от новообразований	133,6	н/д	150,0
от болезней кровообращения	271,4	н/д	303,5
от болезней органов дыхания	44,9	н/д	43,5
от болезней органов пищеварения	19,9	н/д	19,7
от несчастных случаев, отравлений и травм	112,6	н/д	90,9
1970			
Всего умерших			
В том числе:	751,3	748,4	790,5
от инфекц. и паразит. болезней	25,6	25,7	20,3
от новообразований	143,2	131,1	155,6
от болезней кровообращения	341,4	302,7	363,9
от болезней органов дыхания	60,9	72,6	63,9
от болезней органов пищеварения	19,3	20,5	22,0
от несчастных случаев, отравлений и травм	122,1	143,3	118,1

* Рассчитано по: Текущий архив Новосибирскстата. Динамические ряды № 2. Л. 14–16; Текущий архив Алтайкрайстата. Смертность населения по причинам смерти. Л. 1–2; Текущий архив Кемеровостата. Естественное движение. Смертность. Л. 73–76; Текущий архив Омскстата. Число умерших по отдельным классам причин смерти. Л. 2–3; Текущий архив Томскстата. Смертность населения по основным классам и отдельным причинам смерти. Л. 3–4. Текущий архив Тюменьстата. Распределение умерших по причинам смерти. Л. 1–2; Естественное и механическое движение населения РСФСР в 1972 году: стат. сб. М., 1973 (ДСП). С. 70.

но молодой возрастной состав населения, в экономическом районе чаще умирали от причин экзогенной природы – инфекций, болезней органов дыхания, несчастных случаев, отравлений и травм. Меньшей была смертность от новообразований и заболеваний системы кровообращения. Все это свидетельствует о том, что эпидемиологический переход в Западной Сибири имел еще более незавершенный характер по сравнению с РСФСР в целом.

Анализ данных статистики показал, что социально-экономическое положение западносибирских регионов в 1960-е гг. последовательно улучшалось. В этот период продолжало активно развиваться здравоохранение, увеличилось количество больниц и врачебного

персонала, улучшилась обеспеченность медицинским оборудованием. Выросла численность людей с высшим и средним образованием. Косвенно благотворное влияние на здоровье населения должно было оказать активное жилищное строительство. Увеличились продажи населению наиболее ценных продуктов питания, а также одежды и белья, трикотажных изделий, тканей, обуви¹.

Таким образом, смертность за межпереписной период должна была снизиться не только у молодежи, но и у средних, и у старших возрастных групп.

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1969 г.: стат. ежегодник. М., 1970. С. 338.

Такое снижение действительно произошло, но только у женского населения. И, действительно, во многих пятилетних когортах, где у мужчин был отмечен рост смертности (20–49 лет), у противоположного пола наблюдалась противоположная динамика.

Итак, несмотря на благоприятное воздействие ряда факторов, смертность во многих трудоспособных возрастных когортах увеличилась. До некоторой степени рост смертности от несчастных случаев, отравлений и травм можно объяснить тем, что повышение занятости, последовательное увеличение числа промышленных предприятий в стране, механизация производственных процессов, внедрение технических новшеств повысили риски получения различного рода телесных повреждений.

Однако важнейшими, на наш взгляд, факторами роста смертности в трудоспособных возрастах стали алкоголизм и курение. Именно под негативным воздействием последних увеличилась смертность в мужских пятилетних когортах (после 20 лет) при снижении ее у женщин. Как известно, мужчины по сравнению с противоположным полом были значительно больше подвержены вредным для здоровья привычкам. В 1960 г. на душу населения в РСФСР (т.е. учитываются лица муж. и жен. пола и все возрастные группы) было реализовано 4,6 л алкогольной продукции. Через десять лет – в 1970 г. – эта цифра увеличилась на 80,0 % – до 8,2 л². Значительный рост продаж вино-водочных изделий, правда, без предоставления конкретных статистических данных, подтверждается и сибирскими исследователями [14, с. 141–142]. При этом в официальных данных не учитывался довольно высокий уровень потребления нерегистрируемого алкоголя (самогона), а также его суррогатов.

Опубликованные в статистических справочниках данные свидетельствуют, что по РСФСР в целом, кроме алкоголя, повысился также уровень продаж табачной продукции. Например, если в 1960 г. в РСФСР через государственную и кооперативную торговлю было реализовано в среднем 466,2 шт. табачной продукции в расчете на одного человека, то в 1970 г. – уже 1599,0 шт. Такая динамика не могла не отразиться на здоровье населения, в частности, на смертности от рака легких (рост за 1959–1970 гг. в РСФСР на 60,6 %).

Ухудшение экологической ситуации также повлияло на рост коэффициентов смертности от отдельных причин. Так, двукратный рост смертности от болезней органов дыхания в Кузбассе совпал с началом эксплуатации Западно-Сибирского металлургического комбината. Значение этого показателя сильно возросло и в Алтайском крае, где активно развивалась химическая промышленность.

Наряду с вышеперечисленными в Западной Сибири имелись и свои, «вторичные» факторы, определявшие специфику структуры причин смертности ее

городского населения. Так, суровые климатические условия подразумевали большую приверженность людей простудным заболеваниям. Сравнительно высокая смертность от инфекционных и паразитарных болезней являлась следствием некоторого отставания в развитии учреждений здравоохранения.

В структуре продаж вино-водочных изделий в восточных районах большое место занимали крепкие напитки, оказывавшие сильное негативное воздействие на здоровье человека. Значительное количество смертей от несчастных случаев, отравлений и травм было следствием развития отраслей народного хозяйства, отличающихся высоким травматизмом среди работников (например, добывающая промышленность, строительство). Определенную роль играл уровень образования, который в Западной Сибири был традиционно ниже, чем в РСФСР в целом.

Известным фактором повышения возрастных коэффициентов смертности в трудоспособных когортах стал экономический подъем северных районов Западной Сибири. Возведение большого количества промышленных предприятий, стремительный рост городов в не самых благоприятных климатических условиях, отставание в развитии учреждений здравоохранения, низкий уровень жилищной обеспеченности не могли не отразиться на уровне травматизма среди горожан, особенно в Тюменской области. Меньшая смертность от болезней кровообращения и новообразований являлась следствием, главным образом, более молодой возрастной структуры городского населения.

Обращаясь к анализу различий в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, отметим, что в нашей стране они особенно велики. Среди мужчин, проживавших в городах РСФСР, она в 1958/59 г. составила 63,03 года, тогда как у женщин – 71,48 года. Таким образом, разница между ними достигла 8,45 года. В Западной Сибири дифференциация между полами оказалась еще выше – 9,05 года (62,68 и 71,73 года соответственно). Мужская смертность превзошла женскую во всех без исключения пятилетних группах.

Спустя 11 лет, к 1969/70 г., межполовые различия в уровне смертности усилились. Средняя продолжительность жизни у мужчин в городах Западной Сибири даже снизилась по сравнению с 1958/59 г. – до 62,59 года, у женщин – повысилась до 72,83 года. В итоге разница между ними увеличилась более чем на один год – до 10,24 года. Похожие тенденции отмечены и в республике в целом (9,75 года), однако в отличие от Западной Сибири продолжительность жизни сильного пола в городских поселениях РСФСР все-таки возросла (с 63,03 до 63,57 года).

Анализ данных закрытых сборников за 1972 г. (по всему населению РСФСР в целом) показал почти повсеместное повышение возрастной смертности у мужчин. Возрастные коэффициенты смертности от болезней кровообращения у них, начиная с 25–29 лет и вплоть до 55–59 лет, были в среднем в 2–2,5 раза

² Народное хозяйство РСФСР в 1988 г.: стат. ежегодник. М., 1989. С. 94.

Т а б л и ц а 2

**Средняя продолжительность жизни в городских поселениях РСФСР и Западной Сибири
в 1958/59 – 1969/70 гг.**

Годы	РСФСР			Западная Сибирь		
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.
1958/59	67,92	63,03	71,48	67,79	62,68	71,73
1964/65	69,46	64,70	73,02	Н/д	Н/д	Н/д
1969/70	68,97	63,57	73,32	68,20	62,59	72,83

* Рассчитано по: ГААК. ФР. 718, Оп. 43, Д. 46, Л. 20–20 об.; Д. 50, Л. 5–5 об.; ГАКО. ФР. 304, Оп. 1, Д. 63, Л. 68–68 об.; Д. 64, Л. 81–81 об.; ГАНО. Ф. 11, Оп. 2, Д. 7250, Л. 41–41 об.; Д. 8350, Л. 109–109 об.; ИАОО. Ф. 2122, Оп. 1, Д. 3257, Л. 49–50 об.; Д. 3262, Л. 48–48 об.; ГАТО. Ф. 1085, Оп. 3, Д. 100, Л. 126–126 об., 185–185 об.; Ф. 1112, Оп. 1, Д. 1892, Л. 39–39 об. Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988 (ДСП). С. 259.

Т а б л и ц а 3

Средняя продолжительность жизни в городах и пгт регионов Западной Сибири в 1958/59 и 1969/70 гг.*

Регион	1958/59 г.			1969/70 г.		
	Оба пола	мужчины	женщины	Оба пола	мужчины	женщины
Западная Сибирь	67,79	62,68	71,73	68,20	62,59	72,83
Алтайский край	67,20	62,18	70,99	68,44	62,90	72,90
Томская область	67,82	62,35	72,13	67,64	61,89	72,46
Тюменская область	67,85	62,21	71,96	66,29	60,43	71,48
Омская область	68,31	63,59	71,77	68,81	62,99	73,55
Новосибирская область	68,16	63,14	71,90	68,77	63,19	73,20
Кемеровская область	67,66	62,48	71,88	68,07	62,63	72,67

* Рассчитано по тем же данным, что и табл. 2.

выше, чем у женщин, а среди 40–44-летних – почти в 3 раза. Высокой оставалась мужская смертность от болезней органов дыхания, которая, например в когортах 35–59 лет, в среднем в 4 раза превышала женскую. Гораздо чаще мужчины умирали от инфекционных и паразитарных заболеваний: начиная с 45 лет, смертность у них была примерно в 5 с лишним раз выше. Однако максимальный разрыв продемонстрировала категория несчастных случаев, отравлений и травм. В 1972 г. среди 25–34-летних она превзошла женскую почти в 8 (!) раз.

Среди факторов значительного превышения возрастных коэффициентов смертности у мужчин следует выделить условия работы, которые у них в целом являлись более тяжелыми, чем у противоположного пола. Мужчины были заняты преимущественно в тех сферах и отраслях, где опасность для жизни была выше. Это, прежде всего, строительство, добывающие отрасли индустрии, машиностроение, энергетика, служба в армии и правоохранительных органах и т.п. Женщины работали преимущественно в легкой промышленности, социальной и культурной сферах (здравоохранение, образование и т.п.). Они могли заниматься домашним и личным подсобным хозяйством, а в случае ухода за малолетними детьми на определенный период освобождались от работы.

Вместе с тем такая глубокая межполовая дифференциация являлась, главным образом, следствием того, что мужчины были значительно сильнее привержены вредным привычкам, таким как алкоголь или курение, и зачастую вели образ жизни, оказывающий негативное влияние на организм (например, неправильное питание). К тому же они были менее склонны заботиться о своем здоровье. Косвенно это подтверждается тем, что различия мужской и женской смертности в других индустриальных странах были значительно ниже, чем в СССР.

Продолжительность жизни в городах РСФСР в 1958/59 г. была выше, чем в Западной Сибири на 0,13 года. К 1969/70 г. средняя продолжительность жизни по городским поселениям Российской Федерации составила 68,97 года. В Западной Сибири рост оказался меньше, в результате разрыв с республикой увеличился с 0,13 до 0,77 года (табл. 2).

Региональные различия в уровне смертности в 1958/59 г. были невелики и составили 1,11 года. Спустя 11 лет они увеличились из-за особенностей социально-экономического развития западносибирских регионов, достигнув 2,52 года (табл. 3).

Таким образом, эпидемиологический переход в Западной Сибири имел свои особенности, обусловленные действием множества факторов. Смертность по ее

причинам имела еще более незавершенную структуру по сравнению с РСФСР в целом. Средняя продолжительность жизни городских жителей Западной Сибири была ниже, чем в республике, а межполовая дифференциация, касающаяся ее уровня, выше. При этом за 11 лет отставание экономического района еще более усилилось, смертность мужчин повысилась, в результате различия в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами увеличились. Еще одной особенностью демографического перехода стал рост межрегиональной дифференциации в уровне смертности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М.: Статистика, 1979. 223 с.
2. Воспроизводство населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.
3. Сонин М.Я. Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М.: Мысль, 1965. 303 с.
4. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 336 с.
5. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 168 с.
6. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: Современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск: Наука, 1977. 159 с.
7. Левицкий Е.М. Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 142 с.
8. Соболева С.В. Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука, 1988. 208 с.
9. Гуцин Н.Я. Население Сибири в XX веке: Основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995. 82 с.
10. Исупов В.А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.
11. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2007. 472 с.
12. Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
13. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 309 с.
14. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х гг. М., 1990. 219 с.

REFERENCES

1. Bednyi M.S. Medical demographic studies. Moscow: Statistika, 1979, 223 p. (In Russ.)
2. Population reproduction in the USSR. Moscow: Finansy i statistika, 1983, 303 p. (In Russ.)
3. Sonin M.Ya. Actual problems of the labour force use in the USSR. Moscow: Mysl', 1965, 303 p. (In Russ.)
4. Uralanis B.Ts. The population dynamics problems in the USSR. Moscow: Nauka, 1974, 336 p. (In Russ.)
5. Malinin E.D., Ushakov A.K. Population of Siberia. Moscow: Statistika, 1976, 168 p. (In Russ.)
6. Vorob'ev V.V. Population of East Siberia: modern dynamics and forecast problems. Novosibirsk: Nauka, 1977, 159 p. (In Russ.)
7. Levitskii E.M. Economical-statistical research of the population reproduction in Siberia and the Far East based on the life duration tables. Novosibirsk: Izd-vo SO AN SSSR, 1962, 142 p. (In Russ.)
8. Soboleva S.V. Demographic processes in regional social economic development. Novosibirsk: Nauka, 1988, 208 p. (In Russ.)
9. Gushchin N.Ya. Siberian population in the XX century: main tendencies and cataclysms of development. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1995, 82 p. (In Russ.)
10. Isupov V.A. Urban population of Siberia: from catastrophes to revival (late 30s – late 50s). Novosibirsk: Nauka, 1991, 291 p. (In Russ.)
11. Slavina L.N. Rural population of East Siberia (1960–1980s). Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2007, 472 p. (In Russ.)
12. Demographic modernization of Russia, 1900–2000. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 608 p. (In Russ.)
13. Uralanis B.Ts. Evolution of the life duration. Moscow: Statistika, 1978, 309 p. (In Russ.)
14. Efimkin M.M. Siberian workers. Late 1950s – mid 1980s. Moscow, 1990, 219 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 23.10.2017

DOI: 10.15372/HSS20170414

UDC index: I14, I18

УДК 314.1

ADAM SZULC

WEIGHTING SUB-POPULATIONS IN LONGEVITY INEQUALITY RESEARCH: A PRACTICAL APPROACH

Institute of Statistics and Demography
ul. Madalińskiego 6/8, 02-513 Warszawa, Poland

The weights allowing calculation of life expectancy for a whole population as a weighted average of group-specific life expectancies are proposed. They are characterized by a minimum distance from the actual population shares that are different from those assumed in life tables. It is demonstrated how they may be obtained by means of constrained regression, using popular statistical/econometric software. The problem of negative solutions is also addressed. The empirical examples include longevity inequality calculations under various weighting systems. The data come from the Human Mortality Database and from Russia's regional statistics.

Key words: life expectancy, inequality measurement, weighted indices, constrained regression, statistical software.

АДАМ ШУЛЬЦ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УДЕЛЬНОГО ВЕСА СУБПОПУЛЯЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РАЗНИЦЫ В ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Институт статистики и демографии,
ул. Мадалинского, 6/8, 02-513, Варшава, Польша.

Во многих демографических исследованиях возрастные когорты подразделяются на подгруппы. В большинстве из них используются равные или фактические удельные веса групп населения. В расчетах продолжительности жизни используются стабильные демографические показатели, хотя они отличаются от фактических. Соответственно, не верны показатели продолжительности жизни, установленные для всей когорты как средневзвешенное значение продолжительности жизни для разных групп.

В настоящем исследовании для решения указанной проблемы предлагаются два метода определения удельного веса субпопуляций. Оба метода гарантируют минимальное отклонение от фактического количественного соотношения групп в составе всего населения. Первый метод основан на ограниченной регрессии, второй – на использовании инструментов математического программирования. Предложенные алгоритмы могут быть выполнены с использованием популярного статистического программного обеспечения (в данном случае Stata и Excel). Методы, основанные на регрессии, более практичны и не зависят от размера массива данных, однако они не гарантируют положительное значение всех средневзвешенных показателей. Последние можно получить с помощью второго метода, который, однако, не такой удобный и применим только к небольшим и средним массивам данных. Эмпирические примеры основаны на новых данных, полученных из Базы данных о смертности, охватывающей 12 стран (далее: HMD12) и российских статистических данных, полученных для 80 регионов.

В качестве статистических показателей неравенства использованы коэффициент Джини и индекс Тейла. Последний также показывает неравенство внутри субпопуляций и между ними. С этой целью страны, включенные в HMD12, разделены на несколько групп: посткоммунистические страны, другие европейские страны и остальные. Использование невзвешенной формулы для расчета средней продолжительности жизни приводит к превышению фактических показателей на 0,2–0,38 года. Для стран из HMD12 использование средневзвешенной формулы показывает рост индексов неравенства в интервале 5,2–14,3 %, тогда как для России определение удельных весов для субпопуляций при расчете продолжительности жизни приводит к снижению индексов в интервале 13–19,4%. Измерение продолжительности жизни для отдельных стран также приводит к изменению результатов декомпозиции. Это показывает, что в демографических исследованиях не следует игнорировать проблему процентных соотношений, хотя ни одно из предложенных решений, описанных в статье, нельзя рекомендовать в качестве идеального.

Адам Шульц – профессор Варшавской школы экономики, Институт статистики и демографии, e-mail address: aszulc@sggw.waw.pl
Adam Szulc – Associate Professor at Warsaw School of Economics (SGH), Institute of Statistics and Demography

1. INTRODUCTION

In many demographic studies birth cohorts are decomposed into sub-groups. It might be expected that the whole cohort life expectancy can be calculated as an average of group-specific life expectancies, weighted by the population shares. This is not true however, as the stationary populations assumed in calculations of life expectancies are different from the actual ones. The problem of weights appears, for example, when the world life-tables are constructed. Smits and Monden (2009) created them just by simple summing up single country life tables. In this method, each country receives an equal weight equal to reciprocity of the number of the countries, i. e. the contributions of small and large countries are identical. Hence, the resulting world life expectancy is different from the correct one. The problem of weighting appears also in calculation of longevity inequality measures between various sub-populations (countries, regions, socio-economic groups). This issue is explored in the present research.

In prevailing part of the inequality studies the measures utilize equal or population weights. In the papers by Anand et al. (2001) and Sholnikov et al. (2001) (hereafter: A & S) weights allowing calculation of the life expectancy in the overall population as a mean of sub-population life expectancies are recommended. In the present study two amendments to that method are proposed. First, it is demonstrated how the same type of weights may be obtained using constrained regression. The meaning of this modification is purely practical: it allows avoiding matrix manipulations, which is rather awkward when the number of sub-populations is large and the weights are to be calculated for numerous datasets (for instance, for ages from 0 to 110, for both sexes). Second, the A & S method is likely to yield negative weights. In the present study some modifications aimed at reaching the weights positivity are proposed. Alternatively, Excel add-in Solver may be employed for that purpose. All algorithms can be implemented using popular statistical/econometric packages rather than specialized software like MatLab. The empirical examples employ three recent datasets: 12 countries included in Human Mortality Database (women and men separately) and 80 regions of Russia (women and men together).

The weights proposed by A & S are intended to ensure a “minimum distance” from the proportion of groups in the overall population. Though this is not pronounced explicitly, the solution is obtained through minimization of the sum of squared differences, i. e. as a quadratic programming problem¹. In the original papers it appears in the form of specific matrix product which have to be constructed separately for each database. The solution proposed in the present study utilizes the constrained least squares method embedded in typical statistical/econometric packages. The codes are identical for each dataset and same information as the previous one, i. e.

population shares, group-specific life expectancies and overall life expectancy is required. The general idea is based on defining estimated weights as functions of population shares and then employing the constrained regression algorithm to obtain the weights as the solution to a minimization problem under additional conditions.

Possibility of obtaining negative weights when A & S method is applied is a problem of greater importance. It is especially likely when very small and very large sub-populations appear in the dataset concurrently. This problem may be handled in several ways. The formal algorithm is based on quadratic programming with an inequality constraint. The Excel add-in Solver offers such a solution, however it also requires matrix manipulations and cannot be applied to large datasets. The regression based algorithm may yield negative weights for some datasets which is the main drawback of this proposal. Adding one more constraint makes negative solutions less likely, however does not exclude it.

The first empirical example utilizes data on 12 countries selected from the Human Mortality Database. They are intended to cover possible wide ranges in terms of country size (from Luxembourg to the United States) and longevity (from Russia and Ukraine to Japan and Switzerland). Gini and Theil indices are inequality measures. The latter is additionally decomposed into within and between sub-group inequalities. For that purpose the countries are split into: post-communist European countries, other European countries and non-European ones. Another example is based on longevity statistics in 80 regions of the Russian Federation.

The remaining part of the paper is organized as follows. In Section 2 the details of algorithm based on a minimization of sum of squares are introduced. Section 3 presents alternative method based on a minimization of sum of absolute values. Section 4 offers some solutions to the problem of negative weight estimates. In Section 5 several inequality measures are calculated using various types of weights. Section 6 concludes.

2. PRACTICAL ALGORITHM FOR MINIMIZING SUM OF SQUARES OF DEVIATIONS

Formally, the problem of weights by which life-expectancies of population groups at age x (e_{ix}) are weighted together to a given life-expectancy (e_x) may be written as a system of two equations:

$$\sum_{i=1}^n e_{ix} \frac{l_{ix}}{l_x} = e_x \quad (1)$$

$$\sum_{i=1}^n \frac{l_{ix}}{l_x} = 1 \quad (2)$$

where l_{ix} stands for a number of the people at age x in i -th group ($i = 1, 2, \dots, n$) and l_x is a total number of the people at age x . As it is not necessary to know both l_{ix} and l_x , the weights $\frac{l_{ix}}{l_x}$, being a solution to the above system, are denoted hereafter as w_{ix} . The above equations give a unique solution if and only if the number of population

¹ Alternative solution based on minimization of sum of absolute deviations is also examined in the present study.

groups (n) is two. The algorithms proposed in the present study utilize constrained regression which is included in standard statistical or econometric packages and may be applied to more than two sub-groups (countries or regions in the present study). For simplicity, the age subscript x is dropped hereafter, as the algorithm is identical for each age group.

Let v_i denotes i -th population share. The weights w_i are the solution to the following minimization problem

$$\min_w \sum_{i=1}^n (w_i - v_i)^2 \quad (3)$$

such that

$$\sum_{i=1}^n w_i e_i = e \text{ and } \sum_{i=1}^n w_i = 1 \quad (4)$$

To take an advantage of minimization algorithms built in statistical/econometric packages one should write a weight w_i as a function of population share, say $f(v_i)$. The number of its parameters should be greater than the number of constraints but not higher than the number of population shares. It results from simple simulations that the solutions are virtually insensitive to the type of the function f . Therefore, a quadratic form which may be estimated using a linear algorithm is used

$$w_i = f(v_i) = a(v_i)^2 + bv_i + c \quad (5)$$

Hence, the minimization problem (3–4) is equivalent to the constrained estimation of the parameters a , b and c by the least squared method, under following constraints

$$a \sum_{i=1}^n e_i v_i^2 + b \sum_{i=1}^n e_i v_i + c \sum_{i=1}^n e_i = e \quad (6)$$

$$a \sum_{i=1}^n v_i^2 + b \sum_{i=1}^n v_i + nc = 1 \quad (7)$$

Once the parameters are estimated, the weights may be calculated using eqn (5). In the light of the econometric theory, the presented method seems to be nonsensical, as population shares v_i appear both on the left-hand and right-hand sides of the estimated equation. However, this estimation is performed solely for utilizing an optimization algorithm included in the least squares method. For the same reason, no post-estimation tests are necessary. In this study the STATA command ‘cnsreg’ is used. It is also possible to rewrite eqns (5) – (7) in the way allowing estimation of constrained regression models when the only available constraint is imposing the intercept equal to zero. This method is described in details in the next section, presenting the algorithm based on minimization of the absolute deviations, which may be an alternative to the least squares method.

3. ALGORITHM FOR MINIMIZING THE SUM OF ABSOLUTE DEVIATIONS

In that case the general principles of estimation of the weights are identical. The only difference is in construction of eqn (3) which takes the form

$$\min_w \sum_{i=1}^n |w_i - v_i| \quad (8)$$

This type of estimation is known as the least absolute deviations regression (LAD) or Laplace regression (Koenker and Bassett, 1978). Though this type of regression is attributed by some advantages over the least squares method, they are not meaningful in the present context. Nevertheless, when very small weights appear (less than 0.01), they virtually have no impact on the final solution when squared differences are minimized. For that reason, minimization of absolute deviations is worth consideration. Unfortunately, most of statistical/econometric packages does not allow constrained LAD optimization. Among others, few allows only one type of a constraint: zero intercept (c in eqn 5). Supplementary to the present estimations, TSP (Time Series Processor) has been experimentally used². The respective command is ‘LAD’ with the abovementioned constraint. LAD estimation under constraints (6) and (7) is feasible after rewriting dependent and independent variables, ww_i and vv_i respectively, in the following manner

$$ww_i = v_i^2 \left[\left(\frac{1}{v_i^2} - \frac{p3}{p1} \right) \left(\frac{1 - e \frac{q1}{p1}}{n - q1 \frac{p3}{p1}} \right) + \frac{e}{p1} \right]$$

$$vv_i = v_i - v_i^2 \frac{p2}{p1} - \left(1 - \frac{p3}{v_i^2 p1} \right) \frac{q2 - q1 \frac{p2}{p1}}{n - q1 \frac{p3}{p1}}$$

where

$$p1 = \sum_{i=1}^n e_i v_i^2, p2 = \sum_{i=1}^n e_i v_i, p3 = \sum_{i=1}^n e_i,$$

$$q1 = \sum_{i=1}^n v_i^2 \text{ and } q2 = \sum_{i=1}^n v_i$$

Next, the following regression model should be estimated by means of the LAD

$$ww_i = b \cdot vv_i$$

Once the parameter b is estimated, a and c can be calculated using the equations

$$c = \frac{1 - b \left(q2 - q1 \frac{p2}{p1} \right) - e \frac{q1}{p1}}{n - q1 \frac{p3}{p1}}$$

$$a = \frac{e - b \cdot p2 - c \cdot p3}{p1}$$

and, finally, the eqn (5) is used to calculate the weights. Identical algorithm may be also used for minimizing sum of squares, described in the previous section. This may be especially useful, when for some datasets the minimization algorithm built in typical packages is unable to provide a solution when equations (5) – (7) are employed.

² The results available upon request.

4. HANDLING NEGATIVE SOLUTIONS

The algorithms presented in chapters 3 and 4, neither A & S method do not ensure solutions yielding positive weights. Receiving negative estimates is likely when sub-populations vary considerably in terms of sizes and some of them represent very small (say, much less than 1%) shares. This problem may be handled in two ways. First, by adding an additional constraint in the estimation based on equations (5) – (7). As standard statistical/econometric packages does not allow imposing positive solutions, it has to be written indirectly. After changing eqn (5) from quadratic to cubic (to ensure the number of parameters greater than the number of constraints), the additional constraint may take the form

$$av_{min}^3 + bv_{min}^2 + dv_{min} + c = v_{min} \quad (9)$$

where v_{min} stands for a minimum population share.

In that way, a minimum estimated share remains unchanged and therefore cannot be negative. If a weight w_i is an increasing function of population share v_i all solutions are positive. This condition is not necessary true, however. Therefore, in some cases v_{min} might be replaced by a maximum (or any reliable) value, especially when the estimated weight for highest population share is greater than actual one. Nevertheless, none of this conditions protects from receiving negative weights. If this happens one can use Excel add-in Solver (downloadable from the producer) allowing to reach non-negative weights. However, this requires matrix manipulations that might be avoided when using methods based on regression. Moreover, Solver is not capable to manage large datasets. At no circumstances the number of sub-populations can exceed 200, however with some more complex algorithms this limit may be reduced to less than 70. Hence, the weights for 80 Russia's regions could be calculated with the simplest method only.

Excel Solver is capable to provide both minimization of squares (eqn 3) and of absolute values (eqn 8). The first one may be handled using built-in nonlinear procedure with two constraints (eqn 4). Minimization of absolute values may be performed using linear SIMPLEX method with an additional constraint. As $|x| = \max\{x, -x\}$, w_i non-negativity may be ensured by adding constraints

$$\forall i: \begin{cases} w_i - v_i \geq w_i - v_i \\ w_i - v_i \geq v_i - w_i \end{cases}$$

while the function minimised is $(w_i - v_i)$. Since Excel Solver does not allow constraints in the form 'greater (less) than' it may be necessary to add one more restriction (at the cost of further reduction of the data size) in the form $w_i \geq \varepsilon$, where $\varepsilon > 0$ stands for a reasonably small (say, 0.00001) number.

Two more methods might be added to the abovementioned. As negative solutions appear only for the sub-populations with very small shares, they may be corrected "manually" after the estimation. The formal solutions might be changed to (e. g.) actual population shares while one or two largest weights are respectively

decreased. Naturally, this method cannot be justified on the theoretical ground and its usefulness is purely practical, as allows avoiding matrix manipulations, necessary when Excel Solver is used. Another approach is based on regressions ensuring the solutions fitting interval $[0; 1]$. Fractional regression (Papke and Wooldridge, 1996) or constrained logit regression might be used for that purpose however both techniques are somehow problematic. They are based on maximum likelihood method rather than on minimization of the deviations. For that reason they hardly can be said to provide a "minimum distance" between estimated weights and population shares. Moreover, only few statistical/econometric packages offer aforementioned algorithms.

5. EMPIRICAL EXAMPLE

In this section longevity inequality measures are calculated using various types of weights described in the previous sections. The data include

- 12 countries selected from Human Mortality Database (years 2013 or 2014), men and women separately (hereafter: HMD12)

- 80 regions (*raions*) in Russia, 2010, men and women together, source: Human Development Report, 2013

Table 1 displays life expectancies and population shares for HMD12. The data for Russia are too large to fit this paper (they may be found in Human Development Report, 2013, Tab. 7.2, pp. 139-140). Using population shares instead of weights applied in life tables results in moderate misestimation of average life expectancy: from 0.2 to 0.38 years. Table 2 displays the differences between maximum and minimum life expectancies (ranges) for three datasets analyzed. What may be surprising, the range for Russian regions is higher than those observed for HMD12 countries: by three years for men and by 9.7 years for women. For instance, the gap between Ingushetia and Tuva is higher than the gap between Switzerland and Russia for men.

The estimates of weights³ utilizing STATA constrained regression are satisfactory (all weights are positive) for HMD12 for men and for the regions of Russia. However, for HMD12 for women some negative weights were obtained. Therefore it was necessary to employ Excel Solver ensuring all positive weights. Two abovementioned algorithms, based on minimization of sums of squares and of absolute values, were applied for all datasets. For the regions of Russia, however, it was impossible to obtain the weights by means of the latter method, due to the dataset size exceeding Excel Solver capacity.

The ranges calculated for life expectancies (Table 2) are insensitive to the weighting system, therefore to evaluate its impact on inequality measures it is necessary to calculate different inequality indices. In the present study two formulas, Gini and Theil, are employed. The latter is also decomposed into between- and within-group inequality. In Table 3 Gini inequality indices for three datasets are displayed. This formula is calculated with

³ Detailed estimates available upon requests.

Table 1

Life expectancy and population shares for 12 HMD countries

Country	Life expectancy, women	Population share	Life expectancy, men	Population share
Czech Republic	81.15	0.01312	75.15	0.01352
Germany	82.86	0.10088	77.99	0.1031
Israel	83.84	0.00988	80.29	0.01035
Japan	86.63	0.15840	80.23	0.160463
Luxembourg	83.43	0.00066	79.37	0.000703
New Zealand	83.42	0.00554	79.8	0.005664
Poland	80.92	0.04876	72.98	0.048824
Russian Federation	76.29	0.18880	65.1	0.173701
Sweden	83.71	0.01174	80.1	0.012477
Switzerland	84.74	0.00998	80.52	0.01039
USA	81.29	0.39238	76.54	0.405933
Ukraine	76.21	0.05985	66.31	0.054875
Weighted mean	81.13 (80.75)	-	74.69 (74.49)	-

Legend: life expectancies from life tables in parentheses (last row)

Source: own calculations based on Human Mortality Database

Table 2

Life expectancy ranges (in years)

HMD12, women	HMD12, men	Russia 80
range: $e_{\max} - e_{\min}$		
86.63 - 76.21 = 10.42 (Japan, Ukraine)	80.52 - 65.10 = 15.64 (Switzerland, Russia)	79.08 - 61 = 18.08 (Ingushetia, Tuva)

Source: own calculations based on Human Mortality Database and Human Development Report (2013)

Table 3

Gini inequality indices under various weighting of sub-populations

Weights	Women HMD12	Men HMD12	Russia 80
	Gini index * 100		
no weights	1.9544	3.4823	2.11644
actual population shares	2.22533 (113.9%)	3.6647 (105.2%)	1.84198 (87.0%)
STATA, min. squares	n. a.	3.88038 (111.4%)	1.80208 (85.1%)
Solver, min. squares	2.23347 (114.3%)	3.7847 (108.7%)	1.70628 (80.6%)
Solver, min. absolute values	2.19255 (112.2%)	3.73571 (107.3%)	n. a.

Legend: percentage of unweighted index in parentheses

Source: own calculations based on Human Mortality Database and Human Development Report (2013)

the use of four types of weights described in the previous sections. The most general conclusion is: weighting matters. The weighted indices range from 80.6% to 114.3% of unweighted formula, depending on the data employed,

however no regularities in the sign of those differences can be observed. For Russia weighting sub-group life expectancies reduces inequality measures by from 13% to 19.4%. On the other hand, for HMD12 countries using

Table 4

Theil inequality indices under various weighting of sub-populations

Weights	Women HMD12	Men HMD12	Russia 80
	Theil index * 100		
no weights	0.0672	0.2337	0.08709
actual population shares	0.08577 (127.6%)	0.25652 (109.8%)	0.05721 (65.7%)
STATA, min. squares	n. a.	0.28188 (120.6%)	0.05573 (64.0%)
Solver, min. squares	0.08632 (128.5%)	0.26877 (115.0%)	0.05003 (57.4%)
Solver, min. absolute values	0.08379 (124.7%)	0.26421 (113.1%)	n. a.

Legend: percentage of unweighted index in parentheses

Source: own calculations based on Human Mortality Database and Human Development Report (2013)

Table 5

Decomposition of Theil index into within- and between-group inequality (post-communist countries, "Western" Europe, non-European countries)

Weights	Women, HMD12		Men, HMD12	
	within	between	within	between
no weights	36.1%	63.9%	25.6%	73.5%
actual population shares	38.6%	61.4%	17.7%	82.3%
STATA, min. squares	n. a.	n. a.	14.7%	85.3%
Solver, min. squares	35.0%	65.0%	17.1%	82.9%
Solver min. absolute values	35.1%	64.9%	17.2%	82.8%

Source: own calculations based on Human Mortality Database (2013)

weights raises indices by from 5.2% to 14.3%. The latter may be easily explained by the data: five largest countries constituting more than 90% of the whole population (USA, Russia, Japan, Germany and Ukraine) are characterized by very large disparities in life expectancy (see Table 1). Similar, though more sizable, impact of weighting may be observed when Theil inequality index is utilized (see Table 4): increase for HMD12 countries and reduction for Russia. Higher absolute differences, as compared to those obtained by means of Gini formula, may be explained by general properties of those indices. Theil index is much more sensitive to extreme individual values, while Gini index is responsive to their whole range. This property is also responsible for much higher relative differences between inequality measures for women and men when Theil index is employed. All abovementioned observations are valid irrespectively to the method of the weights estimation, though the differences between the final inequality measures due to the algorithm applied are non-negligible. For HMD12 data the results obtained by Excel Solver are closer to those obtained with the use of

actual population shares than the constrained regression estimates. Opposite relations may be observed for Russia.

In the final step an impact of weighting on decomposition of Theil index into within- and between-group inequality (for details of the decomposition see e. g. Shorrocks, 1980) is evaluated. For that purpose the countries included in HMD12 were split into three groups: post-communist countries (Czech Republic, Poland, Russia and Ukraine), other European countries (Germany, Luxembourg, Sweden and Switzerland) and non-European countries (Israel, Japan, New Zealand and USA). In Table 5 results of the decomposition are displayed. The first term ('within') is a relative measure of mean inequality within all groups of the countries, while the second one measures inequality between mean life expectancies for three groups. Both components sum up to 100% or to the value calculated for the whole dataset. In typical applications of Theil index, i. e. measuring welfare (especially income) inequality, a within-group component is usually much higher than between-group one. Decomposition of longevity inequality provides opposite picture: between-

group inequality appears to be much higher. Roughly speaking, the gap between Russia or Ukraine and Japan or Switzerland is much higher than the gap between Russia or Ukraine and Czech Republic or Poland. In income studies opposite phenomenon may be observed: the gap between mean incomes for, say, pensioners and employees is much lower than the gap between “poor” and “rich” employees (or even pensioners). As in the previous cases, weighting country-specific life expectancies changes the results of the decomposition, especially for men when considerable reduction of within-group component arises.

6. CONCLUDING REMARKS.

An answer to the question “to weight or not to weight?” depends on the goal of the study. If it is aimed at comparing average public health status between subgroups, then weighting is not necessary. When, for instance, Russia and Luxembourg are compared with this respect, the sizes of the countries does not influence a large gap between them. This is also true in comparisons of more than two countries by means of inequality indices (Gini index may be interpreted in terms of average absolute relative gap between the units). Weights become necessary when the question is “how unequal people in a given population are?”. In spite of large gap in average life expectancy between Russia and Luxembourg, the impact of the latter on the population composed of two countries is almost negligible, due to its size. Replacing Luxembourg by Germany, characterized by lower life expectancies (resulting in lower distance to the Russian average), would result in increase in inequality in the combined population.

Weighting sub-populations is usually neglected in demographic studies. Works by Ananad et al (2001) and Shkolnikov et al (2001) are among few exceptions, however they do not offer a satisfactory solution for two reasons. First, for some datasets the weights calculated by means of the proposed algorithm may be negative. Second, the calculations utilize matrix algebra that may be troublesome when calculations have to be repeated, for instance for age groups from 0 to 110 years. Shkolnikov et al (2001) proposed alternative solution based on specialized software (MatLab) which is capable to ensure weights positivity. However, due to MatLab price and availability it cannot be considered a universal outcome. In this paper two alternative solutions, requiring any statistical/econometric package including constrained least squares regression and/or Excel add-in Solver, are proposed. That based on a regression is more practical, as may be easily repeated as many times as necessary, once the codes are written, however does not ensure positive weights for some datasets. Using Excel Solver yields

positive weights, however is more awkward when the procedures have to be repeated numerous times and may be applied only to small and medium datasets.

Empirical calculations based on 12 countries included into Human Mortality Database and Russia’s regional longevity statistics demonstrated a considerable impact of the weights on the results. All unweighted inequality indices differ considerably from those using weights, however the sign of those differences is not fixed and depends on the data specificity. Important, though smaller, difference appear also between indices obtained by means of various weight systems. This demonstrates that the problem of weights in demographic studies (covering also a construction of aggregate life tables) must not be neglected, though none of the solutions described in the present paper can be recommended as ideal. Nevertheless, even imperfect weighting system that do not yield robust results in some cases should be recommended as an alternative to unweighted calculations.

ACKNOWLEDGEMENT

I am grateful to Michal Lewandowski for his very helpful advice on mathematical programming, especially on using Excel Solver. All remaining errors are solely mine.

REFERENCES

1. Anand S., Diderichsen F., Evans T., Shkolnikov V.M. and Wirth M. (2001), “Measuring disparities in health: methods and indicators”, in: T. Evans, M. Whitehead, F. Diderichsen, A. Bhuiya and M. Wirth (eds.) *Challenging inequities in health: from ethics to action*. Oxford University Press, pp. 48–67.
2. Human Mortality Database. University of California, Berkeley (USA) and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany), www.mortality.org.
3. Koenker R.W. and Bassett G.W. (1978), *Regression Quantiles*, *Econometrica* 46, pp. 33–50.
4. Smits J., and Monden C. (2009), Length of life inequality around the globe. *Social Science and Medicine*, 68(6), pp. 1114–1123.
5. Sustainable Development: Rio Challenges, National Human Development Report for the Russian Federation 2013, UNDP, Moscow.
6. Papke L.E. and Wooldridge J. M. (1996), Econometric Methods for Fractional Response Variables with an Application to 401(k) Plan Participation Rates. *Journal of Applied Econometrics*. (11), pp. 619–632.
7. Shkolnikov V.M., Valkonen T., Begun A. and Andreev E.M. (2001), Measuring inter-group inequalities in length of life, *Genus*, Vol. 57, no. 3/4, pp. 33–62.
8. Shorrocks A.F. (1980). The class of additively decomposable inequality measures. *Econometrica*. Vol. 48, no. 3, pp. 613–625.

*Your article has been accepted
by the editorial office for publication 19.10.2017*

*[Статья принята
редакцией 19.10.2017]*

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20170415
УДК 94(47)82-343.5

Н. ЗАЙЦ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИИ*

Институт культурной истории Научно-исследовательского центра
Словенской Академии наук и искусств
г. Любляна (Словения)

На основе анализа Судного списка преп. Максима Грека, сочинений церковного публициста и разнообразных рукописных источников выстраивается история перевода «Жития Богородицы» Симеона Метафраста, вошедшего в ряд обвинений афонскому монаху. Поставлены акценты на некоторые аспекты переводческой деятельности афонского монаха в России, приобретшей идеологическое звучание. Описана практика культурного влияния через труды средневекового публициста византийской гимнографии на христианское сознание русского общества, рассмотрены способы соединения в богословскую систему канонических текстов и сведений из христианского историко-литературного наследия (агиографических, иконографических, документальных).

Ключевые слова: Судный список, Максим Грек, Симеон Метафраст, Максим Исповедник, византийская гимнография.

N. ZAJC

ON THE QUESTION OF TRANSLATION ACTIVITIES OF MAXIMUS THE GREEK IN RUSSIA

Institut of Cultural History, Scientific Research Center,
Slovenian Academy of Sciences and Arts
Ljubljana (Slovenia)

This paper presents the circumstances of the second trial against St. Maximus the Greek in 1531. The author focuses on the accusation of supposed heretical mistakes in his translation of the text “the Hagiography of the Mother of God” from *Menologion* of Symeon Metaphrastos. On the basis of the manuscript it is proposed that Maximus used a rare method of translation for the time, but an examination of the text also raises questions about the earlier hagiographic sources from the Eastern and Western early Christian traditions, such as the patristic and liturgical interpretations of the hagiographic material. Of particular interest here is the tradition of the Byzantine hymnography reflected in the works of St. Maximus the Greek, mainly in those that are defined as prayers, confessions and theological polemics that showed his attachment to the protection of the Mother of God. Obviously, an Athonite monk understood the Mother of Good as a part of the orthodox Holy Trinity, which he explained in his texts. He often supported his arguments for the holiness of the Mother of God with exegetic examples from the Holy Scripture. Indeed, the verses from the Byzantine hymnographical odes, dedicated to the Virgin Mary, which flourished in the Holy Vatopedi monastery, as well as in the Athonite period of the monk Maximus, present

*Работа выполнена при поддержке проекта P6-0094 APPC Республики Словении.

Нежа Зайц – д-р ист. наук, научный сотрудник, Институт культурной истории Научно-исследовательского центра Словенской Академии наук и искусств, г. Любляна (Словения), e-mail: nzajc@zrc-sazu.si.

Neža Zajc – Ph.D., Research Fellow, Institute of Cultural History, Scientific Research Center, Slovenian Academy of Sciences and Arts, Ljubljana (Slovenia).

the essence of the works and personal theology of Maximus the Greek. Therefore, this unique monastic worldview, which combined very different sources of Christian knowledge (the Holy Scripture, hymnography, liturgy, patristic, iconography, and hagiography), was also marked by the special consideration of the Mother of God in Orthodox theology, which together make the theological system of Saint Maximus the Greek so original.

Key words: Minutes of the Trial Court, Maximus the Greek, Symeon Metaphrastos, Byzantine hymnography.

Одним из эпизодов суда 1531 г. над Максимом Греком было обвинение в «хульных строках», обнаруженных в его переводе «Жития Пречистой Божьей Матери» Симеона Метафраста. Речь шла о смешении союзов «аки» и «яко» в рассказе о зачатии Богородицы: «аки семени мужа никако же причастишася» вместо «яко семени...»; «аки праведный глаголет» вместо «яко праведен глаголет» и фразе «совокупление же до обручения бе», исправленной Михаилом Медоварцевым на «совещание же до обручения бе». Максим Грек ошибки не признал (считал их описками): «То, господине, ересь жидовская, и аз того не переводил и не писал, и писати не веливал, то на меня ложь, яз так не глаголю, ни мудрствую, ни пишу. Аще ли буду такову хулу мудрствовал или писал, да буду проклят» [1, с. 128]. Преп. Максим Грек в своих сочинениях, написанных после суда, выступал против ереси жидовствующих, которая была одной из распространенных на Руси в конце XV–начале XVI в. Н. В. Синицына отметила, что в сборнике, переписанном Михаилом Медоварцевым – РНБ. Соф. собр. № 1498. Сборник житий Симеона Метафраста. Лл. 119–160 (далее Соф. 1498), – сохранились неисправленные чтения (лл. 120 об., 122 об., 123 об.) [1, с. 181; 2, с. 314–317].

На осторожность в трактовке целомудренной природы Матери Божьей и нераздельности с ее Сыном Максим Грек указывает в самом начале «Слова о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в том же и на иудея»: «Се и вертепъ, и ясли, и новороженъ младенецъ в нихъ, въскло-ненъ Материю Своею неискусомужною» [3, с. 66]. В Нижегородско-парижском собрании (по классификации Н.В. Синицыной) – Paris. Man. Slav. 123, которое отражает архетип прижизненных кодексов Максима Грека – Иоасафовского и Хлудовского [3, с. 34–40], это сочинение следует непосредственно за «Молитвой к Пречистой Богородице». Безусловно, Максим Грек осознавал возможности неправильного толкования «Жития Богородицы» Метафраста, о чем свидетельствуют многочисленная правка текста и маргиналии в рукописном сборнике житий Симеона Метафраста Соф. 1498. Следует обратить внимание еще на некоторые обстоятельства этого переводного текста, насыщенного библейскими цитатами и представляющего собой пример компиляции, характерной для письменной традиции византийского переходного века (IX в.).

С. А. Белокуров полагал, что оригинал «Жития Богородицы» Симеона Метафраста не сохранился [4, с. 317–318], хотя эта рукопись была позднее издана в 1917 г. В. Латышевым [5, с. 345–383]. Однако в последние годы в науке стало известно, что текст Симеона Метафраста в значительной мере опирался на предыдущие агиографические византийские источники. Поэтому оригинал, который переводил Максим Грек, скорее всего относился к дометафрастовской традиции [6, с. 307–328].

«Житие Богородицы» открывается своеобразным зачином, в котором утверждается пречистая природа Божьей

Матери: «Подобаше воистинну Девици, якоже само Бог къ человеку прити хотяща. Достоино нѣкое и благочестно обрѣтесе жилище, тако ныне о ком в по... [рукопись повреждена на полях] ление винѣ нам предлагащеи» (Соф. 1498, л. 119). Это положение основано на авторитете трех восточнохристианских богословов: Григория Нисского, Афанасия Александрийского и Дионисия Ареопагита. Далее приведены слова из песни на Рождество Григория Нисского: «Убо божественный Григорие въ словѣ еже на Христово рождество, ему съчинися, таковая о Неи повѣствует. Слышахъ, глаголя сокровенныя нистория, такова предлагающия яже о Неи повѣдания» (Соф. 1498, л. 119 об.), которые воспроизводят точно такую же трактовку из «Жизни пресвятой Девы Марии» Максима Исповедника [7, с. 21; 8, с. 38], на основе которой «Житие Богородицы» Симеона Метафраста и было составлено. Но этот труд Максима Исповедника до наших дней сохранился только в рукописи грузинского переводчика Евфимия Святогорского из афонского Иверского монастыря.

Возможно, Максим Грек был знаком с содержанием сочинения Максима Исповедника, причем в греческом оригинале, который, по всей вероятности, находился в афонских библиотеках, в том числе в хранилище Ватопедского монастыря. Важно отметить, что в текст перевода Максима Грека «Жития Богородицы» Симеона Метафраста включены также упоминания о менее известных византийских богословах, например, о Ювенале Иерусалимском (проявился в борьбе с ересью Нестория [9, с. 338]), и это позволяет полагать, что он использовал свое знание византийской гимнографии по памяти.

Обратим внимание и на то, что перевод Максима Грека отражает два вида переводных техник библейского и священных текстов. Вероятно, он соединял два грамматических наследия в одно: восточное – Аполония Диоскула – и западное – Донатуса и Прискиана, отдавая при этом предпочтение византийской письменной традиции. Повторение однокоренных слов ему было необходимо, чтобы выразить взаимное воздействие словесных форм и агиографического содержания текста (повторы выделены курсивом): «вездѣ бо божественных евангелии мати она по неизреченном роении пресвѣтлѣ же и истиннѣ именуется <...> и отнудъ недомыслено обрѣсти инако ту именуему» (Соф. 1498, л. 142 об.); «тѣмже ниже множайшаа чюдеса *воскресения* случися тѣмъ видѣти, она же неоттрьже ныне близъ *гробу* присѣдащи, зряще вся явѣ <...> вся яко имяше извѣстнѣ *виде*, еже ниже мало якоже рѣхомъ отступити от *гроба*, дондеже и живоносное *виде* *воскресение* <...> *види* же ся убо прѣвѣи датися и благовещения и *воскресения*, и яко мощно *зрителници* Еи быти Сыновня свѣтлости» (Соф. 1498, л. 143). Поэтому он выбрал такую переводную технику, которая позволяла, не уделяя главного внимания роли синтаксиса (что было тогда актуально на Западе) [10, с. 32], с помощью особого чередования предложения отразить морфологическую способность выражать отдельно повторяемые грамматические единицы в тех

словах, на которые ставился акцент в богословско-литургическом понимании текста.

Важная литургическая роль отводится и тексту «Жизни деви Марии» Максима Исповедника, в котором утверждалось глубокое сочувствие Божьей Матери своему Сыну. Богословскую точку зрения преп. Максима Грека можно объяснить его личным духовным опытом, через который он осознал необходимость присутствия еще одного лица в православном исповедании, а именно Матери Божьей, благодаря посредничеству которой сущность вечной жизни в Христе, понимаемая как Церковь Христова, являлась ядром богословской трактовки Ветхого Завета («Высокой Песни Песен») Григория Нисского, а также Амброзия Медиоланского, во многом считавшегося зачинателем богослужебных песен Богородице на западе.

Такие сочинения Максима Грека, как «Молитва ко Пречистой Богородицы, в той же отчасти винослове о страсти Спасове» [3, с. 59–62], «Словеса аки от лица Пресвятыя Богородицы к лихоимцам и скверным и всякия злобы исполненным» [3, с. 317–318], перевод «Молитвы Марии Египетской» (РГБ. Ф. 256. Рум. собр., № 264, л. 66 об.–67 об.), построены по устойчивой модели покаянной и благодарственной молитвы. В нее входят: непосредственно обращение к Божьей Матери; личное покаяние, вызванное осознанием своей греховности и человеческой немощи; свидетельство необходимости присутствия Святого Духа, которым также утверждается святость Божьей Матери; напоминание о небесной радости и свете, известном из библейской притчи о виноградаре (Мф 20, 1–16). На этих примерах можно видеть связь почитания Богородицы Максимом Греком и литургического восприятия текста Священного Писания.

Последовательно Максим Грек не только в своих молитвах, но и в текстах конфессионального характера, а также в сочинениях, посвященных ключевым богословским вопросам, в том числе полемическим, направленным, например, против еретических учений Ария, Нестория и Евтихия, защищал святость Матери Божьей. Так, в «Слове отвещающем о исправлении книг русских» читаем: «...посрами Ариа, сице паки сеи стих богомръзскую хулу Несторию низлагает, еуже единого ипостасию Богочеловѣка Христа въ двою лицу раздѣляше, иного глаголя рожденнаго Еммануила отъ Приснодѣвы Марии и Иного съшедшаго съ небесе Бога Слова, еяже ради вины ниже Богородицу хотяше глаголати нечестивыи едину Приснодѣву и всенепорочную Бога Слова Матерь, но Христородительницу» [3, с. 138].

Речь идет о том, что Максим Грек в первую очередь противостоял временному словесному закреплению Сына Божьего на земле, что отразилось в его сочинении «Слово отвещающе о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть Господня по въскресении их мрътвых не описана бысть» [3, 136–145]. Поэтому он и настаивал на словоупотреблении «Сына Его собезначального», что лежало в основе ранней (Григорий Нисский, Григорий Богослов) и позднейшей патристической полемики (Максим Исповедник). Более того, его почитание Богородицы отразилось во многих его текстах, составленных из библейских или святоотеческих цитат, а также выписок из сочинений византийской гимнографии: «по божественному слову глаголющу: «И преклони небеса и сниде» ... снитие Его еже на земли

и еже въ Пречистѣи утробѣ Богоматере безсемѣнное зачатие Его» [3, с. 291].

Преподобный Максим Грек большинство своих текстов заканчивал благодарственным обращением к Иисусу Христу и Пресвятой Богородице: «Праведенъ еси, и прави суди Твои, по божественному и покланяемому слову, яко наказания ради и обращения нашего, ниже самѣхъ Твоихъ святыхъ и покланяемыхъ щадить храмовъ и образовъ Твоихъ и Пречистыя Ти Матере» [3, с. 239]; «обою о тебѣ, Богородице, смотрѣние бысть, рекше божественною силою преложишася и побѣдишася естественни устави» [3, с. 283]; «отъ нихъ же да избавитъ насъ Господь, молитвами Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и приснодѣвы Марии» [3, с. 295]. Признание Максимом Греком неразделимости Божьей Матери и Ее Сына можно объяснить раннехристианской установкой, ставшей снова актуальной в эпоху европейского Возрождения прежде всего из-за нарастающих еретических и прочих ложных учений. Но только преп. Максиму Греку в отношении его почитания Божьей Матери было свойственно свидетельство о заступничестве Богородицы, это было обусловлено охранением монастырей Святой Горы Афон Богоматерью с древнейших времен.

Максим Грек воспринимал Богоматерь как неотделимую от исповедания православной веры, без которой достоверное православное вероисповедание всех трех лиц Святой Троицы вообще не могло бы осуществиться. В своем программном сочинении «Исповедание православной веры» он ясно высказался о необходимости включения в догмат Святой Троицы также Богоматери: «Такожде вѣрую и исповѣдую ражаемаго безначальнаго и присносущнаго Сына и Бога Слова отъ безначальнаго Бога и Отца, благоволениемъ Отчимъ и осѣнениемъ Святаго Духа зачята бывша въ пречистыхъ ложеснахъ Пресвятыя и Приснодевы Марии Божия матери» [3, с. 52]. Последнее оказалось существенным для мироощущения Максима в Московской Руси, а молитвенное обращение к Богородице («Еи, молю Тя, пречистая Мати Вышняго, моеи души едино утѣшение, упование, сладосте») можно считать своего рода отражением действительного Богообщения преп. Максима Грека, его личной духовной практики, отвечающей молитвенной монашеской традиции Афона.

Несомненно, Максим Грек был знаком с церковнославянским литургическим языком. А богословское положение, основанное на принципе неразделимости Сына Божьего и Матери Его, отражено в «Житии Богородицы» Симеона Метафраста, что было свойственно прежде всего акафистному поэтическому искусству [11, с. 56]. В «Каноне молебномъ Святому Духу Параклиту» (РГБ. Ф. 274. Рогож. № 302, л. 432–440) почитание Богородицы в каждой песне занимает у Максима Грека последнее место (после молитв Христу, Святой Троице и Святому Духу) – в виде своеобразной тихо воспеваемой концовки (как молитва мытаря (Лк 18: 13), родственной так называемой Иисусовой молитве. Такого рода введение отдельных строк в честь Богородицы между девятью гимнами известно в триодном византийском богослужении, в канонах Андрея Критского уже в VII в. [12, с. 20], а также в церковнославянском «Каноне святого и великаго мученика Христова Дмитрия» Кирилла Философа в IX в. [13, с. 306].

Максим Грек во многом традицию почитания Матери Божьей черпал у авторов византийской гимнографии, например, из песен Козьмы Иерусалимского и канонов Иосифа Гимнографа [14, с. 443]. Склонность Максима Грека к обоснованию почитания Богородицы стихами гимнографической поэзии можно считать характерной чертой его толкования Священного Предания о Богородице. Свое православное богословие Святогорец основал на своем личном и особом богословском восприятии языка Библии [15, с. 375–382]. Сугубо христологическая установка словесного содержания – важный признак его учения. Об этом афонский инок заявлял во время суда над ним в Москве: Священное Писание содержит главные сведения о «предвечности и бесконечности» Иисуса Христа [1, с. 125].

В «Слове на хульники Пречистыя Божия Матери» он прямо указал на причину неправильного толкования всех знамений духовных сил из-за недостаточного знания Священного Писания, к которым он относил и распространение ереси, и хулу Богородицы: «Оле, последние их грубо-сти и неискуства боговдохновенных Писании!» [16, с. 173].

Максим Грек уже в начале своего пребывания на Руси сделал перевод Песни Божьей Матери (Лк 1, 46–55)¹ в Толковой Псалтири. Поместив ее в конце литургической Псалтыри за четыре года до своей кончины, в 1552 г., он выразил мысль о единственном способе оправдания человеческой избранности как следствия Божьего человеколюбия. Хотя за последние годы его перевод литургической Псалтыри хорошо изучен [17, с. 40–54], исследователи не обратили внимание на литургические песни. Поэтому важно отметить, что сохранение в памяти «ангельской песни» представлено именно в «Житии Богородицы» Метафраста, в котором неоднократно звучит пророческое известие: «Радуйся, благодатная, рече, Господь с тобою. От спротивления прьвому к жене гласу, ныне бывает к девице слово» (Соф. 1498, л. 120 об.–121). В переводе Максима Грека показано, как агиографическая традиция в христианском наследии использовала христологическое толкование псалмов.

Неприкосновенность природы Богородицы Максим Грек, исходя прежде всего из ветхозаветной аргументации (псалмов и притч, из книги Чисел, книги Бытия Даниила и Девтерономии), доказывал и в «Слове на хульники Пречистыя Божия Матери» [16, с. 172–181]. В этом он превзошел трактовку Николая Кабасиласа – своего любимого толкователя божественной литургии, который утверждал каноническое толкование безупречной природы Божьей Матери, включая не только пророческие предсказания из псалмов, но и чудесное видение Исаии в пустыни и явление Лестницы Иакова.

Все вышесказанное свидетельствует о позиции преп. Максима Грека, доказывавшего, что Матерь Божья несет ответственность не только за воплощение, но и за вечное пребывание Спаса Христа, так как Сама прежде всего пребывает в сущности деятельного почитания: «Госпожа всѣх стоит одесную всѣх Царя, и Сына, и Творца Ея»

[16, с. 173]. Максим Грек закончил свое сочинение призывом к радикальному отказу от злобы: «Отступите от тако-выя яже на пречистую Божию Матерь досады и хулы лю-тыя» – и пожеланием заступничества Богородицы: «и Та приблизится вам и соблюдет вас» [16, с. 179]. Также в молитвенном обращении он старался выразить вечное присутствие Божьей Матери: «Царь царствующих и Господь господствующих, съ Отцемъ и Всесвятымъ Духом, и съ всенепорочною Владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою Мариєю, неискусомужною материю Своею, яже выну предстательствуетъ и побораеъ по нас и молится единомуродному Сыну Своему и Творцу всѣх, измоляющи выну Его нам» [3, с. 242–243].

Таким образом, для богословского учения преп. Максима Грека о Божьей Матери характерно уникальное соединение разных канонических источников Священного Писания, библейских, гимнографическо-богослужебных и святоотеческих текстов, информации из иконографических и агиографических сочинений христианского наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / подг. Н.Н. Покровского. М., 1971. 186 с.
2. Сеницына Н.В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 286–317.
3. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. С. 66. 430 с.
4. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. 336 с. Приложения I–CCCXI.
5. Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt: fasciculos duos sumptibus Caesareae Academiae Scientiarum e Codice Mosquensi 376. Vlad. Latysev, Vasilij V. Petropoli, MCCXI. Leipzig, 1970. 428 p.
6. Shoemaker S. J. The Georgian Life of the Virgin attributed to Maximus the Confessor: Its Authenticity and Importance // *Scrinium*. 2006. P. 307–328.
7. Shoemaker S. J. Introduction. B: Maximus the Confessor, The Life of the Virgin. Yale, London; New Heaven, 2012. P. 1–35.
8. Maximus the Confessor. The Life of the Virgin. / S. J. Shoemaker. Yale; London; New Heaven, 2012. 215 p.
9. Успенский Ф. И. История византийской империи. М., 2016. Т. 1. 494 с.
10. Robins R. H. The Byzantine Grammarians. Berlin; New York, 1993. 278 p.
11. Wellesz E. "The Akathistos". A Study in Byzantine Hymnography // *Dumbarton Oaks Paper* 1955. P. 143–174.
12. Tillyard H. J. W. Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1923. 72 p.
13. Jakobson R. Selected Writings. Berlin, 1986. Bd. 1. 401 S.
14. Wellesz E. A History of Byzantine Music and Hymnography. 2nd ed. Oxford, 1998. 341 p.
15. Zaje N. Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 – Maksim Grek, 1555/1556) Part 2: Maxim the Greek's Slavonic Idiolect // *Scrinium*. 2016. N 12. P. 375–382.
16. Жүрова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2. 491 с.
17. Вернер И. Н. К истории перевода Псалтири Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // *Славяноведение*. 2017. № 2. С. 40–54.

REFERENCES

1. The Minutes of the Trial Courts on Maksim Grek and Isak Sobaka. Prep. by N.N. Pokrovsky. Moscow, 1971, 186 p.

¹Она отсутствует в православном почитании, но наличествует в западном христианстве не только как праздник, но и как воспеваемая (в том числе и музыкальная песня), и называется она Магификат.

2. Sinitsyna N.V. Master Scribe Mikhail Medovartsev. *Drevne-russkoye iskusstvo. Rukopisnaya kniga*. Moscow, 1972, pp. 286–317.
3. Venerable Maximus the Greek. Writings. Moscow, 2014, vol. 2, 430 p.
4. Belokurov S.A. On the Library of the Grand Princes of Moscow in the XVI Century. Moscow, 1899, 336 p. Appendices I – CCCXI.
5. Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt: fasciculos duos sumptibus Caesareae Academiae Scientiarum e Codice Mosquensi 376. Vlad. Latysev, Vasilij V. Petropoli, MCCXI. Leipzig, 1970, 428 p.
6. Shoemaker S. J. The Georgian Life of the Virgin attributed to Maximus the Confessor: Its Authenticity and Importance. *Scrinium*. 2006, pp. 307–328.
7. Shoemaker S. J. Introduction. B: Maximus the Confessor, The Life of the Virgin. Yale; London; New Heaven, 2012, pp. 1–35.
8. Maximus the Confessor. The Life of the Virgin. / Shoemaker S. J. Yale, London; New Heaven, 2012, 215 p.
9. Uspenskiy F.I. The History of Byzantine Empire. Moscow, 2016, vol. 1, 494 p.
10. Robins R. H. The Byzantine Grammarians. Berlin; New York, 1993, 278 p.
11. Wellesz E. ‘‘The Akathistos’’. A Study in Byzantine Hymnography. *Dumbarton Oaks Paper*. 1955, p. 143–174.
12. Tillyard H. J. W. Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1923. 72 p.
13. Jakobson R. Selected Writings. Berlin, 1986, vol. 1, 401 p.
14. Wellesz E. A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford, 1998. 341 p.
15. Zaic N. Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 – Maksim Grek, 1555/1556) Part 2: Maxim the Greek’s Slavic Idiolect. *Scrinium*. 2016, no. 12, pp. 375–382.
16. Zhurova L.I. Author’s text of Maximus the Greek: literary and the manuscript traditions. Novosibirsk, 2011, part 2, 491 p.
17. Verner I.N. On the History of Translation of the Book of Psalms by Maximus the Greek in 1522–1552: chronology, textology, methodology. *Slavyanovedeniye*. 2017, no. 2, pp. 40–54.

Статья принята
редакцией 26.10.2017

DOI: 10.15372/HSS20170416
УДК 94(571.1)."17/18"

В.В. СЕРОВ

К НАЗВАНИЮ МОНЕТНОГО ДВОРА, ЧЕКАНИВШЕГО «СИБИРСКУЮ» МОНЕТУ

Алтайский институт экономики – филиал
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
РФ, 656011, Алтайский край, проспект Ленина, дом 106е

В историографии горнозаводской кабинетской промышленности и в отечественной нумизматике не сложилось единого обозначения места чеканки так называемых сибирских монет. Основной причиной тому послужила неразвитость такой научной дисциплины, как сибирская нумизматика. Обращение к анализу разнообразных исторических источников позволило сделать вывод о том, что разногласия исследователей по указанному вопросу обусловлены отсутствием в источниках не только определенного названия монетного двора в Сибири, но и самого понятия «монетный двор» для места чеканки сибирских монет вплоть до 1796 г. Высказывается предложение употреблять в специальном научном обороте исторически сложившуюся, унифицированную формулировку локализации монетного производства.

Ключевые слова: сибирская монета, Колывань, Нижне-Сузунский завод, монетный двор, историография, документальные исторические источники.

V.V. SEROV

ON THE NAME OF A MINT COINING SIBERIAN MONEY

Altay Institute of Economics, a filial branch of the
Saint-Petersburg's University of Management Technologies and Economics
106e Lenin av., Barnaul, 656011, Russia

The Siberian numismatics as a scholar discipline is in its developmental phase. Its late start as compared with the numismatic studies in Russia was caused by the specific features of Siberian coin material, specifically its small quantity. That new discipline still doesn't have its own special scientific instruments, namely the certain research aims, correct concepts and adequate methods. For example, there is no correct definition of Siberian mint in the special literary. The purpose of this publication is to analyze historical sources of the XVIII–XIX centuries in order to reveal the most historically correct localization of the Siberian mint. The study led to some interesting findings. Firstly, in the historiography of the Siberian economy there is no generally acknowledged localization of minting in Siberia although this place is well known from the sources; scholars and other authors use three different definitions, quite often simultaneously: Kolyvan' mint, Suzun (or Nizhne-Suzun) mint, and Barnaul one. Secondly, in the bureaucratic office records there was no brief and accurate definition of the site of Siberian mintage up to 1828, when the definition "Suzun mint" appeared in an Emperor's decree, the term "mint" was not officially used with reference to the Siberian mintage during the reign of Catherine the Second. Thus, it's evident that the supreme authority in Russia and all imperial administration avoided any definiteness in this problem. Therefore, modern researchers found themselves out of the clarity as well.

From the historical sources we know that the most precise and complete definition for the site of the Siberian minting in 1763–1828 was the following: "manufacture of the copper Siberian coin at the Nizhne-Suzunsk factory (of Our Kolyvano-Voskresensk factories)". It seems to be the most correct in the scholar use too.

Key words: Siberian copper coin, mintage, Kolyvan', Nizhne-Suzunsk factory, mints, historiography, archival sources.

Отмеченное в исторических источниках весьма определенно место чеканки сибирских монет, тем не менее, до сих пор не обрело в специальной литературе общепринятого

и притом исторически корректного понятия. Выбор современными исследователями одного из существующих названий сибирского монетного двора не основывается, как это

Вадим Валентинович Серов – д-р ист. наук, доцент, профессор, кафедра государственно-правовых дисциплин, Алтайский институт экономики – филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, e-mail: wseroff@yandex.ru.

Vadim V. Serov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Civil Law Department, Altay Institute of Economics, a filial branch of the Saint-Petersburg's University of Management Technologies and Economics.

ни парадоксально, на анализе сообщений разнообразных источников и тем самым осуществляется не вполне осознанно. Данное обстоятельство порождает проблему, которая, в свою очередь, обуславливает трудности при изучении ряда феноменов социально-экономической истории Сибири в Новое время.

Поднятая таким образом проблема до сих пор не обсуждалась в специальной литературе, что свидетельствует об отсутствии всестороннего научного изучения чеканки монеты в Сибири. И ее постановка, и разрешение представляются необходимыми, в первую очередь, для развития сибирской нумизматики как нового направления в рамках сибиреведения и истории Отечества.

Вариативность авторского выбора при именовании места чеканки не только сибирской монеты как таковой, но и в значительной мере общегосударственной монеты, выпускавшейся в Сибири, является традиционной. В историографии горнозаводского кабинетского производства, а также в изданиях по российской нумизматике периода второй половины XVIII – первой половины XIX в. она сформировала особую ситуацию, которую характеризует наличие по меньшей мере трех позиций в связи с названной проблемой.

Одна из них отдает очевидное предпочтение в качестве места чеканки сибирских монет топониму *Колывань* [1; 2].

Другая позиция – преобладающая в современной историографии – предпочитает именовать все монетное производство в Сибири *Сузунским монетным двором*. Впервые такое определение появилось в издании справочного характера [3, с. 741; 4, с. 765], а широкое применение в специальных публикациях термин получил лишь в последние два десятилетия [5, с. 87; 6, с. 139; 7, с. 114; 8; 9; 10, с. 102; 11].

Третья историографическая позиция, которую можно назвать смешанной или альтернативной, наилучшим образом характеризует современное состояние проблемы выбора адекватного названия для монетного двора, располагавшегося в Сибири, поскольку ее формирование происходило параллельно с развитием собственно сибирской чеканки.

Первые попытки обозначить место производства сибирской монеты в отсутствие официально принятой однозначной его дефиниции стали предприниматься в литературе с конца XVIII в. [12, с. 245, 261; 13, с. 502], многочисленные и подчас неуклюжие (см., напр.: [14, с. VIII]), они не привели к появлению единого общеупотребительного определения. Применявшиеся в рамках данного историографического направления понятийно-терминологические конструкции группируются в настоящее время следующим образом: во-первых, на основе традиционного с конца XVIII в. избегания единственного и односложного наименования места чеканки сибирской монеты [15, с. 783; 16, с. 126; 17, с. X; 18, с. 189]; во-вторых, с приданием доминирующего значения в группе известных альтернативных определений топониму «Колывань» [19, с. 196, 205; 20, с. 117; 21, с. 100]; в-третьих, с приданием определяющего значения топониму «Сузун» [22, с. 197; 23, с. 454].

В разнообразной, в том числе исследовательской, литературе ни одна из перечисленных позиций не получила серьезного обоснования. Таким образом, необходимость разрешения обозначенной проблемы очевидна. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к историческим

источникам и рассмотреть по отдельности и с учетом принципа хронологической последовательности сведения, содержащиеся в императорских указах и сенатских постановлениях, а также в переписке официальных лиц, в документах ведомств, подчиненных Кабинету и другим инстанциям, которые курировали чеканку монеты, а также в бумагах частноправового характера, т.е. в источниковом массиве трех уровней: высшего (столичного), среднего (местного административного) и низшего (местного повседневно-бюрократического или даже простонародного, связанного с производством). Выявление в каждом из этих уровней типовых форм обозначения места чеканки сибирских монет позволит определить наиболее приемлемую для использования при изучении истории горнозаводской промышленности в Западной Сибири, а также при анализе нумизматического материала известного периода.

Из вышеперечисленных источников следует, очевидно, признать определяющими источники высшего уровня, поскольку использовавшиеся верховной властью понятия и термины во все времена воспринимались как своего рода матрицы при последующем вторичном их употреблении подчиненными. Наиболее употребительной в них была фраза (здесь она схематизирована, с сохранением основных элементов): «медная монета, сделанная в Сибири на наших Колывано-Воскресенских заводах»¹ [1, с. 49, № 65].

Такая формулировка включала в себя и производственную специфику, и локализацию чеканки, и, пожалуй, отношение власти к описываемому явлению с точки зрения его финансово-юридического значения. Возникнув еще до того, как было определено конкретное место производства медных денег на кабинетских землях, она пережила время чеканки собственно сибирской монеты, поскольку не была заменена на иную в связи с началом производства в Сибири на прежнем месте монеты общегосударственного типа, в какой-то мере она сохранилась в виде отдельных элементов, которые употреблялись в указах одновременно (в промежутке между «сибирским» и «сузунским» периодами чеканки), но разрозненно².

Новое официальное обозначение места чеканки сложилось в конце 1820-х гг.³ и было закреплено в именном императорском указе 1830 г.⁴, – за год до того, как на монетах сибирского чекана появилось новое буквенное обозначение места чеканки – СМ (сузунская монета).

Прочие документы этого уровня в значительной мере повторяют базовые формулировки верховной власти. Уточнения в них появлялись по мере необходимости: например, когда той или иной административной инстанции нужно было объяснить невозможность точного исполнения ею высшей воли вследствие объективных причин. Тогда в формулировки в документах высшего уровня вклинивались реаль-

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830 (ПСЗРИ-I). Т. XVI. С. 445. № 11983; Т. XXI. С. 133. № 15168.

² Например: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXVII. С. 208. № 20351; Т. XXII. С. 516–517. № 16312.

³ Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г. (СУММ/ДР) / сост. М. Деммени. СПб., 1887. Вып. III. С. 31–32.

⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. V. С. 334. № 3604.

ные технологические термины и названия, которые, впрочем, высшая власть затем не включала в словарь официального тематического общения. Для иллюстрации сказанного можно привести указы Кабинета е.и.в. [1, с. 119, № 122, с. 211, № 270; 27, с. 373], переписку Монетного департамента Берг-Коллегии с Кабинетом [1, с. 111, № 104, с. 167, № 185] и начальством Колывано-Воскресенского горного округа [1, с. 116–118, № 121], а также письма должностных лиц, в круг обязанностей которых входил контроль над производством монеты в Сибири [1, с. 105–106, № 113, с. 216, № 275–276, с. 228, № 305].

Как можно заметить, в терминологический оборот столичных чиновников постепенно, в течение почти четверти века, входят дополнительно к первоначальным такие специфические обозначения, как «Сузунский завод», «Нижнесузунский завод» и «Колыванский монетный передел». Нельзя утверждать, что они составили завершённую систему понятий о производстве медных денег в Сибири, поскольку императорскую власть и всю бюрократическую систему в целом подробная картина монетного производственного цикла не интересовала. Важно, что в период до 1828 г. у высшего руководства страны не сформировалось устойчивого и точного представления о том месте в Сибири, где чеканили государственную медную монету. Место ее чеканки предполагало употребление нескольких обязательных ориентиров (нередко – в одном документе) – «Колывано-Воскресенские заводы», «Нижнесузунский (или, коротко – Сузунский) завод», а также субсидиарных определений типа «колыванское (монетное дело)» и «колыванская (медь или монета)», в том числе и на самих монетах в виде аббревиатуры КМ. В описанной системе координат чаще других использовалась группа определений, имевших в качестве корневого слова «Колывань».

Для полноты картины необходимо упомянуть уникальный случай появления в документах высшего уровня выражения «Барнаульский монетный двор» [1, с. 313, № 412; с. 323, № 427]. Тогда, в 1796 г., правительство приняло решение о перечеканке медной монеты и создало особый Комитет, члены которого были далеки от понимания особенностей монетного дела в Сибири [24, с. 97–98], однако знали о том, что главным городом Колыванского горного округа был Барнаул. Очевидно, оба эти обстоятельства и послужили основанием для того, чтобы ввести в краткосрочный оборот новый термин, который был забыт сразу же после отмены начатой было перечеканки медных номиналов в том же 1796 г. Название «Барнаульский монетный двор», таким образом, нужно признать историческим курьёзом.

Гораздо больший интерес вызывает другой замечательный факт – полное отсутствие выражения «монетный двор» во всех официальных документах, содержащих определения места чеканки как собственно сибирской, так и колыванской монеты вплоть до упомянутого выше курьёзного случая с Барнаульским монетным двором, а если не принимать его во внимание, то и до 1828 г., – времени появления в официальном понятийно-терминологическом обиходе названия «Сузунский монетный двор».

Изредка в источниках того времени (составленных специалистами в медном производстве или монетном деле) появлялось выражение «денежный двор» (например: [12,

с. 261; 1, с. 228, № 305]), значение которого для современников отличалось, по-видимому, от более официального понятия «монетный двор». Аналогичное выражение также можно встретить и в документах среднего уровня (местной администрации) [1, с. 112, № 119, с. 197, 202, № 250]. Однако это не официальные бюрократические бумаги, а послания «полуофициального» характера (когда автор занимает административный пост, но пишет не безликий бюрократический отчет, а профессиональное сообщение в свободной форме, оперируя фразеологемами, привычными для специалиста, но не входившими в словарь высшей власти). В других документах среднего уровня использовались типичные для официального документооборота выражения. Следовательно, императорское правительство долгое время не желало называть монетным двором то место при Нижнесузунском медеплавильном заводе, где чеканились монеты. Для сравнения можно взглянуть на практику применения понятия «монетный двор» к прочим местам чеканки в России того же времени: Московский [1, с. 106, № 114], Санкт-Петербургский [1, с. 118, № 121], Сестрорецкий [1, с. 139, № 151], Екатеринбургский [1, с. 216, № 275], Феодосийский [1, с. 230, № 306]. Налицо особое отношение верховной власти к явлению сибирского монетного производства, причину которого еще предстоит выяснить.

Таким образом, предпринятый анализ источников позволяет сделать вывод о том, что имеющиеся в современной специальной (и в научно-популярной) литературе определения (Колыванский монетный двор, Сузунский монетный двор и др.) не являются корректными в полной мере, поскольку не соответствуют историческим реалиям. С этой точки зрения, место сибирской чеканки в период с 1766 по 1828 г. правильно и наиболее точно было бы именовать «при Нижнесузунском (медеплавильном) заводе», оставив в качестве дополнительного альтернативного более общее определение – «на территории Колывано-Воскресенского горного округа».

Впрочем, дискуссия по данному поводу может быть продолжена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великий князь Георгий Михайлович. Монеты царствования императрицы Екатерины II. Т. I: Документы для истории монетного дела царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. XIV, 362 с.
2. Львов М.А. Первые шаги Колыванского монетного двора // Советский коллекционер. 1966. № 4. С. 76–80.
3. Малеев А.И. Сибирская монета // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1900. Т. XXIX А. С. 741.
4. Мурашкинцев А.А. Монетные дворы // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1896. Т. XIX А. С. 763–765.
5. Уздеников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах. 1700–1917. М., 1995. 168 с.
6. Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. 224 с.
7. Колженикова В.В. Сибирская монета в нумизматической коллекции Алтайского государственного краеведческого музея // Краеведческие записки. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 112–118.

8. Маслениковский С.И. Сузунский монетный двор. Барнаул, 2006. 68 с.
9. Мецерыков В.Н. Два эпизода из истории чеканки медной монеты на Сузунском монетном дворе в XVIII в. // Нумизматика. 2007. № 15. С. 14–18.
10. Семенов В.С. Монетное дело Российской империи. СПб., 2010. 184 с.
11. Ведерников В.В. Сузунская медь и монета в 1766–1848 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 22. 2015. № 1. С. 88–93.
12. Герман И. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797. Ч. I. XII, 294 с.
13. Фальк И.П. Записки путешествия / пер. с нем. // Полн. собр. ученых путешествий по России, изд. Императорской Академией наук. СПб., 1824. Т. 6. XII. 446 с.
14. Шоуар С. де. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен / пер. с фр. СПб., 1841. Ч. II. 364 с.
15. Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журн. Министерства народного просвещения. 1868. Ч. СХХХVII. С. 772–847.
16. Кашкаров М.А. Денежное обращение в России. СПб., 1898. Т. I. XVI, 226 с.
17. Ильин А., Толстой И. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. СПб., 1910. XII, 132 с.
18. Карпенко З.Г. Промышленные города и поселки Западной Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. / отв. ред. В.И. Шунков. Новосибирск, 1962. С. 186–206.
19. Спасский И.Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970. 256 с.
20. Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов, 1980. 225 с.
21. Адрианов Я. Медные монеты Российской империи 1700–1917 годов: Каталог. Пермь, 2008. 169 с.
22. Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. 336 с.
23. Уздеников В.В. Монеты России 1700–1917. М., 2004. 498 с.
24. Шунин А.А. «...Чтобы в пуде составляло денег более шестнадцати рублей». Проекты повышения достоинства медной монеты в России (конец XVIII – начало XIX в.) // Нижегородский музей. 2004. № 1/2. С. 95–104.

REFERENCES

1. Grand Duke Georgy Mikhailovich. Coins of Catherine II, the Empress. Vol. 1: Documents for the History of Coinage under the Rule of Catherine II. Saint Petersburg, 1894, iss. XIV, 362 p. (In Russ.)
2. L'vov M.A. First steps of Kolyvan' Mint. *Sovetskiy kollektzioner*, 1966, no. 4, pp. 76–80. (In Russ.)
3. Malein A.I. Siberian coin. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza – Efrona*. Saint Petersburg, 1900, vol. 29a, p. 741. (In Russ.)
4. Murashkintsev A.A. Mints. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza – Efrona*. Saint Petersburg, 1896, vol. 29, pp. 763–765. (In Russ.)

5. Uzdenikov V.V. Amount of the Russian coins minted in 1700–1917. Moscow, 1995, 168 p. (In Russ.)
6. Melnikova A.S., Uzdenikov V.V., Shikanova I.S. Money in Russia. History of Russian monetary economy from the ancient times to 1917. Moscow, 2000, 224 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikov V.V. Siberian Coin in numismatic collection of Altai State Museum for Regional Studies. *Kraevedcheskie Zapiski*. Barnaul, 2001, vol. 4, pp. 112–118. (In Russ.)
8. Maslennikovskii S.I. Suzun Mint. Barnaul, 2006, 68 p. (In Russ.)
9. Meshcheryakov V.N. Two episodes from the history of the copper coin mintage at Suzun Mint in the XVIII century. *Numizmatika*, 2007, no. 15, pp. 14–18. (In Russ.)
10. Semenov V.S. Coin Production in the Russian Empire. Saint Petersburg, 2010, 184 p. (In Russ.)
11. Vedernikov V.V. Suzun copper and coin in 1766–1848. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 88–93. (In Russ.)
12. German I. Essays on Siberian mines and factories. Pt. 1. Saint Petersburg, 1797. iss. XII, 294 p. (In Russ.)
13. Fal'k I.I. Travel notes. Saint Petersburg, 1824. iss. XII, 446 p. (In Russ.)
14. De Shoduar S. Review of Russian and foreign coins used in Russia since oldest times. Saint Petersburg, 1841, pt. 2, 364 p. (In Russ.)
15. Shtorkh P.A. Materials for History of the state currency notes in Russia from 1653 to 1840. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1868, pt. 137, pp. 772–847. (In Russ.)
16. Kashkarov M.A. Currency in Russia. vol. 1. Saint Petersburg, 1898. XVI, 226 p. (In Russ.)
17. Il'in A., Tolstoi I. Russian coins minted from 1725 to 1801. Saint Petersburg, 1910. iss. XII, 132 p. (In Russ.)
18. Karpenko Z.G. Industrial cities and towns of West Siberia in the XVIII century. *Sibir' v XVII–XVIII vekakh*. Novosibirsk, 1962, pp. 186–206. (In Russ.)
19. Spasskii I.G. Russian monetary system. Leningrad, 1970, 256 p. (In Russ.)
20. Zvarich V.V. Numismatic dictionary. L'vov, 1980, 225 p. (In Russ.)
21. Adrianov Ya. Copper coins of the Russian Empire, 1700–1917. Perm', 2008, 169 p. (In Russ.)
22. Yukht A.I. Russian money from Peter the Great to Alexander I. Moscow, 1994, 336 p. (In Russ.)
23. Uzdenikov V.V. Coins of Russia in 1700–1917. Moscow, 2004, 498 p. (In Russ.)
24. Shunin A.A. «...In order to a pood would be more than sixteen rubles in coins». Projects to improve the copper coin denomination in Russia (late XVIII – early XIX centuries). *Nizhegorodskiy Muzei*. 2004, no.1/2, pp. 95–104. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.09.2017

DOI: 10.15372/HSS20170417
УДК 94(47+57) + 004

В.В. РЫКОВА, Л.А. МАНДРИНИНА

**СИБИРЬ И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ:
АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ИЗ БАЗ ДАННЫХ СОБСТВЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ
ГПНТБ СО РАН**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье представлены материалы, посвященные изучению роли Сибири в судьбе династии Романовых. Проанализированы потоки документов из электронных баз данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН: 1) «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги (XVIII век – 1930 г.)», содержащий документы о пребывании царской семьи (поездки, путешествия, эмиграции) в сибирских регионах, а также о работе учреждений, названных в честь представителей Дома Романовых и/или работающих под их покровительством; сведения об изданиях по истории населенных пунктов, названных в честь августейших особ в сибирском регионе, самозванцах на данной территории; 2) «Научная сибирика», включающая публикации, которые посвящены трагическим страницам жизни последнего российского императора из династии Романовых, связанного с Сибирью, и объединены под названием «Тобольский период ссылки Романовых». Вышеназванные информационные ресурсы – базы данных рассматриваются в качестве источниковой основы для научных исследований по данной теме.

Ключевые слова: Сибирь, династия Романовых, базы данных ГПНТБ СО РАН, анализ документальных потоков.

V.V. RYKOVA, L.A. MANDRININA

**SIBERIA AND THE ROMANOV'S DYNASTY:
MATERIALS ANALYSIS FROM DATABASES GENERATED BY SPSTL SB RAS**

State Public Scientific Technological Library SB RAS,
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630200, Russia

Currently we observe the growth of interest to the family of Romanovs due to 100th anniversary of the revolutionary events in Russia. The paper considers main components of the information-bibliographic resources devoted to the Romanov dynasty and generated by the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS). The article represents regional materials on Siberia and its role in the Romanovs' fate, which are included in retrospective database (DB) "Union catalog of Siberian and Far Eastern books (XVIII century – 1930)" and currently replenished DB "Scientific Sibirika". DBs were created based on materials selection from an obligatory copy of Russian literature, as well as foreign publications obtained by SPSTL SB RAS, information from secondary information sources, stocks of large libraries of Siberia and the Far East.

DB "United catalog of the Siberian and Far Eastern books (XVIII century - 1930)" presents publications on the Romanov dynasty, published in the territory of Siberia and the Far East in the period from 1837 to 1922 (more than 170 titles). It comprises documents about the stay of the tsar's family (trips, travel, exile) in the Siberian regions; activity of institutions named in honor of representatives of the House of Romanovs and/or under their protection; papers published for the anniversary of the Romanov dynasty; publications on the history of settlements named in honor of the most august persons in the Siberian region, impostors who appeared in a given territory. The table gives the list of the Romanov dynasty royal figures, the information about who is reflected in DB, indicating the number of publications devoted to individuals, years and topics of their publication.

Modern publications about the Romanov dynasty (from 1990 to the present) are presented in DB "Scientific Sibirika", where the section "History of Siberia and the Far East" is highlighted. It comprises a considerable number of documents devoted to the life tragic pages of the last Russian emperor from the Romanov dynasty connected with Siberia, which is known as "Tobolsk period of the Romanovs exile". The documentary flow contains about

Валентина Викторовна Рыкова – старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: onbryk@spsl.nsc.ru.

Людмила Андреевна Мандригина – старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: mandrinina@spsl.nsc.ru.

Valentina V. Rykova – Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

Lyudmila A. Mandrinina – Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

200 publications over a 25-year period. Its analysis is carried out, which shows the species structure of publications (monographs, articles in journals and collections) is shown, authors with high publication activity.

Information resources of SPSTL SB RAS' own generation are freely available in the web and could serve a useful source base for future research of scientists and specialists.

Key words: Siberia, Romanov dynasty, SPSTL SB RAS' databases, analysis of documentary flows.

В связи с процессом переосмысления отечественной истории, доступностью для ученых и специалистов неизвестных ранее документальных источников (архивных, а также публикаций «русской эмиграции» и др.) отмечается рост потока исторической литературы. Особое место в нем занимают материалы, посвященные Дому Романовых.

Романовы – династия русских царей, правление которой продолжалось с 1613 по 1917 г. и закончилось с приходом к власти большевиков после революций 1917 г. Названия «Романовы» и «Дом Романовых» употреблялись для неофициального обозначения Российского императорского дома. После 1917 г. фамилию Романовых официально стали носить (по законам Временного правительства, а затем в эмиграции) практически все члены царствовавшего дома, а в настоящее время носят многие их потомки¹.

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) – информационный центр Сибирского отделения – создает региональные проблемно-ориентированные базы данных (БД) для информационного сопровождения исследований ученых и специалистов. Комплекс информационно-библиографических ресурсов собственной генерации ГПНТБ СО РАН для сопровождения исторических исследований Сибири и Дальнего Востока представлен электронными библиографическими и полнотекстовыми БД и библиографическими ретроспективными и текущими указателями [1]. Основой создания комплекса является обязательный экземпляр отечественной литературы и зарубежные издания, получаемые по подписке и международному книгообмену, а также вторичные источники, фонды крупных библиотек Сибири и Дальнего Востока.

Материалы о династии Романовых включены в ретроспективные БД «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги» (1790–1930 гг.), «Освоение Сибири» (1990–2000 гг.) и БД с текущим пополнением «Научная Сибирь», «История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке» (XVII в.). Публикации можно объединить по следующим тематическим группам:

- жизнь и деятельность членов Дома Романовых;
- пребывание царских особ (поездки, путешествия, ссылка) в сибирских регионах;
- самозванцы в истории династии Романовых
- деятельность учреждений, названных в честь представителей Дома Романовых и/или находящихся под их покровительством;
- материалы, изданные к юбилейным датам династии Романовых;
- прочие.

¹ Династия Романовых: годы правления // FB.ru. URL: <http://fb.ru/article/172315/dinastiya-romanovyih-godyi-pravleniya-vse-russkie-tsari-dinastii-romanovyih> (дата обращения: 29.03.2017).

Ценным источниковедческим ресурсом для историков, книговедов и библиофилов является БД «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. XVIII в. – 1930 г.» (есть печатный аналог), в котором отражена продукция типографий и издательств Сибири и Дальнего Востока, сведения о библиотеках–фондодержателях. БД включает более 170 документов, посвященных династии Романовых и вышедших в свет в дореволюционное и революционное время. Большинство из них представляют собой прижизненные издания о деятельности царственных особ. Часть документов выявлена по вторичным источникам (т.е. они отсутствуют в библиотеках), возможно, эти документы уже не существуют физически. Тем важнее предоставляемая в БД информация о них. В таблице дан список членов Дома Романовых с указанием дат издания публикаций и их основной тематики, а также сведения о публикациях, посвященных династии Романовых в целом. Представлены публикации 1837–1922 гг. (173 назв.), посвященные царям Алексею Михайловичу Тишайшему и Петру I, императорам Александру I, Николаю I, Александру II, Александру III, Николаю II; императрицам: Марии Александровне (супруге Александра II), Александре Федоровне (супруге Николая II); сыновьям царственных особ – всего 22 имени, также включена информация о публикациях, посвященных Дому Романовых в целом.

Тематика публикаций отражает попечительскую и благотворительную деятельность Романовых (поддержка деятельности среднеспециальных училищ, общины сестер милосердия, обществ любителей охоты, покровительства животным, помощь семьям лиц, призванных на войну, и др.); работу по созданию и совершенствованию судебной системы России; отношения с Русской православной церковью; деятельность по поддержке научных обществ и институтов (в частности, Общества изучения Амурского края, Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Восточного института). Часть материалов посвящена поездкам царственных особ по Сибири и Дальнему Востоку (Тобольская и Томская губернии, Забайкальская область).

Некоторые материалы БД посвящены различным торжественным актам: тезоименитству, восшествию на престол, коронованию царственных особ, юбилейным торжествам в ознаменование 300-летия Дома Романовых, выставкам, приуроченным к этому юбилею (в Томске, Никольск-Уссурийске, Хабаровске). Заслуживают внимания издания, отраженные в БД «Сводный каталог...», которые посвящены жизни, деятельности (и смерти) царственных особ: «Сибирь в царствование Императрицы Екатерины II (время с 1762 по 1769 г.)» – это 5-й том многотомного «Исторического очерка Сибири» В.К. Андриевича (Красноярск, 1889, 227 с.); книга об императоре Александре I «Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и Император Александр I» (Томск, 1912, 184 с.); «Исторический очерк Западной Сибири в царствование Императора Александра II» Ф. Усова

Материалы БД «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. XVIII в. – 1930 г.», посвященные Дому Романовых

Династия Романовых	Годы жизни	Годы царствования	Количество публикаций	Годы издания публикаций	Тематика публикаций
Алексей Михайлович Тишайший, царь (сын первого царя династии Михаила Федоровича)	1629–1676	1645–1676	2	1909, 1911	Уложения 1649 г.
Петр I (царь)	1672–1725	1689–1725	1		Челобитная митрополита Филофея Лещинского Петру Великому, и ответ на нее
Екатерина II, императрица	1729–1796	1762–1796	1	1889	Сибирь в царствование Императрицы Екатерины II
Павел I, император	1754–1801	1796–1801	2	1887, 1897	Пожертвование Спасо-Суморину Тотемскому монастырю, об указе 1797 г.
Александр I, император (сын императора Павла I)	1777–1825	1801–1825	2	1897, 1912	Об императоре, его кончине и исчезновении
Николай I, император (сын императора Павла I)	1796–1855	1825–1855	1	1896	Тобольск в дни воцарения
Николай Николаевич (младший), великий князь (внук Николая I)	1856–1929		5	1908, 1909, 1914, 1915	Отчеты Томского общества правильной охоты под покровительством великого князя; записки Верховному главнокомандующему (великому князю)
Константин Константинович, великий князь (внук Николая I)	1858–1915		1	1910	Посещение Восточного института (Владивосток) великим князем
Александр Михайлович, великий князь (внук Николая I)	1866–1933		12	1894, 1899, 1901, 1903, 1903, 1904, 1908,	Отчеты и уставы Общества изучения Амурского края, состоящего под покровительством великого князя
Александр II, император (сын Николая I)	1818–1881	1855–1881	20	1837, 1881, 1892, 1893, 1896–1898, 1897, 1898, 1903, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914	Судебные уставы императора. Забайкальская православная миссия, РПЦ и Западная Сибирь в царствование Александра II; памяти императора и др.
Мария Александровна, императрица (супруга Александра II и мать Александра III)	1824–1880		11	1882, 1892, 1893, 1895–1900, 1906, 1907, 1909, 1911, 1914	Отчеты Иркутского отделения Попечительства о слепых, под покровительством императрицы Марии Александровны
Мария Александровна, великая княгиня (дочь императора Александра II)	1853–1920		1	1900	Устав приюта великой княгини Марии Александровны для бедных детей г. Шадринска

Владимир Александрович, великий князь (сын Александра II)	1847–1909		9	1868, 1893, 1894, 1896, 1897, 1902	Путешествие по Томской губернии; устав сиропитательного ремесленного заведения (под покровительством великого князя (г. Тюмень); отчеты и протоколы Забайкальского отдела Императорского общества разведения промысловых и охотничьих животных и правильной охоты под председательством великого князя
Алексей Александрович, великий князь (сын Александра II)	1850–1908		4	1873, 1889	Поездка по Тобольской губернии; присутствие на собрании Сибирского отдела Русского географического общества
Кирилл Владимирович, великий князь (внук Александра II, двоюродный брат Николая II)	1876–1938		1	1917	Отчет о деятельности Хабаровского общества любителей охоты под покровительством великого князя
Александр III, император (сын Александра II)	1845–1894	1881–1894	9	1837, 1882, 1893–1895, 1911, 1917	Восшествие на престол; памяти императора; деятельность Русского музея императора Александра III
Мария Федоровна, императрица (супруга Александра III, мать Николая II)	1847–1928		14	1903–1905, 1911–1913, 1915, 1916	Отчеты Томского и Владивостокского отделов Русского общества покровительства животных под покровительством императрицы Марии Федоровны; отчеты Омской общины сестер милосердия Российской общины Красного Креста под покровительством императрицы Марии Федоровны.
Елизавета Федоровна, великая княгиня (супруга великого князя Сергея Александровича, брата Александра III)	1864–1918		2	1914, 1915	Отчеты по оказанию благотворительной помощи семьям военнослужащих Комитета под покровительством Елизаветы Федоровны
Николай II, император (сын императора Александра III);	1868–1918	1894–1917	10	1894, 1896, 1897, 1911, 1919	Восшествие на престол; бракосочетание, коронование
Николай Александрович, цесаревич (будущий император Николай II)			25	1891, 1892	Посещение Тобольской, Томской, Амурской губерний, г. Иркутска
Александра Федоровна, императрица (супруга Николая II)	1872–1918		14	1894–1897, 1899, 1901, 1903, 1911, 1912, 1915, 1916	Тезоименитство, бракосочетание, коронование; отчеты – попечительство детского приюта и дома трудолюбия
Алексей, цесаревич (сын Николая II)	1904–1918		7	1908, 1910, 1911, 1914, 1915	Сибирское коммерческое, политехническое училище цесаревича; деятельность
Татьяна Николаевна, великая княжна (дочь императора Николая II)	1897–1918		2	1916	Беженцы в Томской губернии – издание Томского губернского Комитета Ее высочества великой княжны Татьяны Николаевны
Дом Романовых			17	1908, 1913, 1914, 1922	300-летие Дома Романовых, убийство царской семьи и членов Дома Романовых
Всего			173		

(Омск, 1882, 55 с.); «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале» М. К. Дитерихса (Владивосток, 1922, в 2 т., 441 и 232 с.).

В БД «История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке» имеется информация о книгах, экслибрисах и личных знаках библиотек семьи Романовых из фондов сибирских и дальневосточных книгохранилищ, а также данные о пребывании царственных особ в Сибири по материалам периодической печати того времени [2, 3].

Современные публикации о династии Романовых представлены в региональной БД «Научная Сибирь», где выделен тематический раздел «История Сибири и Дальнего Востока» (включающий публикации с 1990 г. по настоящее время) с предметным рубрикатом [4]. Значительное количество документов посвящено трагическим страницам жизни последнего российского императора из династии Рома-

новых, связанным с Сибирью. Это период с августа 1917 г. по апрель 1918 г., который условно называют «Тобольским периодом ссылки Романовых».

Документальный поток (ДП) из БД «Научная Сибирь» о пребывании семьи Николая II в Тобольске составил около 200 работ за 25-летний период. Динамика публикаций показана на рис. 1. На графике видно два периода повышенного интереса в теме и два периода снижения публикационной активности:

1) всплеск публикаций первой половины 1990-х гг. связан с доступностью ранее закрытых архивных документов после перестройки, возможностью опубликовать неизвестные или недоступные материалы, с дискуссией о необходимости канонизации семьи Николая II Русской православной церковью;

2) снижение количества публикаций во второй половине 1990-х гг., очевидно, объясняется недостаточным финансированием науки, что негативно отразилось на всем научном сообществе;

3) 2006–2010 гг. – второй период публикационной активности (особенно в 2006 г., когда в свет вышло 14 монографий) объясняется улучшением экономической ситуации в стране в целом и в науке в частности;

4) начало 2010-х – среди причин снижения количества опубликованных материалов следует назвать реформирование академической науки России и кризисные процессы в экономике, обусловившие снижение финансирования научных учреждений.

Публикации 2016–2017 гг. все еще активно поступают в фонд библиотек, поэтому они не учтены при построении диаграммы. В связи с юбилейными датами Февральской и Октябрьской революций 1917 г. проводится множество научных мероприятий, поэтому следует ожидать значительного роста количества опубликованных работ по данной теме.

В видовой структуре ДП преобладают монографические работы (рис. 2). Всего доля научных монографий, мемуаров, дневников, сборников писем и документов составила 70 % ДП, что косвенно свидетельствует о значительном количестве накопленных прежде неопубликованных данных. Мемуары представлены репринтными и переводными изданиями бывшего наставника цесаревича П. Жильяра [5], переехавшего с царской семьей в Тобольск. М.К. Дитерихс (руководитель комиссии по расследованию убийства царской семьи, созданной в годы правления Колчака в Сибири) и Н. Соколов (следователь по особо важным делам Омского окружного суда), занимаясь расследованием убийства царской семьи, опубликовали материалы следствия в конце 1920-х гг. за границей [6, 7]. Как было отмечено выше, книга М.К. Дитерихса была опубликована во Владивостоке в 1922 г. В постпересрочное время книги Н. Соколова и М.К. Дитерихса неоднократно переиздавались в России.

Российские историки А.Н. Боханов (д-р ист. наук, сотрудник Института российской истории РАН), Ю.А. Буранов (д-р ист. наук, сотрудник Российского центра хранения и использования документов), П.В. Мультатули (канд. ист. наук, руководитель сектора анализа и оценок Российского института стратегических исследований) провели научные исследования о гибели семьи Николая II, оформленные в виде монографий [8; 9; 10]. Многочисленные научно-пу-

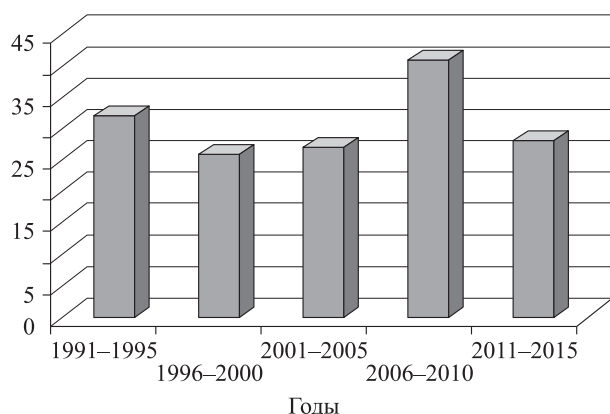

Рис. 1. Динамика публикаций по теме «Семья Николая II в Тобольске»

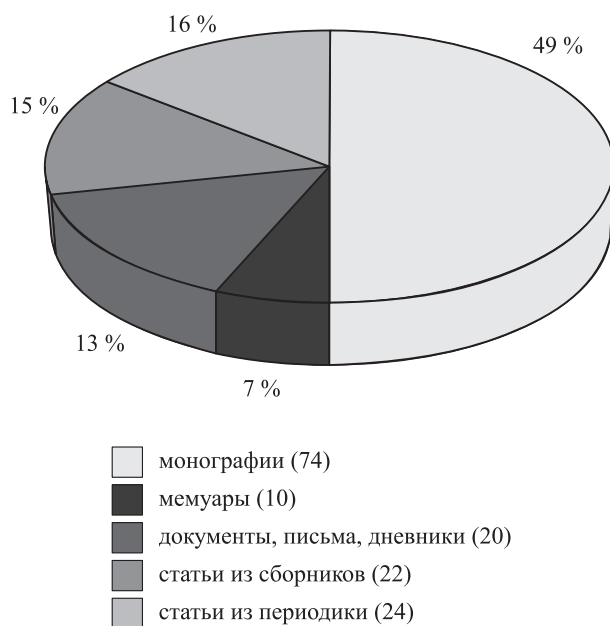

Рис. 2. Видовая структура ДП (документопотока)

блистические работы, вышедшие в свет в виде книг, подготовлены писателями, занимающимися изучением истории России – Э. Радзинским, О.А. Платоновым, Р. Масси [11; 12; 13]. В книгах вышеназванных авторов описан тобольский период жизни Романовых, что отражено в аннотациях БД «Научная Сибирь».

Статьи из сборников и периодики составили соответственно 15 % и 16 % ДП, это в основном материалы исследований последнего десятилетия.

Материалы из БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН можно получить по электронной почте, обратившись по адресу onb@spsl.nsc.ru. На сайте библиотеки помещена тематическая подборка документов из БД «Научная Сибирь» «Царская семья Романовых в Тобольске».

БД ГПНТБ СО РАН предоставляют пользователям возможность получить полную региональную информацию с минимальными затратами времени на ее поиск. Сервисы БД позволяют проводить наукометрические исследования документальных потоков по различным тематическим направлениям истории Сибири и Дальнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыкова В.В., Мандрина Л.А. Информационное сопровождение научных исследований в гуманитарной сфере (опыт ГПНТБ СО РАН) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1. С. 123–128.
2. Воробьева Н.В. Книжные знаки личных библиотек императорской семьи Романовых в фондах Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова // Личные книжные собрания в библиотеках Алтайского края: материалы науч.-практ. конф. (25 окт. 2007 г.). Барнаул, 2008. С. 74–93.
3. Смирнова К.В. Путешествие цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) по Енисейской губернии в 1891 году (по материалам периодической печати конца XIX века) // От учебного задания – к научному поиску. От реферата – к открытию: материалы III Всерос. студ. науч.-практ. конф. Абакан, 2014. С. 212–216.
4. Бусыгина Т.В., Рыкова В.В. Информационно-библиографические ресурсы собственной генерации ГПНТБ СО РАН по истории Сибири и Дальнего Востока // Информационные ресурсы России. 2016. № 6. С. 11–16.
5. Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи: по личным воспоминаниям бывшего наставника цесаревича Алексея Николаевича. М., 1992. 216 с.
6. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. М.: Вече, 2008. 506 с.
7. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2015. 382 с.

8. Боханов А.Н. Последний царь. М.: Вече, 2006. 511 с.
9. Буранов Ю., Хрусталева В. Гибель Императорского дома. 1917–1919 гг. М.: Прогресс, 1992. 352 с.
10. Мультатули П. Николай II. Дорога на Голгофу. Свидетельства о Христе до смерти ... М.: АСТ: Астрель, 2010. 637 с.
11. Радзинский Э. Николай II. Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2003. 511 с.
12. Платонов О.А. Последний государь: жизнь и смерть. М.: Алгоритм, 2005. 637 с.
13. Масси Р. Николай и Александра. СПб.: Нева, 2004. 477 с.

REFERENCES

1. Rykova V.V., Mandrinina L.A. Information support of scientific research in the humanitarian sphere (experience of SPSTL SB RAS). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 2015, no. 1, pp. 123–128. (In Russ.)
2. Vorobyeva N.V. The bookmarks of the personal libraries of the Romanov imperial family in the collection of V. Ya. Shishkov Altai Regional Universal Scientific Library. *Lichnye knizhnye sobraniya v bibliotekakh Altaiskogo kraia: materialy nauch.-pract. conf. (25 Oct. 2007)*. Barnaul, 2008, pp. 74–93. (In Russ.)
3. Smirnova K.V. Journey of Tsarevich Nicholas Alexandrovich (future Emperor Nicholas II) in the Yenisei province in 1891 (based on periodicals of the late XIX century). *Ot uchebnago zadaniya – k nauchnomu poisku. Ot referata – k otkrytiyu: materialy III Vseros. studen. nauch.-pract. conf.* Abakan, 2014, pp. 212–216. (In Russ.)
4. Busygina T.V., Rykova V.V. Information-bibliographic resources of the own generation of the SPSTL SB RAS on the history of Siberia and the Far East. *Informatsionnye resursy Rossii*, 2016, no. 6, pp. 11–16. (In Russ.)
5. Zhilyard P. The tragic fate of Nicholas II and the royal family: on the personal memories of the former Tzarevitch coach Alexei Nikolayevich. Moscow, 1992, 216 p. (In Russ.)
6. Diterikhs M.K. Murdering the royal family and members of the Romanovs' House in the Urals. Moscow: Veche, 2008, 506 p. (In Russ.)
7. Sokolov N.A. Murder of the royal family. Ekaterinburg: Ural. rabochii, 2015, 382 p. (In Russ.)
8. Bokhanov A.N. The Last Tsar. Moscow: Veche, 2006, 511 p. (In Russ.)
9. Buranov Yu., Khrustaleva V. The death of the Imperial House. 1917–1919. Moscow: Progress, 1992, 352 p. (In Russ.)
10. Multatuli P. Nicholas II. The road to calvary. Testifying of Christ to death... Moscow: AST: Astrel, 2010, 637 p. (In Russ.)
11. Radzinskii E. Nicholas II. Life and death. Moscow: Vagrius, 2003, 511 p. (In Russ.)
12. Platonov, O.A. The last sovereign: life and death. Moscow: Algorithm, 2005, 637 p. (In Russ.)
13. Massey R. Nicholas and Alexandra. St. Petersburg: Neva, 2004, 477 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.09.2017

DOI: 10.15372/HSS20170418
УДК 94 (47) 084.8/084.9

Е.В. ДОЛГОПОЛОВА

ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ СУДОВ ЛЕНИНГРАДА)

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
РФ, 197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7

Статья посвящена малоисследованной проблеме формирования судейского корпуса в среднем звене судебной системы в первые послевоенные годы. На основе нормативных актов и делопроизводственных источников изучены разные аспекты работы с кадрами в городском суде Ленинграда. Автор приходит к выводу о том, что в условиях «кадрового голода» власть стремилась в кратчайшие сроки укомплектовать суды политически лояльными и профессионально образованными сотрудниками. Это делалось главным образом за счет повышения образовательного уровня работавших судей без их отрыва от основной деятельности. Вместе с тем для будущего судьи было важно не только войти в судейское сообщество, но и удержаться в нем. Для этого требовалось соответствовать уровню образования, идейно-политической подготовленности и даже национальной принадлежности.

Ключевые слова: советская судебная система, Ленинградский городской суд, народный судья, Управление Министерства юстиции по г. Ленинграду, Министерство юстиции СССР, кадровый вопрос.

E.V. DOLGOPOLOVA

FORMATION OF THE JUDICIAL STAFF IN THE FIRST POSTWAR YEARS (BY EXAMPLE OF LENINGRAD COURTS)

Saint Petersburg Institute for the History RAS,
7 Petrozavodskaya str., St. Petersburg, 197110, Russia

The article is devoted to the low-investigated problem of the judiciary formation in the first postwar years. Various aspects of the personnel work in Leningrad municipal court (Lengorsud) as well as its educational component have been studied based on archival data and normative sources. The research is based on comparative, structural, logical and quantitative methods, principles of historicism, consistency and scientific objectivity.

In the early 1950s the judicial staff in Leningrad was incomplete, so the authorities sought to provide courts with competent and loyal employees as soon as possible. During the period under study, the issues of staffing and recruitment were assigned to the Ministry of Justice of the USSR. In the regions these issues were solved by the Ministry of Justice Directorates (MJD). In particular, MJD in Leningrad considered not only the number of people's courts corresponding to the number of incoming cases, but also premises where the courts would be opened. Later, at the stages of the candidate's approval, party bodies were involved (and in some cases Lengorsud, especially if it concerned its own staff), but these powers were formally assigned to the justice bodies.

The article examines ways of filling judicial vacancies and problems that hampered the complete staffing of judicial institutions that were urgently needed under conditions of postwar growth of incoming cases (both civil and criminal).

Having revealed the specific solutions to a problem of judicial staff in Leningrad, the author asserts that the main obstacle to the judiciary formation was the absence of a proper number of party citizens with a legal education and loyal to authorities. Other factors, such as repression and rotation in the judiciary community during the period under consideration were not of decisive importance for Leningrad.

Key words: Soviet judiciary system, Leningrad municipal court, people's court judge, Ministry of Justice Leningrad Directorate, USSR Ministry of Justice, staffing matter.

Екатерина Владимировна Долгополова – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН, e-mail: caterina.dolgopolova2011@yandex.ru.

Ekaterina V. Dolgopola – post-graduate student Saint Petersburg Institute for the History RAS.

После окончания Великой Отечественной войны многие чрезвычайные судебные и административные меры были отменены, сокращено число военных трибуналов. Мероприятия по переводу судебной системы с военного на мирный лад осуществлялись в непростых условиях: серьезно пострадала материально-техническая база (некоторые здания были разрушены или заняты другими учреждениями), выросла нагрузка гражданских и уголовных дел на суды. Но одним из ключевых и наиболее острых для судебных органов страны в послевоенное время стал кадровый вопрос, под которым применительно к послевоенному этапу развития следует понимать дефицит квалифицированных работников суда. Решение кадрового вопроса подразумевало меры по подготовке и подбору новых работников, а также по повышению квалификации действующих судей.

Работа с кадрами судов еще не была в центре внимания исследователей. М.В. Кожевников на обширном опубликованном и архивном материале проследил историю становления советской судебной системы до середины 1950-х гг. [1, 2]. Послевоенному периоду уделено сравнительно немного внимания, но отдельные мероприятия, направленные на преобразование судебной системы в послевоенный период, в том числе вопросы кадрового обеспечения, были обозначены ученым, главным образом с опорой на конкретные нормативные и директивные документы. В последующие десятилетия советские исследователи не внесли ничего принципиально нового в изучение темы по сравнению с монографиями М.В. Кожевникова.

В зарубежной историографии данная тема изучалась, но совершенно с других методологических позиций. Особое место занимает исследование П. Соломона [3]. Он подвергает тщательному анализу различные стороны функционирования советского правосудия 1920–1950-х гг., в том числе интересуется проблемой получения профессионального образования работниками юстиции, взаимодействием работников прокуратуры и судов.

Из постсоветских исследований формирование корпуса судей нашло освещение в работе А.Я. Козинцева [4]. Как историк и юрист, он, опираясь на лучшее из историографического наследия, оперирует более широким кругом архивных источников, сочетает методы исторической науки и специальные юридические методы. Это позволило ему реконструировать среднестатистические портреты судебных работников, развернуть изучение научных проблем, поднятых П. Соломоном, в частности, тему политической борьбы между органами системы внутренних дел. А.Я. Козинцев кропотливо и педантично реконструировал институциональную, нормативную, функциональную и коммуникативную стороны деятельности органов юстиции, а через функцию судебного управления, которая с 1938 по 1956 г. находилась в руках Министерства юстиции СССР, проследил работу судов разных уровней подсудности.

Существующая литература оперирует только общесоюзными показателями, что не позволяет исследователям определить специфические проблемы среднего и нижнего уровней судебной системы. Данный пробел можно восполнить только благодаря изучению работы судов в локальном и региональном масштабах. Упомянутым обстоятельством объясняется выбор объекта исследования. В пределах Ле-

нинграда, второго по населению города СССР, действовали местные суды, подчиненные городскому суду, что позволяет проследить формирование корпуса судей среднего звена подсудности. Уникальность объекта исследования состоит в том, что, кроме Ленинграда и Москвы, все остальные суды средней подсудности действовали в пределах целых регионов¹.

Источниковой базой исследования послужили нормативные и делопроизводственные источники, как опубликованные², так и извлеченные из архивных фондов Министерства юстиции РСФСР, Ленгорисполкома, Ленгорсуда и партийных ячеек Ленгорсуда и Управления Министерства юстиции по г. Ленинграду.

С формальной точки зрения комплектование штата судей в рассматриваемый период происходило в порядке, который сложился в конце 1930-х гг. Согласно закону «О судостроительстве» 1938 г. судьи в народные суды избирались гражданами района сроком на три года. Право выдвижения кандидатов закреплялось за общественными организациями и обществами трудящихся. Члены суда среднего звена подсудности избирались краевым, областным Советом депутатов сроком на пять лет (члены Ленгорсуда избирались Ленгорсоветом депутатов трудящихся). По положению о Наркомате юстиции СССР от 15 июня 1939 г. областные, краевые, республиканские и городские (для Москвы и Ленинграда) Управления Наркомата юстиции, являясь проводниками политики наркомата на местах, должны были готовить предложения по количеству народных судей и судей областных судов и заниматься их непосредственным подбором [4, с. 230]. Подбором сотрудников в Управлении Министерства юстиции (далее – УМЮ) по г. Ленинграду занимался отдел кадров Управления. Главными требованиями к кандидату на должности народного судьи и народного заседателя, согласно закону, выступали только отсутствие судимости и достижение возраста 23 лет. Наличие высшего образования до 1946 г. не являлось обязательным условием. Однако в действительности требовалось еще «правильное» происхождение (желательно из рабоче-крестьянской среды), лояльность режиму (кандидаты, как правило, либо должны были быть членами партии, либо собирались вступить в ее ряды). Все кандидатуры согласовывались с райкомами, обсуждались на бюро горкома ВКП(б) и согласовывались с обкомом партии. Копии характеристик направлялись в Министерство юстиции РСФСР [5, с. 26]. Сказанное касалось не только впервые избирающихся кандидатов, но и судей, которым предстояла процедура переизбрания.

¹ Суд среднего звена являлся вышестоящим судом для судов низшего звена, действующим в качестве кассационной инстанции для проверки дел, поступавших из народных судов, а также судом первой инстанции для категорий гражданских и уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом данного уровня. В указанный период к судам среднего звена относились верховные суды автономных республик, краевые, областные, Московский и Ленинградский городские суды.

² История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: сб. док. М., 1955. 636 с.; Сборник приказов и инструкций МЮ СССР. 1936–1946. М., 1949. 436 с.

Свою кадровую политику министерство, как уже отмечалось, реализовывало через сеть управлений НКЮ (с 1946 г. – УМЮ). В марте 1945 г. приказом наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова была введена программа ревизии судов ведомством УНКЮ. В частности, ревизор Управления проверял состояние работы с кадрами (подбор, повышение квалификации, обучение, текучесть, злоупотребления, учет кадров, меры поощрения) [4, с. 313; 5, с. 26].

В феврале 1947 г. была принята новая номенклатура должностей, согласно которой начальники управлений МЮ представляли к избранию членов областных судов и народных судов, они же назначали судебных исполнителей, нотариусов, технических сотрудников судов [4, с. 466]. Тем самым кадровый вопрос, и без того фактически находящийся в компетенции Министерства юстиции, нормативно закреплялся в руках данного ведомства.

В первые послевоенные годы штат судей Ленгорсуда страдал от недокомплекта. Эту проблему УМЮ по г. Ленинграду не сумело решить до начала 1950-х гг. В 1944 г. в Ленгорсуде работало 16 членов суда³, и это было вполне приемлемо для его нормальной деятельности. К концу 1945 г. было уже 22 члена суда⁴, но в условиях резкого роста поступления дел такого количества оказалось недостаточно⁵. Так, в 1944 г. всего в Ленгорсуд поступило 7 388 дел (по гражданской и уголовной судебным коллегиям первой и второй инстанции)⁶, в 1945 г. только гражданских дел по первой и второй инстанции имелось 16 054, а вместе с уголовными делами (исключая второе полугодие по второй инстанции) – 18 059 дел⁷. По состоянию на 1 января 1946 г. в штате Ленгорсуда числилось 25 судей⁸. Все они являлись членами партии. По национальному составу это были преимущественно русские – 22 человека (1 белорус и 2 еврея). В составе судебного корпуса женщины преобладали над мужчинами (15 против 10). Высшее юридическое образование имело лишь 11 членов суда, среднее – 2, обучались в юридической школе – 12; один человек в графе «образование» указал «самостоятельная работа над собой». При этом большинство судей обладало значительным практическим опытом: 12 судей имели стаж работы в органах юстиции свыше 10 лет, 11 судей – от 6 до 10 лет, двое – от 4 до 5 лет. По возрасту наблюдается серьезный перевес представителей старшего поколения: 11 судей было в возрасте свыше 64 лет, 13 судей – от 36 до 45 лет, один – от 31 до 35 лет⁹. Таким образом, по национальному признаку состав суда был достаточно однороден по национальному составу. Однако бросается в глаза значительный разрыв в профессиональном стаже и профильной

подготовке судей, что объясняется тем, что сначала судья вступал в должность, а потом получал образование или повышал свой уровень.

В ходе министерской проверки в июле 1946 г. в Ленгорсуде была зафиксирована недоукомплектованность штата: не были замещены должности 4 членов суда, консультанта, 14 технических работников¹⁰.

В ноябре 1947 г. председатель Ленгорсуда К.П. Булдаков составил записку, в которой приводил подробный расчет необходимого количества членов суда на 1948–1952 гг., исходя из фактического и прогнозируемого поступления дел. 27 ноября он направил телеграмму министру юстиции РСФСР И.А. Басавину, в которой просил утвердить штат Ленгорсуда в составе председателя, 2 заместителей председателя, 42 членов суда, 14 секретарей на коллегии по уголовным и гражданским делам, 10 секретарей судебного заседания, 6 машинисток¹¹.

Просьба К.П. Булдакова была выполнена, но не полностью – по штатному расписанию на 20 апреля 1948 г. в Ленгорсуде работало 33 члена суда (в том числе председатель и два его заместителя)¹². На 1 января 1950 г. состав оставался неизменным¹³. Только в 1958 г. он увеличился до 116 чел., однако 67 из них (57,8 %) из них относились к техническому персоналу. Такое значительное расширение численности технических служащих закономерно при возросшем документообороте¹⁴.

Дефицит кадров с профильным образованием являлся главным препятствием для замещения штатных судебных должностей в рассматриваемый период: в 1946 г. только половина судей Ленгорсуда имела высшее юридическое образование. Однако в марте 1953 г. среди вновь избранных двух заместителей, председателя и 32 членов только пятеро не имели высшего образования, у троих было среднее юридическое и у двоих – незаконченное высшее¹⁵.

Политические факторы влияли на кадровую политику, но не оказали существенного влияния на подбор кадров в Ленинграде. В феврале 1948 г. в секретном письме МЮ РСФСР предписывалось министрам юстиции АССР, начальникам УМЮ областей и краев выявлять лиц с национальностью, «не входящей в состав СССР». Прежде всего речь шла об евреях [4, с. 405]. В марте 1948 г. последовало распоряжение заместителя министра юстиции РСФСР В.Н. Суходрева проверять биографические данные сотрудников. Об исполнении проверки необходимо было доложить к 15 апреля 1948 г.¹⁶ Такое распоряжение вписывалось в общий курс вытеснения евреев из среды номенклатурных работников. В начале 1948 г. по распоряжению советского руководства был ликвидирован лидер Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлс, и, как отмеча-

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1711. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁴ Подсчитано по спискам оперативных работников суда по состоянию на 1 октября 1946 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8134. Оп. 1. Д. 56. Л. 51, 52.)

⁵ Характерная ситуация для первых послевоенных лет. Так, в 1945 г. штат судей Самарского областного суда состоял из 16 чел. [6, с. 241]. Такая же ситуация сложилась в Челябинском областном суде, штат судей которого в 1946 г. насчитывал 18 чел. [7, с. 78].

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 33. Л. 1, 1 об., 7.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 56. Л. 1, 2.

⁹ Там же. Л. 10–12.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

¹¹ По состоянию на 15 апреля 1947 г. в Ленгорсуде работало 27 членов суда, 14 секретарей и 4 машинистки (ЦГА СПб. Ф. 8134. Оп. 1. Д. 60. Л. 24, 74, 79).

¹² Там же. Д. 71. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 90. Л. 15.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 14. Д. 1050. Л. 150.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 2222. Л. 58.

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 16. Д. 70. Л. 6.

ет Г.В. Костырченко, с 1949 г. кадровые чистки приобрели антисемитский характер [8, с. 8, 9, 106–119].

Такие же проверки коснулись и судей Ленгорсуда. В конце 1950 г. выяснилось, что один из ведущих судей, окончивший в 1950 г. Университет марксизма-ленинизма, «умышленно пять лет обманывал партию», указывая иную национальность. В 1945 г. в райвоенкомате Ленинграда судье было выдано временное удостоверение для обмена на паспорт. В нем-то он обнаружил в графе «национальность» – «русский», но якобы не придал этому значения и в тот же день получил паспорт. Далее во всех документах судья указывал в графе «национальность» – русский. Когда подлог был обнаружен, дело несколько раз разбиралось на заседаниях партийного бюро. Судья продолжал отрицать свою вину в сокрытии данных, мотивируя тем, что не увидел в этом чего-то незаконного, так как сам он считает себя русским. Аргументировал он тем, что его мать была еврейкой, но отец – русским, и воспитывался судья в семье с русскими обычаями. Формально дело ограничилось вынесением выговора с занесением в учетную карточку весной 1951 г. Однако в 1953 г. кандидатура судьи не была вынесена на очередные выборы штата Ленгорсуда, несмотря на то, что в 1952 г. он сдал кандидатские минимумы – редкость для судей любого уровня в то время¹⁷.

Чисток по иным признакам в рассматриваемый период в Ленгорсуде выявить не удалось, кроме показательной ротации руководства в ходе «ленинградского дела». В марте 1950 г. был отстранен от должности председатель Ленгорсуда К.П. Булдаков. Его пытались обвинить в связях с «вражеской группой А.А. Кузнецова, М.Н. Родионова, П.С. Попкова и др.». Но никаких антигосударственных связей между упомянутыми деятелями и судьей не было обнаружено. Обвинению предшествовала министерская проверка в Ленгорсуде. В итоге главными причинами отстранения были названы просчеты в руководстве (мягкость карательной политики), «политическая близорукость» и «аморальное поведение». Почти одновременно покинули свои посты два заместителя К.П. Булдакова: К.М. Чудновский был отозван по состоянию здоровья в январе 1950 г.¹⁸ и М.А. Ронин 4 сентября 1950 г. за «необеспечение руководства»¹⁹.

Формирование судебного корпуса не заканчивалось его подбором и выборами. Важным направлением оставалась дальнейшая работа с избранными судьями – прежде всего воспитательная. Ею должны были заниматься в основном суды среднего звена. Они, в свою очередь, проводили эту работу как внутри своей организации, так и с народными судьями.

Одним из «воспитательных» инструментов суда среднего звена являлся контроль над повышением идейно-политического уровня работников суда посредством так называемых отчетов «о работе над собой». Такие доклады, как правило, проходили с содокладчиками – судьями, которые проверяли, как на самом деле выполнялось то, о чем собирался рассказать тот или иной судья.

Воспитательная составляющая в работе суда, ориентированная на общество в целом и на само сообщество работников юстиции, подчеркивалась в методической литературе и нормативных актах. Тезис о том, что «суд должен быть примером организованности в работе и воспитывать на том других» [10, с. 55], логически вытекал из ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1948 г. «О дисциплинарной ответственности судей», где говорилось, что судьи, воспитывая граждан «в духе уважения и неуклонного соблюдения советских законов», сами должны явить пример строжайшего соблюдения законов, ибо лишь в этом случае они обретают не только официальное, но и моральное право судить других²⁰. Эта позиция поддерживалась и самими работниками юстиции: «Задачи, предъявляемые к органам юстиции, требуют от их работников высоких душевных качеств, профессионального мастерства, безукоризненной честности, широты политических знаний, глубокой идейной убежденности» [10, с. 241]. Отсюда такое пристальное внимание не только к профессиональной компетенции, но и к моральному облику судьи в то время.

Формирование судейского корпуса в послевоенные годы происходило под контролем партийных органов, испытывало деформирующее влияние идеологических кампаний и внутриведомственной борьбы. Пример Ленинграда свидетельствует, что благодаря работе УМЮ в г. Ленинграде и Ленгорсуда в первой половине 1950-х гг. судебные органы нижнего и среднего звена были наполнены кадрами, среди которых судьи без юридического образования представляли редкое исключение.

Рассмотренные особенности решения кадрового вопроса в судах г. Ленинграде позволяют утверждать, что главным препятствием на пути формирования судейского корпуса был дефицит должного количества партийных и лояльных власти граждан с юридическим образованием. Такие факторы, как «чистки» и ротации, в судейском сообществе в рассматриваемый период не имели решающего значения. Проведенное исследование согласуется с положением П. Соломона о том, что в послевоенный период партийное руководство «сделало выбор в пользу юридического образования, которое получали уже работавшие в органах юстиции люди» [3, с. 349]. Особое внимание власть уделяла поддержанию избранных судей на определенном квалификационном уровне, что выражалось в проверке на соответствие критериям профессиональной компетенции, морального облика, политической сознательности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1947 годы. М., 1948. 376 с.
2. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 годы. М., 1957. 383 с.
3. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Максименкова. 2-е изд. М., 2008. 464 с.
4. Кодинцев А.Я. Государственная политика в сфере юстиции в СССР в 30–50-е гг. XX в. Куртамыш, 2008. 589 с.
5. Долгополова Е.В. Управление Министерства юстиции по г. Ленинграду: основные направления деятельности (1946–1956 гг.) //

¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1711. Оп. 3. Д. 10. Л. 61, 62.; Д. 17. Л. 18, 19 [9, с. 229].

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 34. Д. 2393. Л. 15.

¹⁹ Там же. Д. 1864. Л. 13.

²⁰ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. С. 589.

Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2015. № 7 (90). С. 23–26.

6. Встать! Суд идет: история Самарской Фемиды / Лит. ред. В.В. Ерофеев. Самара, 2005. 560 с.

7. *Абрамовский А.П., Кобзов В.С., Вериге Е.А.* Челябинский областной суд. 70 лет. Люди события, факты. Челябинск, 2004. 280 с.

8. Государственный антисемитизм в СССР: от начала до кульминации, 1938–1953 / сост. Г.В. Костырченко (Россия. XX век. Документы). М., 2005. 590 с.

9. *Долгополова Е.В.* Воспоминания судьи Ленинградского городского суда как источник для изучения судопроизводства в Ленинграде в послевоенный период (1945 – начало 1950-х годов) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Четвертой Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 228–237.

10. Человек перед судом / сост. А.П. Бороданков. Л., 1965. 243 с.

REFERENCES

1. *Kozhevnikov M.V.* The Russian Court history. 1917–1947. Moscow, 1948, 376 p. (In Russ.)

2. *Kozhevnikov M.V.* The Russian Court history. 1917–1956. Moscow, 1957, 383 p. (In Russ.)

3. *Solomon P.* Soviet justice under Stalin. 2nd ed. Moscow, 2008, 464 p. (In Russ.)

4. *Kodintsev A.Ya.* The state policy in the justice sphere of the USSR in the 30–50s of the XX century. Kurtamysh, 2008, 589 p. (In Russ.)

5. *Dolgoplova E.V.* Directorate of the Ministry of Justice in Leningrad: main activity directions (1946–1956). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2015, no. 7, pp. 23–26. (In Russ.)

6. All rise for the court: the story of Samara Themis. Samara, 2005, 560 p. (In Russ.)

7. *Abramovskii A.P., Kobzov V.S., Verigo E.A.* Chelyabinsk Regional Court. 70 years. People, events, facts. Chelyabinsk, 2004, 280 p. (In Russ.)

8. State anti-Semitism in the USSR: from the beginning to culmination, 1938–1953. Ed. G.V. Kostyrchenko. Moscow, 2005, 590 p. (Russia. XX century. Documents). (In Russ.)

9. *Dolgoplova E.V.* Memories of Leningrad municipal court judge as a source to study justice in Leningrad in the postwar period (1945 – early 1950s). *Aktual'nye roblemy istoricheskikh issledovani: vzglyad molodykh uchonykh: sbornik materialov chetvertoi Vserossiiskoi molodyozhnoi nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk, 2015, pp. 228–237. (In Russ.)

10. Man before the court. Ed. A.P. Borodankov. Leningrad, 1965, 243 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 23.10.2017

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ У БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова; науч. ред. Л.В. Курас. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. – 248 с.; История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2015. – 352 с.; История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2012. – 352 с.; История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 592 с.

Местное самоуправление в тех или иных формах существовало в России на протяжении всей ее истории и, несмотря на его половинчатость и наличие государственного контроля над ним, играло важную роль в жизни населения и деятельности государства. Существенный вклад в изучение разных аспектов отечественной истории вносит фундаментальная публикация документов из фондов Государственного архива Республики Бурятия «Бурятские Степные думы в документах Государственного архива Республики Бурятия», осуществленная докторами исторических наук Б.Ц. Жалсановой и Л.В. Курасом.

Система органов местного самоуправления бурят сыграла важную роль в жизни традиционного общества, оказав огромное влияние на их хозяйственную, социально-политическую и культурную деятельность. Степные думы, как первые официальные органы местного самоуправления, были образованы у бурят, хакасов, эвенков и якутов. У бурят было учреждено 12, у хакасов – четыре, у эвенков и якутов – по одной Степной думе. Всего в Сибири, в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского, было учреждено 18 Степных дум. Огромный интерес для исследователей представляет история бурятских Степных дум, инородных управ и родовых управлений (12 Степных дум, 53 инородные управы и многочисленные родовые управления), которые располагались на территории Иркутской губернии и Забайкальской области с 1822 по 1904 г.

В Государственном архиве Республики Бурятия хранятся документы 11 фондов Степных дум, 21 фонда инородных управ и 11 фондов родовых управлений, насчитывающих в общей сложности более 37 тыс. ед. хр.

С 2010 г. Государственный архив Республики Бурятия совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН начал многолетнюю работу по выявлению и публикации документов бурятских Степных дум. Б.Ц. Жалсановой и Л.В. Курасом были выявлены, исследованы и изданы сборники архивных документов по Кударинской, Баргузинской, Аларской и Хоринской Степным думам (научный редактор – академик РАН Б.В. Базаров). Всего в четырех книгах опубликовано 360 документов, кроме того, в тематические перечни документов по истории Степных

дум включено описание около 2,5 тыс. документов, которые также будут полезны исследователям.

Представленные документы характеризуют процесс создания системы местного самоуправления и ее функционирования на основе норм обычного права при полном следовании российскому законодательству. Они позволяют выявить главные вопросы административной, хозяйственной, судебной и социальной деятельности органов местного самоуправления.

Впервые приводимые данные по истории бурятских ведомств, включающие историко-архивные сведения о родоналичниках, названиях родов, улусов и селений в каждом ведомстве, данные об их месторасположении, списки жителей ведомств, имеют практическое значение для тематических и генеалогических исследований.

Все представленные сборники документов являются пофондовыми изданиями научного типа, построенными по хронологическому принципу. Самостоятельное значение имеет научно-справочный аппарат, состоящий из исторического и археографического предисловий, именного указателя, списка использованных фондов, тематического перечня выявленных документов и комментариев. Все эти книги, что следует отметить особо, снабжены картами, составленными канд. ист. наук Б.З. Нанзатовым. Серьезную научную ценность имеет богатейший комментарий, содержащий информацию по этнической истории, истории самоуправления, образования, повседневной жизни бурят.

Основная масса опубликованных документов относится к делопроизводственной документации, и только малая часть – к документам личного происхождения. Характеристика видового состава делопроизводственных документов показывает, что доминирующими по значению являются документы распорядительного характера (приказы, распоряжения, инструкции вышестоящего начальства), отчетно-исполнительского характера (ежегодные статистические и текстовые отчеты), податно-налоговой системы (ведомости) и протокольного характера (общественные приговоры).

Все органы местного самоуправления бурят, учрежденные по Уставу 1822 г., функционируют в одном правовом поле, и соответственно их деятельность должна быть идентичной по направлениям деятельности. Видовой состав опубликованных документов подтверждает это предположение.

Так, в сборник документов по истории Кударинской Степной думы вошли 12 предписаний и распоряжений вышестоящего начальства, 10 общественных приговоров, 20 отчетов за разные годы с интервалом в 20–30 лет, 15 формулярных списков. В сборнике документов по истории Баргузинской Степной думы содержится 13 предписаний и распоряжений вышестоящего начальства, несколько отчетов за разные годы, 16 общественных приговоров, 7 формулярных и послужных списков.

Вместе с тем эти сборники документов отличаются друг от друга по содержанию делопроизводственных документов. Так, в сборник по истории Кударинской Степной думы из выявленных 797 документов вошли 94 делопроизводственных документа за 1827–1902 гг. Все документы, за исключением доклада главного тайши Ивана Заяханова о необходимости отмены калыма в Кударинском обществе от 4 ноября 1883 г. (док. № 67), который был опубликован ранее в «Хрестоматии по истории Бурятии», печатаются впервые. Документы, не вошедшие в сборник, использовались при составлении 57 комментариев к отобранным документам. Особенность сборника заключается в публикации документов о распространении православия среди кударинских бурят, о борьбе местной администрации с шаманизмом: это донесение заседателя 1-го участка Селенгинского округа о недопустимости избрания главным тайшой Заяхана Хамаганова, ярого приверженца шаманизма (док. № 47), донесение о притеснениях с его стороны в отношении крещеных (док. № 38), ведомости о количестве принявших крещение (док. № 3, 42, 81) и т.д. Анализ документов позволил авторам сделать вывод о значительных успехах в крещении бурят Кударинского ведомства: если в 1826 г. было 16 крещеных (0,4 % населения), то в 1870 г. – 1506 крещеных (30 %), а в 1902 г. крещеные составили 50 % населения (комментарий № 11).

Особый интерес представляют документы о землетрясении в Кударинском ведомстве 30–31 декабря 1861 г., когда в результате затопления кударинские буряты лишились 5696 дес. 2152 саж. удобной земли, 2005 дес. 1290 саж. выгонной земли. Лесов у них осталась только треть (док. № 39). Обращает на себя внимание и донесение Кударинской Степной думы селенгинскому окружному начальнику о встрече кударинскими бурятами цесаревича Николая Александровича на ст. Боярская в июне 1891 г., событие в этом документе воспроизведено в деталях, вплоть до описания подарков и разговоров (док. № 77).

Сборник документов по истории Баргузинской Степной думы представлен 106 документами за 1802–1901 гг., впервые введенными в научный оборот. В процессе работы над фондом было выявлено 811 документов, все они вошли в перечень, помещенный в данное издание. Издание отличает публикация комплекса документов (26 из 106), посвященных династии баргузинских родоначальников Хамная Цанкирова – Сахара Хамнаева – Цыренжаба и Цыдыбжаба Сахаровых: формулярные списки, общественные приговоры о выборе на должность тайши, приказы и т.д.

Особую ценность для исследователей представляют докладные записки Сахара Хамнаева, адресованные Степной думе: о развитии хлебопашества, ограничении стремления бурят к роскоши, об устройстве хозяйственных обзаведений

в ведомстве, об учреждении частных хлебозапасных магазинов (док. № 16, 17, 18, 20, 21, 23). Сахар Хамнаев ставит вопрос о развитии собственного производства тканей из льна, веревок из конопля; предлагает заработать деньги на ярмарках, развернув строительство торговых лавок и предоставляя их в аренду приезжим купцам; вызывают интерес его идеи о приобретении общественных весов и сдаче их в аренду, о строительстве общественных мельниц, о предоставлении рыболовных тоней в оброчную статью (док. № 21). Документы свидетельствуют о его деятельности на ниве народного просвещения: он построил первую приходскую школу в ведомстве, основал архив, занимался распространением буддизма в ведомстве и в то же время содействовал развитию православия.

Издание сопровождают 109 комментариев, составленных не только по архивным документам, но и с привлечением исторической и мемуарной литературы, периодики того времени, что, безусловно, дополняет и обогащает настоящий сборник.

История Аларского ведомства представлена в 88 документах фонда 6 Аларской Степной думы за 1840–1901 гг., которые публикуются впервые. Авторы отмечают, что фонд Аларской Степной думы не отличается полнотой – отсутствуют документы до 1832 г. по причине пожара 1836 г., полностью уничтожившего архив. Тем не менее, удалось выявить и опубликовать документы, позволившие показать разностороннюю деятельность Аларской Степной думы на протяжении более 60 лет. Уникальность Аларского ведомства заключается в наличии трех вероисповеданий – православия, буддизма и шаманизма, в присутствии трех равнозначных тайшинских династий и особой политической активности населения, что наложило отпечаток на содержание публикуемых документов: в 17 документах сообщается о злоупотреблениях и беспорядках в Аларском ведомстве за 1840–1870-е гг., так называемом «смутном времени» (док. № 2, 3, 6, 9, 34–43, 46, 53, 61).

Борьба за власть во многом была обусловлена несовершенством Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которому служба в органах местного самоуправления, кроме должности письмоводителя, носила общественный характер. Вообще «борьба партий» за власть была характерным явлением для бурятских ведомств, но только в Аларском ведомстве она носила затяжной характер. Причиной стремления к власти явилась возможность первоочередного получения лучших земель в больших размерах, пользования налоговыми льготами и зачастую бесконтрольное присвоение части денежных сборов с населения.

Интерес вызывает подборка из четырех документов об установлении опеки над сиротой Скольчиком Алексеевым (док. № 19, 20, 22, 24), о строительстве новых зданий Аларского дацана (док. № 29), Ныгдинской больницы (док. № 49). Авторы выявили 499 документов, вошедших в перечень, составили 81 комментарий.

Сборник документов по истории Хоринской Степной думы представляет собой четвертое документальное издание по истории бурятских Степных дум. Следует выделить именную указатель, включающий более 5300 имен и фамилий. Авторами выявлено 347 документов фонда 8 «Хоринская Степная дума», 72 из них опубликованы. Эти материа-

лы дают представление о ее разносторонней деятельности, о должностных лицах, хозяйственном укладе хоринских бурят. Вместе с тем публикуются документы, отражающие историю не только Хоринского ведомства. В них приводятся факты, свидетельствующие об обострении земельного вопроса в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. Так, в своем прошении императору Александру II от 10 апреля 1880 г. доверенные хоринских и агинских бурят, ссылаясь на высочайшие акты российских императоров Петра I, Екатерины II и Александра I, просят выдать им грамоту и план на вечное владение землями, принадлежащими им, и теми, которые были переданы под русские поселения согласно указу 1806 г. (док. № 60). 29 ноября 1887 г. уполномоченные Хоринской и Агинской Степных дум обратились к министру внутренних дел империи с прошением о решении земельного вопроса (док. № 63).

Составители сборника приводят еще три документа (№ 67, 68, 71) по земельному вопросу: докладная записка приамурскому генерал-губернатору А.Н. Корфу, записка А.Н. Куломзина о создании Особой комиссии по решению земельного вопроса и записка хоринских бурят о работе этой комиссии.

Дополнительную трудность для публикаторов сборников документов Кударинской и Хоринской дум представляла необходимость перевести со старомонгольского ряд архивных документов. Г.Н. Очирова перевела их на современный

бурятский, а затем на русский язык. Например, был сделан перевод в материалах Хоринской думы именного списка бурят галзутского рода в 1823 г. с указанием местожительства (док. № 2). Перечень имен составляет 2341 лицо мужского и 2372 женского пола. Документ № 25 содержит сведения о 23 крещеных хоринских бурятах во главе с тайшой Дэмбиллом Галсановым. Впервые переведена и опубликована ведомость о хоринских бурятах галзутского рода за 1833 г. (док. № 4).

Исследователи, занимающиеся историей управления и, в частности, знаменитой реформы М.М. Сперанского, размышляющие и дискутирующие об эффективности управления, получили прочную документальную основу для своих суждений. Рецензируемые издания значительно расширили источниковую базу по истории не только органов местного самоуправления бурят, но и по истории Азиатской России в имперский период. Профессиональная заслуга в этом авторов-составителей несомненна. Работа по воссозданию истории Степных дум продолжается. Уверены, что наши коллеги порадуют исследователей истории Сибири продолжением великолепной серии.

*Д-р ист. наук Ц.П. Ванчикова –
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ*

*Д-р ист. наук Н.П. Матханова –
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

Рецензия на: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в советской России. Октябрь 1917–1918 г.: сб. док. / отв. редактор – протоиерей В.Н. Воробьев, отв. составитель Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 944 с.

С.Г. Петровым в специальном источниковедческом очерке¹), но вряд ли мы ошибемся, если скажем, что впервые они издаются столь массово, комплексно и археографически выверенно. В издание вошло 649 документов, хранящихся в ГАРФ, РГАСПИ, ЦГАМО и РО РГБ. Подавляющая часть их публикуется впервые.

Основное внимание публикаторов (протоиерея В.Н. Воробьева, Л.Б. Миляковой, И.А. Зюзиной, Ю.Г. Орловой, И.Н. Селезневой, И.П. Керемь, А.Н. Казакевича) уделено сравнительно краткому отрезку времени – с октября 1917 г. по конец 1918 г. Этому периоду была «присуща помесечная, а в ряде исторических эпизодов и ежедневная динамика госу-

Рецензируемое издание не является первым опытом публикации источников о государственно-церковных отношениях начального периода советской истории (обзор такого рода изданий дан в кни-

дарственно-церковных отношений»². Этот период в зеркале источников представлен исследователями в высшей степени детализированно и многомерно. Хронологический принцип, которому почти неизменно следуют публикаторы, позволяет проследить развитие государственно-церковных отношений по дням и неделям, распределение же документов по тематическим блокам (частям и разделам) дает возможность структурировать, а отчасти и интерпретировать отраженный в документах событийный континуум.

Многомерность картины создается за счет подбора текстов, среди которых представлены документы как государственного, так и церковного происхождения. Публикуемые источники включают актовый материал, делопроизводственную документацию (протоколы, отчеты, записки, постановления, прошения и т.д.), источники личного происхождения, статьи из периодики, пастырские воззвания. Несмотря на то, что в издании не использовались материалы областных архивов (кроме ЦГАМО), вошедшие в него источники довольно подробно отражают региональные особенности событий 1917–1918 гг. В частности, они дают представление о динамике государственно-церковных отношений в Воронежской, Екатеринбургской, Екатеринославской, Костромской, Московской, Олонецкой, Орлов-

¹ Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в советской России. Октябрь 1917 – 1918 г.: сборник документов / отв. ред. прот. В.Н. Воробьев, отв. сост. Л.Б. Милякова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 27–42.

² Там же. С. 8.

ской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Томской и других губерниях.

Можно выделить несколько исторических сюжетов, вокруг которых группируется значительная часть публикуемых документов. Это, прежде всего, история подготовки и выхода Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, а также связанных с ним секулярных декретов (один из которых публикуется впервые³). Сборник позволяет проследить не только ход разработки этих документов, но и реакцию на них со стороны верующих, выразившуюся, с одной стороны, в попытках Священного Собора вступить в переговоры с СНК с целью блокировать негативные последствия их принятия, а с другой – в череде крестных ходов, прошедших в ряде губернских городов и разогнанных, а то и расстрелянных властями. Большое количество документов посвящено истории реализации Декрета об отделении церкви от государства на местах (обращает на себя внимание крайне активная деятельность в этом направлении бывшего священника М.В. Галкина, служившего в то время экспертом VIII отдела НКЮ РСФСР – «своеобразной знаковой фигуры»⁴ церковного ренегатства). Огромный объем занимает комплекс документов, связанных с национализацией, реквизицией, конфискацией и разграблением имущества монастырей и храмов, развернувшихся после выхода секулярного законодательства. Большое место в нем занимает переписка между Н.Д. Кузнецовым (уполномоченным Священного Собора для связей с СНК) и управляющим делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем по поводу различных эксцессов, случившихся в ходе исполнения этого законодательства, особенно в связи с закрытием кремлевских монастырей и соборов. Обширный раздел книги посвящен процессу отделения школы от Церкви, который, как указывает Л.Б. Милякова, вызвал значительное противодействие. «Сильное сопротивление со стороны общества, – считает исследовательница, – встретили запреты на ликвидацию преподавания Закона Божия в школе, на исполнение в школе религиозных обрядов (молитвы, молебны), удаление из помещений

икон. Многочисленные сведения об этом содержатся в отчетах инструкторов Наркомпроса и местных органов народного образования»⁵.

Документы, публикуемые в сборнике, предваряются научными заголовками, датировкой, перечислением помет, а также археографической легендой, включающей архивный шифр, указание на подлинность или копийность документа и способ его воспроизведения. Не очень удачным издательским решением представляется размещение научных комментариев к публикуемым текстам отдельным блоком в конце издания. Возможно, удобнее для читателей было бы дать их непосредственно после комментируемых документов.

Особого внимания заслуживает обширный и выверенный научно-справочный аппарат книги, включающий вводную статью (автор – Л.Б. Милякова), источниковедческий обзор (автор – С.Г. Петров), археографическое предисловие (автор – И.А. Зюзина), географический и именной указатели. Кроме того, публикуется именной комментарий, весьма подробный – около 100 с. Такая детализация, однако, не всегда гарантирует полноту сведений о персоналиях. Так, в биографической справке о священнике С.П. Мансурове даже не упомянуто о его церковно-исторических студиях, в то время как современному читателю он более всего известен именно как автор «Очерков из истории Церкви».

Надеемся, что выход столь фундаментального и квалифицированно подготовленного сборника документов об истории государственно-церковных отношений в год столетнего юбилея описанных в нем событий будет способствовать дальнейшей научной разработке этой темы, а также тому, чтобы современные общественные дискуссии об этих событиях опирались на твердую источниковую основу.

*Протоиерей Д.В. Долгушин,
канд. филол. наук, доцент,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

³ Декрет СНК РСФСР о передаче взаимного страхования от огня строений Духовного ведомства в ведение Совета по делам страхования и Комиссариата по делам страхования РСФСР // Там же. С. 342.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 24.

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ,
АРХЕОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ»**

**III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОКРОВСКОГО**

12–14 ОКТЯБРЯ, г. НОВОСИБИРСК

В Институте истории СО РАН с большим успехом прошла очередная III Всероссийская научная конференция, посвященная памяти академика Николая Николаевича Покровского – «Актуальные проблемы отечественной истории, археографии и источниковедения». Члены Академии, профессора вузов, аспиранты, представители духовенства и сотрудники академических институтов и библиотек из двадцати научных центров России, Казахстана, Словении (около 80 участников) обсуждали проблемы религиозно-общественных движений XVII–XX вв., письменной культуры и книжности XII–XVIII вв., происхождения и бытования многообразных источников на протяжении XVII–XX вв., вопросы отечественной истории России XX в. Большинство исследований было построено на методологических принципах, разработанных академиком Н.Н. Покровским, на комплексном изучении рукописных и печатных источников. По заключению чл.-кор. РАН, д-ра ист. наук, члена Петербургского отделения Археографической комиссии России, постоянного участника наших конференций А.В. Сиренова, новосибирская школа источниковедения сегодня занимает лидирующие позиции в стране. Участники конференции были единодушны в высокой оценке неформальности стиля научного общения на конференции – академичности, корректности.

Во вступительном слове чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, директор Института истории В.А. Ламин поздравил участников со встречей на очередной, ставшей традиционной, конференции и пожелал плодотворной работы. Приветствие академика РАН, заместителя директора Института археологии и этнографии, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН В.И. Молодина было посвящено теплым воспоминаниям о выдающемся историке Н.Н. Покровском, о его вкладе в современную науку.

На двух пленарных заседаниях с докладами, содержащими уникальные материалы, выступили представители научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Красноярска. На первом заседании д-р ист. наук Н.Д. Зольникова представила личную переписку Н.Н. Покровского с родственниками в годы его заключения как отражение драматического изменения повседневной жизни ученого и его близких. Переломному событию в жизни Н.Н. Покровского – его переезду в Новосибирский академгородок было посвящено выступление Н.П. Матхановой. С информацией о личном архиве академика Н.Н. Покровского в ГКУ НСО ГАНО познакомил участников конференции ведущий архивист О.С. Демитриева. На примере анализа одной редакции Латухинской Степенной книги в докладе А.В. Сиренова, много лет сотрудничав-

шего с Николаем Николаевичем, была продемонстрирована эффективность методов источниковедческого анализа, предложенных Н.Н. Покровским. Научное издание Латухинской Степенной (2011 г.) стало одним из последних крупнейших проектов в творчестве сибирского ученого. Важные принципы научного исследования, горячо поддержанные в свое время Н.Н. Покровским, отражены в докладе доктора богословия Б.И. Пивоварова, посвященном источниковедческим аспектам записок алтайских миссионеров. Другой тип источников – устные предания донских казаков – стал предметом анализа Н.А. Мининкова.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады разной тематики, отражавшие широту научных поисков, но каждое выступление подчеркивало направленность конференции. Оригинальное решение вопроса генезиса древнейшего славянского перевода книги Есфирь было предложено В.М. Лурье. Проблемы старообрядческой книжности – традиционный сюжет наших конференций. Ведущие специалисты страны доложили результаты своих исследований. Так, Е.М. Юхименко представила историю изучения двух крупнейших памятников выговской книжной культуры – богослужебного устава Выго-Лексинского общежития и недавно открытых ею Выговских Четых Миней. О масштабах и характере публикационной деятельности старообрядцев шла речь в докладе протоиерея П.И. Мангилева, существенно дополнившего сведения о старообрядческих гектографических изданиях. На конференции были представлены и результаты археографической работы в зарубежных хранилищах. И.В. Починская рассказала об открытом ею в Народной библиотеке Болгарии им. св. Кирилла и Мефодия старообрядческом сборнике XIX в., содержащем ценный материал по истории белокрыницкого и федосеевского согласий. Сообщение Г.Ф. Быкони касалось политической ситуации в Московской Руси XVI в. Завершил заключительное пленарное заседание доклад Л.В. Титовой и А.Х. Элрта об истории серии «Археография и источниковедение», основанной Н.Н. Покровским в 1975 г. и ставшей авторитетным ежегодным научным изданием.

За два дня работы конференции проведено семь тематических заседаний. Самая многочисленная секция сложилась из докладов, посвященных актуальным вопросам изучения истории православия, где рассматривались разные аспекты истории Русской православной церкви XVII–XX вв. и старообрядческой культуры.

Забытая биографическая статья П. Добромыслова (1895 г.) об одном из лидеров первого этапа старообрядческого движения – иноке Авраамии – стала предметом ана-

лиза Л.Д. Демидовой. Незвестной странице истории старообрядцев-беглопоповцев горнозаводского Урала XVIII в. посвящен доклад канд. ист. наук С.А. Белобородова. В докладе аспиранта И.Н. Никанорова был прослежен процесс оформления традиции федосеевского согласия во второй половине XIX в., нашедший отражение в сборнике «Отечественные письма». Об обращении противников церковной реформы Никона к памяти о прошлом с целью отстаивания непримиримой позиции в отношении нововведений говорилось в докладе Н.С. Гурьяновой. Ю.В. Боровик введено в научный оборот оригинальное полемическое сочинение часовенного согласия «Рассуждение о временах века сего», написанное в конце XIX – начале XX в. Оригинальность авторского подхода в эсхатологическом сочинении периода революции и Гражданской войны – «Слова» епископа Белокриницкой иерархии Антония (Паромова) – показана Н.А. Старухиным. Два доклада были посвящены музыкальной культуре старообрядцев. Так, установление оригинальной авторской редакции богослужебных песнопений в рукописи Л.А. Гребнева из Вятской коллекции Научной библиотеки МГУ принадлежит А.А. Михеевой. Гипотеза об атрибуции старообрядческой певческой Азбуки из книжного собрания Института истории СО РАН – ее принадлежности старообрядческому книгоиздателю Л.Ф. Калашникову – выдвинута Т.Г. Казанцевой. На вопрос «За что и когда Кирша Данилов оказался в ссылке в Сибири?» ответил В.И. Байдин.

Региональная церковная история – ведущая тема уральских исследователей. Формирование женских монашеских сообществ Западной Сибири в XVII в. (И.Л. Манькова), система сбора денег в архиерейскую казну с приходов и населения Сибирской епархии в конце XVII в. (священник И.А. Никулин), читательские интересы учащихся региональных духовных школ в первой половине XIX в. (А.В. Мангилева), неповторимый историко-антропологический «портрет» регионального духовенства, составленный по частотным спискам священнослужителей (А.Г. Мосин), выявление двух противоположных вариантов единоверия в периодике второй половины XIX – начала XX в. (А.С. Палкин) – таков круг проблем, предложенных к обсуждению замечательными историками Екатеринбурга. Об авторах и издателях житий в печати Сибири рассказала Н.К. Чернышова.

Особое внимание привлек доклад архимандрита Макария (Веретенникова) о правомерности церковного брака Лжедмитрия и Марины Мнишек. С.Г. Петров на открытых им источниках (письмах русского духовенства) описал историю насаждения большевиками в 1920-е гг. обновленческого церковного раскола в США и Франции.

Еще одна крупная научная проблема в работе конференции – история памятников древнерусской литературы и книжности – привлекла внимание участников конференции. Заседание открылось памятью о таком значимом событии, как 500-летие прибытия Максима Грека в Россию. Л.И. Журовой был сделан обзор современных исследований об ученом монахе. Доклады Н. Зайц, Л.И. Журовой и Т.А. Исаченко были посвящены анализу некоторых сочинений (переводы, ответные послания, сказания об Афоне) из рукописного наследия церковного публициста XVI в.

Примечательным фактом конференции стали выступления учеников профессора НГУ, д-ра филол. наук Е.И. Дергачевой-Скоп. Они привлекли внимание высокой культурой комплексного анализа и оригинальными выводами. История одного сюжета XII в. в Степенной книге (В.А. Мельничук), вопросы формирования и атрибуции южнорусского летописного свода XIII в. (В.В. Подопригра), введение в научный оборот новонайденной гомилии митрополита Спиридона-Саввы (А.Н. Коваленко) обсуждались особенно активно. Скрупулезный анализ записей на книгах нескольких территориальных коллекций, хранящихся в Сибири (А.Ю. Бородихин), выявление владельческих штампов, записей и других примет книжных памятников, принадлежавших старообрядческим общинным библиотекам и частным собраниям (А.А. Юдин), атрибуция поучений из Пролога XIII в. (И.А. Шилова) способствовали освещению важных моментов в истории книги в России.

Большой интерес вызвал доклад Е.И. Дергачевой-Скоп и А.Ю. Бородихина, посвященный вопросам подготовки «Сводного каталога рукописей, старопечатных и редких книг, имеющихся в собраниях Сибири и Дальнего Востока». Авторами определены проблемы, связанные с принципами формирования Свода, намечены пути их решения. В результате многолетней экспедиционной работы археографов НГУ и ГПНТБ и исследований территориальных коллекций собраны уникальные материалы. (Заметим, что не успело пройти закрытие конференции, как ее участники – А.Ю. Бородихин, А.А. Юдин, И.А. Шилова – отправились в очередную экспедицию.)

В отдельный блок нужно выделить филологические исследования памятников XVII–XVIII вв. Среди них содержательный анализ источников (литературных, документальных и устного происхождения) и особенностей сюжетного повествования в сибирских посланиях тобольского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) (Т.В. Панич), выявление функций видений в «Сказании о явлении Абалацкой иконы Богородицы в Тобольске» (Т.И. Ковалева), изучение комплекса источников (агиография, заговоры, сибирские судебно-следственные дела), отразивших феномен одержимости («беснующийся недуг») в народном религиозном сознании сибиряков (О.Д. Журавель), обсуждение вопроса исторической достоверности и прагматической составляющей образа мальтийских кавалеров в русской беллетристике Петровского времени (Л.А. Курышева).

Проблемы изучения и описания рукописных собраний и старопечатных книг – еще один аспект в работе конференции. Палеографические и текстологические особенности рукописной коллекции Ризницы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры были выявлены М.С. Крутовой. Археографический анализ книг из библиотек ученых Екатеринбурга и Урала во второй половине XIX – первой половине XX в. выполнен Н.А. Мудровой. В коллективном докладе молодых исследователей из Петербурга (И.А. Поляков, Е.С. Дилигул) изложены результаты структурного и кодикологического анализа рукописи из собрания ОР РНБ тихвинского архимандрита (1668–1674) Ионы Баранова, впервые введенной в научный оборот. Составу и авторству рукописного песенника первой четверти XIX в., хранящегося в Екатеринбурге, был посвящен интересный доклад Л.С. Соболевой.

Одно из важнейших направлений в работе конференции традиционно было связано с источниковедческой проблематикой. Характеристика новых и детальный анализ уже известных источников разных видов по истории России XVII–XX вв., в которых отразились как специфические сибирские, так и общероссийские реалии, составили содержание многих докладов. Выступавшие описывали состав и определяли информационные возможности эго-текстов крестьянства (М.К. Чуркин), служилых людей (А.А. Бродников, И.П. Каменецкий), купечества (Е.В. Комлева), женщин-писательниц (А.А. Старышкина), дворянского семейства Орловых-Давыдовых (Д.В. Долгушин), постоянных и временных жителей старейшего сибирского города Енисейска (Т.А. Кискидосова). Выявлено влияние на их форму и содержание конкретных обстоятельств, времени, личных качеств авторов и их социального происхождения.

Анализ «Великого Зеркала», представленный С.К. Севастьяновой, продемонстрировал особенности восприятия человеком XVII в. феномена болезни и образа больного. Продолжает вводиться в научный оборот и анализироваться рукописное наследие исследователей Сибири XVIII в. (А.Х. Элерт, И.А. Шипилов). Описание Сибири польским офицером Ю. Кобылецким было представлено Е.Н. Туманик. Изучение рукописей известного ученого и педагога XIX в. А.А. Дмитриевского позволило определить методы, которыми он пользовался при разработке лекционных курсов по истории богослужения в Русской Православной Церкви (С.Ю. Акишин). Материалы делопроизводства стали основой исследований по истории крестьянства (М.А. Гордеева) и кооперации рубежа XIX–XX вв. (Г.М. Запорожченко). Возможности применения информационных технологий при издании исторических источников XVII в. обсуждались И.Р. Соколовским.

Необычным и познавательным для историков стал доклад академика РАН А.Е. Аникина о сибирской топонимистике. Рассмотренный пример спорного среди лингвистов вопроса о происхождении названия р. Енисей наглядно продемонстрировал сложность этносоциального и межкультурного взаимодействия народов на территории Сибири в течение столетий.

Анализ метрически книг Екатеринбурга конца XIX в. (доклад Е.М. Главацкой) позволил сопоставить процессы, происходившие в конкретном городе и регионе, с аналогичными тенденциями в европейских странах.

Отдельный блок исследований был связан с изучением периодической печати на разных исторических этапах: участие юристов в журналах, тематика русских ежемесячников второй половины XIX – начала XX вв. (И.Г. Адоньева), условия жизни и работы журналистов и корреспондентов (И.С. Козлова), особенности работы над историей цензуры М.К. Лемке (Н.Н. Бессонова).

Центральное место в работе секции, посвященной изучению отечественной истории XX в., занимала источниковедческая проблематика. На основе анализа журналов заседаний Российского правительства в период гражданской войны В.И. Шишкиным представлены сравнительная характеристика и оценка делопроизводства белых и советского правительства того времени. Деятельность социалистической прессы в условиях диктатуры А.В. Колчака рассмотрена Д.Л. Шереметьевой. Изучение истории зернового производства в нашей стране во второй половине XX в. по данным сельскохозяйственной статистики позволило обнаружить ряд острых проблем (С.Н. Адреенков). Важные результаты получены при анализе статистики посевных площадей после обработки первой постсоветской Всероссийской сельскохозяйственной переписи (В.А. Ильиных). Особое внимание на конференции было обращено на публикацию документов советского периода. В частности, дискуссию вызвало выступление М.В. Зеленова об археографических и источниковедческих проблемах делопроизводства ЦК РКП(б) в 1919–1924 гг.

Конкретно-историческим характером отличались исследования коллег из Казахстана. Так, Г.Т. Каженова выявила особенности двух этапов организации земства в казахских волостях и уездах Акмолинской области, Г.Б. Карсакова осветила проблемы миграции на территорию Акмолинской губернии беженцев из европейской части России во время голода 1919–1921 гг. Проблемы историографии, в том числе зарубежной, освещены в докладе Д.А. Ананьева, рассмотревшего оценки американскими и канадскими исследователями конца XIX – начала XXI в. продажи Аляски.

Обсуждения, научные дискуссии, многочисленные вопросы на заседаниях секций также вызывали большой интерес, как и выступления докладчиков.

*Д-р ист. наук Л. И. Журова,
канд. ист. наук Е. В. Комлева,
И. А. Шипилов,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

V СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ (г. КРАСНОЯРСК, 25–26 ОКТЯБРЯ 2017 г.)

С 2013 г. в Красноярске ежегодно проводится научное мероприятие, организаторами которого выступают Администрация губернатора Красноярского края, Законодательное Собрание Красноярского края и Архивное агентство Красноярского края. Организационными партнерами являются ведущие вузы города – Сибирский федеральный университет, Красноярский педагогический государственный университет им. В.П. Астафьева, а также Красноярский краевой краеведческий музей и Государственная универсальная научная библиотека.

Основная цель форума – сохранение исторического и духовного наследия народов Сибири; консолидация усилий органов государственной власти и местного самоуправления, ученых, общественности в вопросах патриотического воспитания различных слоев российского населения, формирование активной жизненной позиции молодежи. Сегодня Сибирский исторический форум является единственным за Уралом научным мероприятием подобного формата, в рамках которого участники получают возможность обмена мнениями по наиболее актуальным темам отечественной истории. Сборники докладов, издаваемые по итогам каждого форума, доступны преподавателям вузов края, студентам, широкой общественности.

V Сибирский исторический форум посвящен проблеме «Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири». Идея провести научное мероприятие по этой проблеме родилась в 2016 г., когда директор Санкт-Петербургского института истории РАН, д-р ист. наук Н.Н. Смирнов призвал участников IV Сибирского исторического форума дать ответы на дискуссионные вопросы в свете предстоящего 100-летия Великой российской революции. За прошедший год организаторы форума проделали огромную работу, чтобы провести мероприятие, посвященное событиям столетней давности. Была поставлена цель – привлечь по возможности такой круг участников, чтобы обеспечить разностороннее освещение событий Революции 1917 г. и ее последствий.

На открытии форума, состоявшегося 26 октября 2017 г. в здании Конгресс-холла Сибирского федерального университета, представители краевой власти отметили важность его проведения для развития края: революция 1917 г. расколола страну и общество на два непримиримых лагеря, и задача современных историков – попытаться осмыслить события тех далеких лет и выработать взвешенные и достоверные оценки такого значимого этапа отечественной истории.

Пленарное заседание Сибирского исторического форума открыл заместитель председателя Законодательного Собрания Красноярского края А.М. Клешко, он же стал модератором пленарной части конференции. А.М. Клешко напомнил участникам форума, что в большой российской истории есть своя особая история Сибири и Красноярья: «У нас

есть свои герои, имена которых мы должны знать. На нашей земле происходили уникальные процессы, от которых зависели многие исторические события. Поэтому наш форум позволяет все это еще раз вспомнить и сохранить в памяти».

На пленарном заседании с докладами выступили известные и уважаемые специалисты как из европейской части страны, так и из Сибирского региона: д-р ист. наук Н.Н. Смирнов, директор Санкт-Петербургского института истории РАН; д-р ист. наук В.П. Булдаков, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; д-р ист. наук С.В. Любичанковский, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета; д-р ист. наук Т.Г. Леонтьева, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета; д-р ист. наук В.П. Зиновьев, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета; д-р ист. наук И.П. Павлова, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета; д-р ист. наук В.Г. Кокорулин, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

В пленарных докладах анализировался широкий спектр дискуссионных проблем: освещена трансформация властных отношений в России от февраля к октябрю 1917 г.; сделан вывод, что революцию 1917 г. можно рассматривать как начало русского варианта развития индустриального общества; проанализировано развитие правового пространства в эпоху революционных потрясений; изучены проблемы самоуправления через призму опыта 1917 г.; показаны изменения в деятельности церкви от Февраля к Октябрю 1917 г.; дана интерпретация революционных событий на основе новых документальных источников; рассмотрена деятельность политических партий Западной Сибири в период двоевластия. Участники пленарного заседания пришли к единодушному выводу, что 1917 г. стал поворотным для России и повлиял на дальнейший ход всемирной истории. Революционные события продолжают и сегодня оставаться в центре внимания ученых и общественности.

Второй день работы форума 27 октября 2017 г. начался с проведения круглого стола «Революция в России: опыт, истоки и уроки» (модератор – д-р ист. наук И.П. Павлова, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета). Основными докладчиками на заседании круглого стола выступили: И.А. Пфаненштиль, профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Гуманитарного института Сибирского федерального университета, который рассмотрел революционный процесс 1917 г. через призму геополитики; д-р ист. наук О.В. Коновалова, профессор Сибирского юридического института МВД России, которая проанализировала ста-

новление взглядов В.М. Чернова на причины и особенности революционного процесса в России. В дискуссии приняли участие преподаватели вузов и школ, студенты, архивисты, сотрудники музеев.

Всего на конференции заслушано более 60 докладов, большая часть из них – на секциях.

Секция 1 «Государство и общественно-политические объединения в Сибири в 1917 году» (руководитель – канд. ист. наук *А.Н. Жулаева*, доцент Гуманитарного института Сибирского федерального университета). Ее участники представили результаты исследований по таким проблемам истории Сибири, как содержание и особенности революции 1917 г. и Гражданской войны на Енисее, революционные процессы в волостях Минусинского округа, борьба политических партий за власть в Приенисейском регионе в феврале – октябре 1917 г., общественно-политические процессы в Енисейской губернии периода революционных событий и отражение их в архивных документах, участие женщин Сибири в революционных событиях и др.

Секция 2 «Революция: социальный и нравственный выбор общества» (руководитель – канд. ист. наук *Л.Э. Мезит*, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева). Заслушаны доклады с последующим обсуждением таких проблем, как повседневная жизнь в эпоху социальных потрясений, девиантное поведение населения г. Красноярск в годы революции и Гражданской войны, влияние революции на такие социальные группы, как священнослужители и учителя, организация социальной помощи инвалидам войны в 1917–1921 гг. и др.

Секция 3 «Революция и ее влияние на развитие государства и общества» (руководитель – канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН). В докладах представлены результаты исследований по таким проблемам, как осуществление проекта «Урало-Кузбасс» в свете революционных событий, деятельность нотариата Сибири и Дальнего Востока в условиях социально-политических трансформаций, постреволюционное правосудие и деятельность судов как инструмента социалистического строительства, Революция 1917 г. и коренные малочисленные народы Севера, региональный вектор развития науки в XX в. и др.

Секция 4 «Человек и общество в эпоху революции» (руководитель – канд. ист. наук *А.П. Дементьев*, заместитель директора средней школы № 12, г. Красноярск, доцент Красноярского государственного педагогического университета

им. В.П. Астафьева). Участники обсудили влияние революционных событий на судьбы отдельных людей – историков Н.Е. Какурина и А.М. Гневушева, одного из первых сотрудников красноярской ЧК Е.М. Дударева, чешского legionера Я. Коудельного, рассмотрели образ жизни семей Доброхотовых и Кончаловских в условиях социальных катаклизмов. В докладах представлены результаты изучения визуального образа революции, а также перечня имен, которыми называли младенцев в 1917 г., и др.

Секция 5 «Вопросы сохранения исторической памяти» (руководитель – д-р ист. наук *А.С. Ковалев*, профессор Гуманитарного института Сибирского федерального университета). Важной темой в нескольких докладах стала тема организации выставок о Революции 1917 г. как важнейшего направления просветительской деятельности музеев Сибири. Живой отклик аудитории вызвали результаты интернет-опроса об отношении сибиряков к Революции 1917 г., а также исследование о том, как революционные события отразились в общественной памяти (анекдотах).

На заключительном заседании V Сибирского исторического форума руководители секций кратко анонсировали итоги работы. Отмечалось, что обсуждение актуальных проблем отечественной истории на открытых площадках форума позволило обозначить новые дискуссионные вопросы, узнать о новых темах молодых исследователей.

Участники форума, среди которых были представители научного сообщества Санкт-Петербурга, Москвы, Абакана, Благовещенска, Иркутска, Красноярска, Новосибирска, Оренбурга, Твери, Томска и других городов России, специалисты архивов, музеев и библиотек Сибирского федерального округа, предложили рассматривать Революцию 1917 г. как единый процесс, начавшийся февральскими событиями 1917 г. и завершившийся победой сторонников советской власти в Гражданской войне.

Подводя итоги конференции в целом, руководитель Архивного агентства Красноярского края А.Б. Казинин отметил, что проблемы исторического значения и смысла русской революции по-прежнему остаются актуальными в исследованиях ученых. Архивы Сибирского федерального округа, в том числе Государственный архив Красноярского края, располагают огромным массивом документов по истории революции и готовы принять всех, интересующихся этой темой.

*Канд. ист. наук Н.А. Куперитох,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В МУЗЕЙНОМ МИРЕ РОССИИ

9–12 октября 2017 г. в Новосибирске состоялась III Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения», посвященная 80-летию образования Новосибирской области и 60-летию создания Сибирского отделения Российской академии наук. Организаторами выступили Сибирское отделение Российской академии наук в лице Института истории СО РАН, Министерство культуры Новосибирской области, Общественный совет при Министерстве культуры Новосибирской области, АНО «Новый институт культурологии», Государственный литературный музей, Новосибирская государственная областная научная библиотека, Музей истории религии, при содействии ряда учреждений культуры Новосибирской области, институтов СО РАН, АО «Технопарк Новосибирского Академгородка». Сопредседатели оргкомитета – чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, директор Института истории СО РАН, председатель Научного совета по музеям СО РАН В.А. Ламин, министр культуры Новосибирской области И.Н. Решетников.

На пленарном заседании с приветственным словом и докладом выступил министр культуры области И.Н. Решетников, с приветствиями: председатель Общественного совета при Министерстве культуры Новосибирской области Е.В. Макарова, заместитель председателя Научного совета по музеям СО РАН, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук О.Н. Шелегина, заместитель генерального директора бюджетного учреждения Республики Крым «Историко-культурный и мемориальный музей-заповедник «Киммерия Волошина» Н.М. Мирошниченко, директор АНО «Историческое общество Сибирского федерального округа» Е.В. Болдырева, председатель Новосибирской областной общественной профсоюзной организации Российского профессионального союза работников культуры Л.Г. Зенкова, директор Института систематики и экологии животных СО РАН В.В. Глухов.

Заинтересованно были восприняты собравшимися на пленарном заседании в Новосибирской государственной областной научной библиотеке доклады ведущих российских музеев, культурологов – И.В. Чувиловой «Взаимодействие музея и общества в ракурсе культуры повседневности» (г. Москва), Е.Н. Мастеницы «Музей в глобальном мире: преодоление границ» (г. Санкт-Петербург), И.Н. Долиной «Музей: открытый доступ» (г. Санкт-Петербург), Е.А. Воронцовой «Музеи–библиотеки–архивы в эпоху противоборства глобализации, глокализации, антиглобализма» (г. Москва), А.В. Зубарева, Н.М. Мирошниченко «Музейное пространство Крыма: проблемы, приоритеты, коммуникация» (г. Симферополь, пгт Коктебель), а также известных сибирских ученых, музееведов, общественных деятелей: О.Н. Шелегиной «Актуальные проблемы изучения музейного мира Сибири» (г. Новосибирск), Г.М. Запорожченко «Формирование и трансляция идентичности научного топоса: музеевческие аспекты» (г. Новосибирск), А.О. Прони-

на «Исторический парк «Россия – моя история» в Новосибирске: реализация федерального проекта» (г. Новосибирск), О.Г. Филипповой «Современные тенденции развития музейной сети Алтайского края» (г. Барнаул), Л.А. Ивановой «Научное наследие главы сибирской школы гидрогеологов Е.В. Пиннекера в музее Института земной коры СО РАН» (г. Иркутск), В.Н. Зянкина «Социокультурные аспекты территориального брендинга» (г. Новосибирск). Было обращено внимание на новационный образовательный проект – международная Крымская музеевческая школа «Museum Studio».

Дискуссии в секциях проходили по следующим направлениям: история, теория и научно-практические проблемы российского музееведения; музей в процессе интеграции науки, образования и культуры; деятельность музеев в регионах; технологии доступного культурного пространства; литературные музеи в социокультурном пространстве; музеевческие аспекты природного наследия и экологического воспитания; современные технологии изучения наследия.

Был предусмотрен вариативный формат участия: выступления с докладами на пленарных и секционных заседаниях, дискуссии на круглых столах «Музей и общество», «Интеграция государственных, муниципальных, вузовских музеев в освоении наследия», «Геобрендинг и имидж музеев», работа креативных площадок «Самая умная улица в мире – проспект академика М.А. Лаврентьева» (Институт истории СО РАН), «Интерактивные музейные технологии: опыт и перспективы использования» (музей «Заельцовка» (филиал) Музея Новосибирска); научно-образовательные экскурсии в Технопарке Новосибирского академгородка и на музейных объектах Новосибирского государственного университета. Проведены мастер-классы: «Методы изучения музейной аудитории» (О.А. Ефанова, г. Москва), «Партнерские музейные проекты в развитии социокультурного пространства Кузбасса» (Н.А. Белоусова, Л.З. Боголепова, г. Кемерово), «От образа к имиджу музея» (О.В. Шестаков, г. Барнаул). Участникам конференции было предложено ознакомиться с экспозициями Новосибирского государственного краеведческого музея, Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института этнографии и археологии СО РАН, Центрального сибирского геологического музея Института геологии и минералогии СО РАН.

К началу работы конференции был издан сборник материалов конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко. Новосибирск, 2017. 384 с.).

В работе конференции приняли участие более 200 представителей 35 городов Российской Федерации, республик Беларусь, Бурятия, Горный Алтай, Крым, Казахстан, Хакасия, а также Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Алтайского, Красноярского, Пермского и Забайкальского краев, ряда районов Новосибирской области. Среди участников конференции – 13 докторов и 48 кандидатов наук, про-

фессионалы и молодые специалисты музейной, социокультурной и образовательной сфер.

Участниками конференции были отмечены ее высокий научно-организационный и научно-практический уровень, тематическая репрезентативность, привлечение широкого круга специалистов и общественности, предоставление возможности ознакомиться со значимыми объектами наследия г. Новосибирска и Новосибирского академгородка, подчеркнуты перспективы интеграции в социокультурном пространстве регионов России в сфере взаимодействия с местным сообществом, направления междисциплинарного и межведомственного сотрудничества. Конференция стала важным и интересным событием в культурной и научной жизни России и, несомненно, послужит импульсом для развития музейно-исследовательских идей и конкретных музейных практик.

В ходе дискуссий было предложено расширить теоретическую часть программы с привлечением ведущих российских музеологов и организовать в ее рамках дискуссионную площадку для всех участников конференции. К числу приоритетных научно-практических задач отнесено активное использование в музейной практике «Словаря актуальных музейных терминов» – базовой разработки российских музеологов и его дальнейшее совершенствование, адаптацию к современным социокультурным условиям. Целесообразным также признано создание научно-информационного и учебно-методического пособия по музейному источниковедению с использованием потенциала вузовской и академической науки. Особое внимание следует уделить распространению новационного опыта деятельности музеев регионального, муниципального и районного уровней, малых музеев, которые, несмотря на финансовые трудности, разрабатывают и продвигают значимые креативные социокультурные проекты. Примером существенного вклада в развитие социокультурного пространства региона посредством успешной реализации партнерских проектов являются крупные вузовские музеи Кузбасса.

В процесс организации данной конференции, по мнению ее организаторов и участников, следует внедрить международный опыт: включение в заявку краткого резюме докладов; электронную публикацию тезисов до начала мероприятия; издание сборника материалов на основе отбора оргкомитетом авторов-докладчиков. Предложено усилить информационно-рекламную поддержку музейных мероприятий и Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения». С целью повышения роли музеев в процессе интеграции науки, образования и культуры, развития музейной педагогики необходимо инициировать создание электронного межведомственного информационного издания. В рамках крупных региональных и международных книжных ярмарок и форумов, в частности «Книги Сибири», важно организовывать семинары-практикумы для представления новых музейно-исследовательских изданий.

По итогам заседания круглого стола была отмечена актуальность опыта российских ученых в области геобрендин-

га территорий и формирования имиджа музеев для освоения природного и историко-культурного наследия и развития туризма. В этой связи участники форума предложили рекомендовать Государственному комитету по охране культурного наследия Республики Крым присвоить объекту «Дом, построенный в 1903 г. по проекту М.А. Волошина, в котором художник и поэт жил в 1903–1932 гг.» статус памятника федерального значения, содействовать включению в реестр памятников дома матери М.А. Волошина и органичному развитию Музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина» в рамках проекта «Коктебель-парк».

Развитие междисциплинарного и социокультурного, научно-образовательного проекта «Научный топос как феномен регионально-локальной идентичности», предложенного сектором «Музей СО РАН» Института истории СО РАН, а также создание на его базе Центра популяризации науки будет содействовать освоению наследия Новосибирского академгородка как достопримечательного места регионального значения. Участники конференции единодушно поддержали общественную деятельность Научного совета по музеям СО РАН и предложили с целью совершенствования музейного пространства России возобновить практику целевого финансирования академических музеев СО РАН.

В современных условиях приоритетное значение следует уделять развитию и совершенствованию системы профессионального музейного образования и повышения квалификации музейных кадров. Необходимо заключить (или продлить) договоры о сотрудничестве между музеями, учреждениями музейного типа, научными институтами и институтами, обеспечивающими подготовку по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». В рамках сетевого взаимодействия между данными учреждениями следует подключиться к разработке и внедрению профессиональных стандартов для музейной отрасли, совместно разработать и проводить на базе вузов курсы повышения квалификации и переподготовки в соответствии с требованиями профессиональных стандартов. Так, музейное сообщество предполагает активнее использовать новационную образовательную площадку «Крымская музеологическая школа», развивать формат выездных и локальных музеологических школ.

Конференция признана значимой новацией в музейном мире России. В ее резолюции нашли отражение актуальные вопросы, решение которых необходимо для поступательного развития музейного дела в стране, обоснованы эффективные пути решения задач по интеграции науки, культуры и образования в области освоения наследия.

Предложено IV Всероссийскую научно-практическую конференцию «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» провести в октябре 2020 г. в г. Новосибирске.

*Доктора исторических наук
О.Н. Шелегина, Г.М. Запорожченко,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.